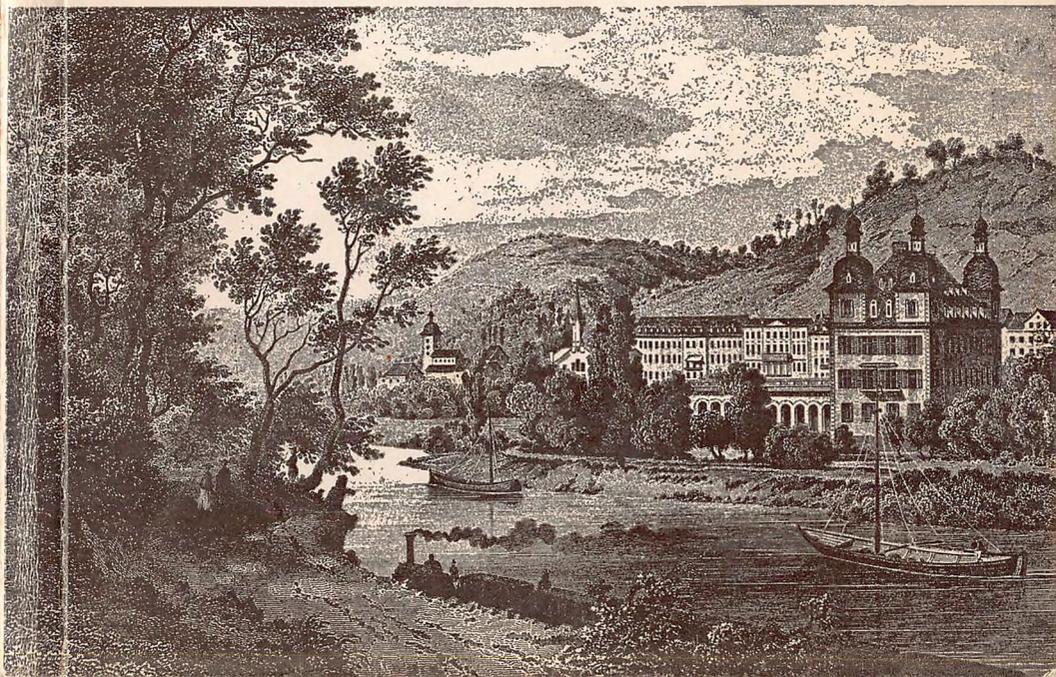

Н. А. Натова

Ф. М. Достоевский в Бад Эмсе

Н. А. НАТОВА

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

В

БАД ЭМСЕ

Автор выражает благодарность г-же доктору Гертруде Бах, куратору Архива города Эмс, а также директору курортного управления г-ну Вадепул за предоставленные архивные материалы и фотографии.

Н. Н.

Copyright by Author, 1971
Надежда Анатольевна Натова (Тихоцкая)
Druck: Possev-Verlag, V. Goradiek K. G.
Frankfurt/Main

ВВЕДЕНИЕ

Пребывание известного писателя в каком-либо месте накладывает незримый отпечаток на всё, что в какой-то мере соприкасалось с этим писателем и его переживаниями в данном месте. Такие названия как Петербург, Ясная Поляна, сёла Михайловское и Болдино, Орёл, Шахматово, Переделкино неизменно вызывают в уме образ гения, жившего и творившего в этих местах и придавшего одним фактом своего присутствия какое-то особое, дополнительное очарование как блистательным городам так и скромным сёлам.

Есть также названия мест в Европе, вошедшие в сознание русского читателя только потому, что они вызывают у него, прежде любых других, ассоциации с определенным периодом в жизни почитаемого писателя. Так Люцерн связан с образом молодого Льва Толстого, ищущего применения своим гигантским творческим силам и пережившего в этом красивом швейцарском городе одно из сильнейших разочарований своей жизни. Баден-Баден навсегда вошел в историю русской культуры не только как название города, связанное с определенным периодом жизни Ивана Сергеевича Тургенева, но и как символ связи русской литературы с литературой Запада. Название скромного шварцвальдского курорта Баденвейлер прозвучало как последний аккорд до предела натянутой струны — последнее усилие смертельно больного Антона Павловича Чехова продолжить жизнь.

В биографии Федора Михайловича Достоевского немецкий курорт Бад Эмс сыграл достаточно важную роль, чтобы стать предметом специального исследования. Не исключено предположение, что лечение водами Эмса продлило жизнь писателя и поддержало его энергию, необходимую для завершения труда его жизни и величайшего синтеза его творческого воображения и глубоких философско-этических размышлений — романа «Братья Карамазовы».

Название Эмс появляется в письмах Достоевского впервые в 1874 году. Оно появляется затем в письмах писателя снова в 1875, 1876 и 1879 годах. Упоминается Эмс и в Воспоминаниях Анны Григорьевны Достоевской, при описании соответствующих периодов жизни Федора Михайловича¹. Коротко упоминает о пребывании писателя в Эмсе и его дочь Любовь Федоровна в биографии, написанной ею к столетию со дня рождения Достоевского². Выпуск «Дневника писателя» за июль-август 1876 года посвящен Эмсу, его особенностям, нравам его обитателей и пребывающим там курортникам, в том числе «бездне русских», сотнями приезжавших туда лечиться. В романе «Подросток», план и значительная часть которого обдумывались и писались в Эмсе, весь эпизод встречи Версилова с Лидией Ахмаковой, падчерицей генеральши Катерины Николаевны Ахмаковой, переносится в Эмс³. Неоднократно появляется название этого модного курорта, особенно популярного в 60-ых — 80-ых годах XIX века, в Записных тетрадах к роману «Подросток»⁴. Письма, которые Федор Михайлович писал из Эмса своей жене и некоторым своим знакомым, представляют большую ценность для познания личности Достоевского и его творчества. Писал он эти письма в годы наивысшего творческого напряжения и глубочайших раздумий о человеке и судьбах общества, о будущем цивилизации. Нет другого документа, в котором отразилось бы с такой полнотой отношение Достоевского к женщине, любви и браку, к детям, его уважение к труду честных простых людей, а также его порицание людской праздности, пустословия, неуважения и невнимания к человеку, меркантилизма и погружения в материальные интересы.

В трудах, посвященных биографии Ф. М. Достоевского — назовем лишь основные из них, как труды К. Мочульского, Л. Гроссмана, Д. Магаршака, А. Ярмолинского, А. Труайа, К. Онаша и П. Паскаля⁵, — обычно только кратко упоминается о поездках писателя в Бад Эмс, главным образом о его отъездах и приездах. Несколько подробнее на самом факте пребывания Достоевского в Эмсе останавливается А. Яр-

молинский, использовавший для своего краткого обзора письма Достоевского, а также Воспоминания его жены.

Период, связанный с лечением в Эмсе, охватывает последние, самые напряженные годы жизни писателя. Достоевский более года — с начала 1873 по апрель 1874 года — работал редактором еженедельника «Гражданин» и начал, с января 1873 года, печатать в этом журнале «Дневник писателя» — новую форму публицистики, позволившую ему высказывать свое мнение по поводу самых различных существенных вопросов современной ему жизни. Уже в это время Достоевский был тяжело болен, о чём свидетельствовал даже его внешний вид, так выразительно описанный корректором журнала В. В. Тимофеевой-О.Починковской:

«Это был очень бледный — землистой, болезненной бледностью — немолодой, очень усталый или больной человек, с мрачным, изнуренным лицом, покрытым, как сеткой, какими-то необыкновенно выразительными тенями от напряженно сдержанного движения мускулов»⁶.

Корректор В. В. Тимофеева, метранпаж типографии Траншеля Михаил Александрович Александров, а также другие люди, близко общавшиеся с Достоевским в это время, как писатель Всеволод Сергеевич Соловьев, свидетельствуют, что обязанности, связанные с редактированием «Гражданина», тяготили Федора Михайловича, что через год работы в редакции он был очень утомлен и решил освободиться от этой должности⁷.

Наконец, 22 апреля 1874 года, помещенное в № 16-ом «Гражданина» редакционное сообщение известило читателей, что Достоевский «по расстроенному здоровью принужден сложить с себя обязанности редактора». Согласно воспоминаниям Александрова, между ним и Достоевским состоялся следующий разговор: на замечание Александрова по поводу освобождения писателя «от всегда ненавистного ему обусловленного труда», сказавшего Достоевскому: «Теперь-то вы наконец отдохнете, Федор Михайлович. Кстати, скоро и лето», ответ Достоевского гласил:

«Нет, Михаил Александрович, теперь-то я и начну работать!.. Знаете, летом я могу и люблю работать более, чем зимою... Отдохнуть-то я отдохну, конечно, да и здоровье тоже поправить надо; может быть, за границу съезжу, в Эмс — Эмс мне всегда помогал, — оттуда в Старую Руссу, а там и за работу!.. Много отдыхать я не буду... А осенью опять в Петербург, непременно, несмотря на его дожди, грязь и туманы!»⁸

Тут явная, ещё никем не замеченная ошибка. В 1874 году Достоевский впервые едет в Бад Эмс на лечение. Если первая его фраза, воспроизведенная Александровым, — «может быть, за границу съезжу, в Эмс» — вполне достоверна, так как соответствует и письмам писателя и воспоминаниям его жены, то фраза «Эмс мне всегда помогал» противоречит всем имеющимся в нашем распоряжении свидетельствам. Возможны два объяснения этой ошибки: Александров, писавший свои воспоминания в начале девяностых годов, допустил анахронизм и вписал фразу «Эмс мне всегда помогал», взяв её из своих частных разговоров с писателем в последующие годы их сотрудничества в связи с работой Александрова по набору и корректуре «Дневника писателя», продолжавшейся до временного прекращения выпусков «Дневника» из-за работы Достоевского над романом «Братья Карамазовы». Второе возможное объяснение — Александров мог спутать название курорта Бад Эмс с Висбаденом, в котором Достоевский бывал неоднократно, последний раз в апреле 1871 года.

ПРЕБЫВАНИЕ В ЭМСЕ

Достоевский был в Эмсе четыре раза. Точное установление дат приезда в Бад Эмс и отъезда оттуда представляет большие трудности и требует специального исследования. Даты эти расходятся, так есть расхождения даже между письмами самого писателя и воспоминаниями его жены. Кроме того, встречаются ошибки в датах, сделанные Достоевским. На одну из этих ошибок указал А. Долинин в своих комментариях к Письмам Достоевского⁹.

Лев Матвеевич Рейнус, посвятивший недавно специальное исследование пребыванию Достоевских в Старой Руссе, в трех местах упоминает об Эмсе. В приложении — хронологической таблице основных дат жизни Федора Михайловича Достоевского в Старой Руссе — Рейнус называет во всех четырех случаях только приблизительные даты возвращения писателя в Старую Руссу к семье; напр.: «1874. Около 30 июля. Возвращение в Старую Руссу»¹⁰.

В 77-ом томе *Литературного Наследства*, на стр. 35-ой воспроизведена фотография общего вида города Эмса. На фотографии сделана надпись рукою Анны Григорьевны Достоевской:

Вид г. Эмса, куда Ф. М. Достоевский приезжал лечиться летом 1874, 75, 76, 78 и 79 гг. Отели Ville d'Alger, Stadt Genf u. Lucern, в которых Ф. М. останавливался, находятся на набережной р. Лана.

Здесь очевидна ошибка. Анна Григорьевна, по-видимому, сделала эту надпись по памяти и неверно указала дату 1878 года. Из её же Воспоминаний явствует, что летом 1878 года Достоевский не выезжал за границу. Ошибка Анны Григорьевны не была замечена и комментаторами 77-го тома *Литературного Наследства* — на стр. 512 нет исправления этого неверного сведения. Отел «Алжир» и «Люцерн» действительно стоят на правой набережной реки Лана, на Ланштрассе, служащей продолжением променады Курзала. Третий отель,

в котором Достоевский прожил более двух недель в свой первый приезд «Фюрст Блюхер» (Fürst Blücher) находится не на набережной, а на Вокзальной улице (Bahnhofstrasse), ведущей от вокзала железной дороги к главному мосту через реку Лан — Bahnhofsbrücke.

Первый раз Достоевский пробыл в Эмсе с 11-го (23-го) июня¹¹ по 27-ое июля (8 августа) 1874 года.

Второй раз — с 28-го мая (9-го июня) по 3-е (15-ое июля) 1875 года.

Третий раз — на следующий — 1876 год: с 8-го (20-го) июля по 7-ое (19-ое) августа.

Следующий — четвертый — раз Достоевский едет в Бад Эмс только через три года, а именно в 1879 году. Приезжает он в Эмс 24-го июля (5-го августа) и остается там до 29-го августа (10-го сентября).

Время пребывания Достоевского в Эмсе совпадает с самым блестящим периодом истории этого небольшого города, бывшего тогда модным мировым курортом. Анна Григорьевна Достоевская посвящает три страницы в своих *Воспоминаниях* первой поездке своего мужа в Эмс в 1874 году. Анна Григорьевна указывает на тяжелое состояние здоровья Федора Михайловича. Она пишет, основываясь на сообщениях, даваемых ей Достоевским в своих письмах:

«Орт очень внимательно осмотрел мужа, нашел, что у него временный катар, но заявил, что болезнь довольно важная, потому что, чем больше она будет развиваться, тем будет меньше способности дышать. Предписал пить воды и обещал от четырехнедельного лечения верное выздоровление»¹².

По свидетельству своей жены, Достоевский уезжает из Старой Руссы, где он провел май месяц вместе с семьей, в Петербург 4-го июня. Хлэпоты в Петербурге его утомляют; он жалуется жене, что с трудом дописывает письмо: «...а теперь устал от письма ужасно»¹³. Помимо физической усталости, его одолевает тоска по жене и детям: «Очень у меня смутно на душе и тоска»¹⁴. Тоска эта не оставит его ни на минуту за всё время пребывания в Эмсе.

Из Петербурга Достоевский едет в Берлин, куда приезжает 9-го июня. В Берлине главную его заботу составляет обмен русских денег на немецкие, хождение по магазинам за покупками по поручению жены и посещение известного берлинского врача Фрёрликса, который предписывает ему лечение эмскими минеральными водами так же, как уже ему советовали его постоянный петербургский врач Я. Б. Бретцель и профессор Военно-Медицинской академии Д. И. Кошляков, в то время петербургская знаменитость. Подробный отчёт об этом визите Достоевский дает в первом письме из Эмса от 12-го (24-го) июня. Этой датой помечена также его курортная карточка.

Fürst Blücher N° 7.

No. *1904* FOL. *2331*

Kurtax-Karte.

..... *Monsieur Th. Dostoevsky*
..... *St. Petersburg*

zahlte Kurtaxe für ..... Personen mit *4* Thalern

Hierzu Beikarten No. ....

Emm, den *24. Juni* 1874

Aug. Vogelsberger.

КУРОРТНАЯ КАРТА ДОСТОЕВСКОГО

Эмс, 1874 г.

Музей-квартира Ф. М. Достоевского, Москва

Курортная карточка Достоевского, Эмс, 1874 г.

Ämtliche General-Liste

der

anwesenden Kurgäste und Durchgereisten zu Bad-Ems.

Das Abonnement für die Kurliste beträgt 1 Tblr. 20 Sgr. Die russische General-Liste kostet 3 Fgr., die einzelne tägliche Liste 1 Sgr. Inserionsgebühr die einmalige Gerwedichte oder deren Raum 1 Sgr. 4 Pf.

N. 67.

Samstag, den 1. August

1874.

Die Fremden, deren Namen oder Wohnort entweder gar nicht oder nurtheilig in die Kurliste eingetragen sind, werden ersucht, solches in der Expedition anzuzeigen.

Es liegt im Interesse der Fremden, nach Ankunft ihre Wohnung bei der hiesigen Kaiserlichen Telegraphen-Station im Hansa-Adelsberg, gegenüber den 4 Thürmen, und bei dem Kaiserlichen Post-Amte anzugeben.

Bad-Ems, 1874.

Die Redaction.

Anwesende Kurgäste.

Fürst Blücher.

Plecker v. Pleckerfeld, Hr. Ritter m. Gem.
a. Kronstadt.

Esser, Hr. Königl. Bauk-Rend. a. Stolp.

Odamska, Fr. m. Bed. a. Frankfurt.

v. Schönfels, Hr. Ritter, K. K. Oestr. Major u.
Bat.-Chef a. Wien.

Escheuhagen, Hr. a. Stolp.

Just, Hr. Post-Dir. a. D. a. Dresden.

Verniers van der Loeff, Hr. a. Hollar.

Masman, Hr. a. Grönungen.

Biecker, Hr. Eisenbahn-Dir. a. Cöln.

Kerska, Fr. a. Warschau.

Lasesnska, Fr. a. Warschau.

Dostawsky, Hr. a. Petersburg.

Hornig, Hr. a. Heidelberg.

Pouling, Fr. Oberst a. Saarlouis.

Курортный список за 1874 год и список жильцов отеля «Fürst Blücher».

В Эмс Достоевский добирается из Берлина только около полудня 11-го июня. Первые дни уходят на устройство — на поиски удобной и подходящей по цене квартиры и на посещение врача. Достоевский останавливается в Отель де Фландр (Hotel de Flandre) около железной дороги, но комната ему не нравится: в ней негде повернуться и нет самой

необходимой мебели. «...за 25 грошей (меньше нет цены за комнату) и за талер, показывали комнатки все-таки больше и лучше моей и комфортнее», и он отправляется искать себе другую квартиру. В тот же вечер он переезжает в «приват-отель», то есть частный дом, переделанный в отель для сдачи комнат курортникам. В этом доме — «Fürst Blücher», комната № 7 — Достоевский живет до конца июня. Согласно курортному листу за 1874 год, в списке курортников, прибывших в Эмс до 26-го июля нового стиля, в списке лиц, проживавших в отеле «Фюрст Блюхер», находим и имя Достоевского. В списке составленном на срок, начинающийся с субботы 1-го августа (н. ст) того же 1874 года, имя Достоевского находим уже в числе лиц, зарегистрированных в отеле «Вилль д'Алжэр» (Ville d'Alger).

О своих впечатлениях об отеле «Фюрст Блюхер» Достоевский пишет в первом же очень обстоятельном письме к жене:

«Наконец я решился взять в одном доме квартиру. Хозяйка — одна старая дама в очках, имеющая впрочем мужа, вежливая, но хитрая старуха. Прислуга женская. У ней 26 номеров в доме. Мне показали на выбор две квартиры — одна прекрасная и большая комната, комфортно меблированная, с балконом 14 талеров в неделю, а другая квартира из 2-х комнат, но уже меньше гораздо, тоже очень комфортно меблированные, но только одна комната совсем светлая, а другая, спальня, хоть и имеет 2 окна, но окна выходят на капитальную стену в 2-х аршинах расстояния, и в ней гораздо темнее, тоже 14 талеров в неделю. Я торговался ужасно и выторговал по 12 талеров в неделю. Кроме того она взялась сама приготовить мне кофе, обед, вечером чай и чего-нибудь закусить на ужин — это за полтора талера в день. Таким образом в неделю с квартирой будет 22½ талера. Я забыл тебе сказать (и главное) что Орт назначил срок моему лечению не 6 недель, а 4 только. Таким образом хоть деньги и идут ужасно, но их достанет. Вечером я переехал из отеля к хозяйке. На всякий случай тебе адрес дома (Haus Blücher No 7) т. е. я стою в № 7 (номер комнаты а не дома), но непременно

Отель «Fürst Blücher», на Вокзальной улице, где Достоевский жил в июне 1874 года. Фото Мюллера.

пиши только на *poste restante*, ибо почем знать, я могу съехать отсюда»¹⁵.

Из этих последних слов уже видно, что Достоевский недоволен и этой квартирой. Главной его заботой были высокие цены на квартиры и общая дороговизна модного курорта, обусловленная большим стечением народа: «Цены, цены — ужас!» Он уже видит, что денег, взятых с собою, едва ли хватит до конца лечения и начинает нервничать с самого начала своего пребывания в Эмсе.

Достоевский написал своей жене 12 писем из Эмса. Эти письма — почти дневники и позволяют нарисовать довольно полную картину жизни и дум писателя в это время. В письме от 1-го (13-го) июля Достоевский сообщает жене о перемене квартиры:

«Со мной случилась здесь маленькая история: Я принужден был переменить квартиру. Рядом с моими двумя комнатами нанимали 3 комнаты какие то богачи из Вены, муж и жена, пробыли недели 2 и уехали. В тоже утро приезжает из Вены какой-то австрийский граф с лакеем и говорит что ему надо все 5 комнат этажа (т. е. и мои), а то ему некуда девать своего лакея. Хозяйка приходит ко мне и начинает умолять, сложа ладони, чтоб я уступил графу мои две комнаты, а сам перебрался бы в верхний этаж, где тоже две комнаты и отдает она их мне с уступкой, т. е. не по двенадцати а по 8 талеров в неделю. Я увидел что мне нельзя не перебраться, ибо наживу в хозяевах врагов, а они уж и без того начали меня скверно кормить и ужасно обсчитывать. Комнаты оказались ужасно низенькие и душные, а весь этаж полон самыми мелкими жильцами из немцев, хохочущими, топочущими, поющими и кричащими, безо всякой деликатности, как настоящие грубые немцы. На другой же день я приискал квартиру, и как раз чрезвычайно удачно, — тоже очень близко от источника, тоже *privat-hotel*, тоже 12 талеров в неделю и в бель-этаже, но комнаты еще лучше и удобнее меблированы, больше, выше и сверх того с балконом»¹⁶.

Эта новая квартира была в небольшом четырехэтажном доме с большим балконом, расположенном на Ланштрассе, по другую сторону моста, ведущего от Вокзальной улицы на правую сторону реки Лана, всего в каких-нибудь двухстах метрах от Курзала. Дом этот, носящий в то время название «Ville d'Alger», сохранился и по сей день. Достоевский точно указывает и свой адрес: «(на всякий случай мой адрес: Bad Ems hôtel Ville d'Alger No 4-5)». Здесь Достоевский проживет уже до своего отъезда из Эмса в конце июля. Хозяйка этого дома госпожа Бах; о ней и о своем пребывании в её доме Достоевский будет подробно писать в последующие годы — в свой третий и четвертый приезды в Эмс он будет опять жить у нее на квартире.

На этот раз больной писатель как будто удовлетворен, вместо жалоб и раздражения находим в письме от 5-го (17) июля только краткое сообщение:

«Я ложусь (уже в постель) ровно в 10 часов, встаю в 6 часов утра, но ночью просыпаюсь раз по пяти, хотя спал бы хорошо еслиб не пот. На новой квартире мне очень хорошо»¹⁷.

Теперь, когда заботы о квартире отпали, Достоевский сосредотачивается на своем здоровье. Дальнейшие письма полны подробными описаниями процесса лечения и впечатлениями от города, его жителей и многочисленных курортников.

Второй поездке в Бад Эмс Анна Григорьевна уделяет очень мало внимания. Хотя 7-ой главе 6-ой книги свои *Воспоминаний* Анна Григорьевна дает заглавие «1875 г. Поездка в Эмс», она пишет, главным образом, о затруднениях Достоевского с паспортом и ограничивается только упоминанием факта отъезда Федора Михайловича «в конце мая» в Петербург, а оттуда за границу. В следующей главе она упоминает только факт возвращения своего мужа из Эмса в Петербург 6-го июля¹⁸. А между тем, в лето 1875 года Достоевский пишет жене из Эмса 13 писем, да ещё одно письмо из Берлина по дороге в Эмс.

Отель «Ville d'Alger», на Ланштрассе, в котором Достоевский жил в 1874, 1876 и 1879 годах. Фото Мюллера.

В действительности Достоевский приехал из Старой Руссы в Петербург 12-го мая 1875 года, остановился в Знаменской гостинице и занялся устройством своих денежных дел. 25-го мая, в воскресенье, он выезжает из Петербурга в Берлин. В письме от 27-го мая (8 июня) Достоевский сообщает жене из Берлина, где он остановился на сутки, что он очень устал в дороге и не выспался. В среду, 28-го мая (9-го июня) он прибывает во второй раз в Эмс. И это пребывание, как и предыдущее, начинается с тревоги о семье и ожидании писем:

«...а я уж в Воскресение уехал из Петербурга и так как вплоть до Эмса ехал на курьерском поезде, то не смотря на суточную остановку в Берлине, обогнал почту. Думаю не придет-ли что сегодня»¹⁹.

Понравившаяся ему в прошлый раз квартира в отеле «Алжир» оказалась занятой, и ему пришлось искать другую. В эмсском Курортном Листе, в 1875 году, в списке новоприбывших на 15-ое июня (нового стиля) имя Достоевского указано среди постояльцев отеля Люцерн как «поручика в отставке из Петербурга»:

Dostoewsky, Hr. Lieutn. en retraite a. Petersburg.

В первом письме к жене из Эмса, от 29-го мая (10 июня) 1875 года, Достоевский пишет:

«Вчера же нанял и квартиру, не в Hotel d'Alger, там занято, а 2 дома дальше в Hotel Lucerne. Но не во 2-м а в 3-м этаже, за то две недурные комнаты и с балконом. Нанял совершенно за те же цены как в Hotel d'Alger и на тех же условиях. M-me Bach (Hotel d'Alger) предлагала мне у нее, в 3-м этаже, без балкона, и хоть и спускала капелючку цены и очень желала чтоб я переехал, но эта теперешняя квартира, в Hotel Люцерн несравненно лучше, не знаю только спокойнее-ли: есть сосед, который говорит и стучит слишком громко по утрам, когда уходит, а сверху дряннейшая ученица на фортепьяно, выдержавшая меня 1 1/2 часа на дряннейшей школьной игре. Посмотрю впрочем и если что перееду к Бах, когда опростается у ней (скоро) моя прошлогодняя квартира. Теперешняя хозяйка

Amtliche Liste der anwesenden Kurgäste und Durchgereisten zu Bad-Em.

Die Abrechnung für die Kurliste beträgt 6 c. 2/3. Die einzelne General-Liste kostet 30 N., die einzelne tägliche Liste 10 N.,
Insertionsgebühr die einseitige Garbendrucke oder deren Raum 15 N.

№ 28. Montag, den 15 Juni 1875.

Die Fremden, deren Namen oder Wohnort entweder gar nicht oder nurtheilig in die Kurliste eingetragen sind, werden ersucht,
solches in der Expedition anzuzeigen.

Es liegt im Interesse der Fremden, nach Ankunft ihre Wohnung bei der hiesigen Kaiserlichen Telegraphen-Station im Hause
Godesberg, gegenüber den 4 Thürmen, und bei dem Kaiserlichen Post-Ämte anzugeben.
Bad-Em., 1875. Die Redaction.

Neu angekommen Kurgäste.

<p>Königliche Kurgäste. v. Unterer Fingelbaum. v. Priem, Hr. Leutn. im Handelsreg. Hus- Reg. Nr. 8 a. Kassel. Nr. 72 4. Lohbuden. Bukelcy, Miss m. Hof. a. England. Nr. 151 P. Panorama. Hipp, Schultheiss, Hr. a. Belgien. Nr. 910 de Dinst, Meers, a. Belgien. Nr. 333, 334</p> <p>Vier Thürme, Hedehaus. Ed. Eac. v. Ignatiew, Gen.-Adjutant Sr. Maj. des Kaisers von Russland m. Gem. n. Duch. a. Petersburg Knyazitschew, Mad. la Princesse m. 2 Hrn. Schnen a. Gouvern. a. Petersburg v. Klafsch, Hr. Capitän m. Frä. Tochter a. Moskau Leib, Hr. a. Mrs. Major m. Hof. a. England Manger Gatz, Hr. Dr. der Rechte a. Weinsiege</p> <p>Altenstadt. Mäggl, Hr. Bierbrauer a. Bern</p> <p>Ärztlicher Hof. Behenk, Hr. Beamter a. Hamburg</p> <p>Villa Belier. Gerson, Hr. Commerzienrath m. Gem. n. Hed. a. Berlin Neumann, Fr. m. Frä. Tochter a. Hamburg</p> <p>Belle Alliance. Graf, Hr. Landrichter m. Gem. a. Rosenhausen</p> <p>Villa de Bariat. Polejoff, Hr. m. Conier a. Petersburg</p> <p>Berliner Hof. Leemann, Fr. a. Mayen Weber, Fr. a. Königsberg</p> <p>Carlbad. Manton, Hr. m. Fam. u. Hof. a. Amsterdam</p> <p>Consordia. Wasservogel, Hr. Productenhandl. a. Breslau</p> <p>Villa Diana. Kosler, Frä. a. Berlin</p> <p>Rehetelein. Vogel, Hr. Buchhändler m. Gem. u. Hof. a. Leipzig Graubner, Fr. a. Leipzig Muschke, Fr. a. Gerichter, a. Leipzig</p> <p>Villa Felix Hynck. Mach, Fr. Gutsbes. m. Frä. Tochter u. Hof. a. Uhorow</p>	<p>Englischer Hof und Fährbahn, Gasthaus. Boughton, Mr. a. Dublin Hotel de France, Gasthaus u. Hotel Kaiserweg, Weischer, Hr. Commerzienrath m. Gem. n. Waldheim Lönnerberg, Hr. Dr. phil. a. Stockholm Metscher, Fr. Acker. u. Rittergutesbes. m. Gesellschafterin v. Mark, Frä. a. Dalsleben Piera Ziegler, Mr. m. Mrs. a. London Nicks, Hr. m. Fam. a. Eisenach Fertman Schlange, Hr. Landwirth m. Gem. a. Lenthien de Koeschelt, Mad. a. Russland de Baudt, Mlle. a. Russland v. Matonowitsch, Hr. Oberst a. Petersburg Otkerzow, Frä. Gutsbes. m. Hof. a. Russland</p> <p>Hôtel de France, Gasthaus. Eargl, Hr. Frä. m. Gem. a. Zürich Trop, Hr. Frä. m. Gem. a. Gießen</p> <p>Friedrichsburg. Pape, Hr. Numismat m. Gem. a. Griesau Villa St. George, Café Restaurant. Ditt, Fr. a. Mannheim</p> <p>Burg Hüttenstein und Goldener Ring. Viardot, Mad. a. Brüssel Wanner, Mad. m. Frä. Tochter a. Hof. a. London Erhart, Hr. m. Frä. Tochter a. Wiborg</p> <p>Hohenzollern. Blomant, P. Mieser a. England Pinnawell, Hr. Techniker a. Münster</p> <p>Gast- und Badehaus in den vier Jahreszeiten. Teusch, Hr. a. Paris de Ghomlin, Hr. m. Russland Kaiserndorfer, Hr. Fabrikbes. a. Wien Tulbacher, Hr. Dr. Advocat m. Gem. a. Wien</p> <p>Mylie. v. Trauwitz, Fr. geb. Freile v. Burawits m. Ekelin a. Hildesheim Citron, Hr. Kfm. a. Mainzberg Fischer, Fr. Rittergutesbes. a. Löffeln Schöbhan, Fr. Fabrikbes. a. Elbing</p> <p>Hôtel Schloss Langman. Betz, Fr. m. 2 Frä. Töchtern a. Hamburg Hering von Leuchtenberg. Hirsch, Hr. Cantor a. Worms</p> <p>Hôtel H. Löwenstein. Hiers, Hr. Kfm. a. Aachen Bücher, Fr. Dr. m. Frä. Tochter a. Gombau</p>	<p>Stadt Lüdtich. Knoff, Hr. a. Ludwigshurg Lauer Dziostowsky, Hr. Leutn. en retraite a. Pe- tersburg</p> <p>Im Bekera. Hoffmann, Hr. Apotheker a. Stralsund Hanus. v. Horn, Hr. Major a. D. a. Berlin</p> <p>Stadt Neukau. Richter, Hr. Dr. Löwigt, Preuss. General a. Corpschef a. D. a. Geseßfeld Falls, Frä. a. Düsseldorf</p> <p>Stadt München. Neumann, Frä. a. Hannover</p> <p>Konstanter Hof. Linger, Hr. Kfm. a. Berlin Winnigren, Hr. Bibliothekar a. Stockholm</p> <p>Oststadt. Wittenstein, Fr. Gutsbes. a. Lippe Horton, Fr. Gutsbes. a. Lippe</p> <p>Alle Post. Hienso, Fr. a. Petersburg</p> <p>Frymaat. Falko, P. Frä. a. Breslau Koppa, Frä. a. Breslau Hasselbach, Hr. a. Waldsch Reimer, Hr. a. Kewlsand Haller, Hr. a. Lauenau</p> <p>Reichshall. Vöge, Hr. Kfm. m. Gem. a. Otterndorf</p> <p>Drei Reichskronen. Hüllstett, Fr. Dr. a. Cöln</p> <p>Hôtel Renler, Gasthaus. Kübel, Hr. Kfm. a. Russland</p> <p>Rheinstein. Weinchenk, Fr. Gutsbes. a. Wachsen Wolf, Hr. a. Hannover</p> <p>Rigi. v. Himmthal-Schlunowits, Hr. Prem.-Lieut. Im 15. Hus.-Reg. m. Gem. a. Wandsbeck</p> <p>Hôtel Rittmann. Kaufmann, Hr. Architekt m. Gem. a. Paris</p> <p>Melandsack. v. Kotschke, Hr. Gutsbes. a. Russland</p> <p>Hôtel Roth, Privat-Hotel. Linger, Hr. Fabrikbes. a. Griesenthal Kuch, Hr. Kfm. a. Carlsbad</p>
--	--	--

Курортный список за 1875 год.

моя М-те Moser высокая (на два вершка выше меня) су-
хая как щепка, рыжая немка, еще не старая, с официаль-
ными улыбками. — Не знаю уживусь-ли»²⁰.

Это довольно нелестное мнение Достоевский в дальнейшем изменяет в положительную сторону. Теперь его беспокоит шум извне. В письме от 7-го (19-го) июня Достоевский жалуется жене:

«В теперешней квартире моей мне не совсем хорошо: Под окном, в спальне моей, в доме рядом — мастерская, слесаря и лудильщики, встают раньше 5 часов и начинают стучать молотками. Два дня сряду пробуждался я в 5 часов утра. Я жаловался хозяевам; хозяин ходил просить чтоб начинали работу в 6 часов, но за то днем опять таки целый день без остановки тик-тик, одуреешь совсем и нервы расстраиваются»²¹.

Тут же сообщает, что в отеле «Алжир» рядом квартира опросталась и он начинает думать, не съехать ли ему. «Не решаюсь и колеблюсь». В результате всё же решает не съезжать и остается в отеле «Люцерн» до конца своего пребывания. Ему полюбились дети хозяев, да и сами хозяева, фамилию которых он пишет теперь Meuser, оказались более достойными людьми, чем это показалось Достоевскому с первого взгляда. 10-го (22-го) июня он пишет:

«Я раздумал съезжать и остался в Hotel Luzern. Кстати вот тебе на всякий случай мой адрес: Bad-Ems, Haus Luzern, logement No 10, а M-r Dostoewsky. (Т. е. ты по прежнему всегда пиши Poste restante, а это я тебе на всякий случай). Все таки хозяева эти довольно деликатные люди, как я вижу больше и больше. Под окнами стучат меньше, а дети хозяев 4-х и 3-х лет, девочка и мальчик, полюбили меня и приносят мне цветов. Эти хозяин и хозяйка (Meuser) имеют дом и землю, и хозяйка сама стряпает и варит кофей, а он — учитель в школе и дает уроки. Соседи мои весь день не дома, и являются домой лишь чтоб спать, это один бравый, молодой и очень красивый немец из Берлина, купец, и один 19-летний подросток, француз M-r Salopin, весьма учтивый молодой человек. Внизу в бельэтаже, прямо подо мною приезжает немецкое семейство снимает три комнаты»²².

Отель «Luzern» на Ланштрассе. Достоевский жил здесь в июне — начале июля 1875 года. Фото Мюллера.

Тут писатель приводит анекдотический пример рассеянности матери этого семейства, которая вместо двух лестниц поднимается четыре и, попадая прямо к нему в комнату, стоит секунды три, не узнавая, куда зашла. Затем с криком: *Ah mein Gott!* бежит в испуге к себе вниз. Но тут же Достоевский оправдывает свою забывчивую соседку, замечая, что он и сам точно так же рассеян: накануне, вместо своего отеля «Люцерна», вошел в соседний отель, взял с доски ключ от комнаты № 10, поднялся в третий этаж и начал уже отворять «свой» десятый номер, так как расположение комнат в обоих отелях одинаковое. Но хозяйка и служанка прибежали и объяснили рассеянному писателю, что он живет не здесь, а в соседнем отеле. «Хорошо еще что они уже узнали меня в лицо, т. е. что я живу в соседнем *Luzern'e*, а то конечно могли принять за вора», так заканчивает Достоевский этот маленький анекдот из своей эмсской жизни.

Достоевский предполагает выехать из Эмса 27-го июня или, если врач будет настаивать на продолжении курса лечения еще на неделю, то около 5-го июля. Достоевский рассчитывает по дням: «Значит мог бы, правильным путем, быть около 10-го июля в Руссе, если не останавливаться в Петербурге»²³. После подробного осмотра у доктора Орта, и врач и пациент решают, что Достоевский останется в Эмсе до 30-го июня, так что сроку его лечения в Эмсе этот раз будет ровно 5 недель. Однако он не смог выехать до четверга 3-го (15-го) июля. Как он сообщает уже в письме из Петербурга, тотчас по приезде, в воскресенье 6-го июля, «тащился из Эмса с 6-ти часов утра Четверга. Правда ночь четверга и всю пятницу промучился от скуки в Берлине, а выехал из Берлина в пятницу в 11 часов вечера»²⁴. По всей вероятности, от волнения, нетерпения и забот накануне отъезда из Эмса, в ночь со среды на четверг с Достоевским произошел припадок эпилепсии. «Можешь себе представить, — пишет он жене, — как в таком состоянии и духа и тела могла подействовать на меня дорога, особенно с Берлина до Петербурга. Я был очень расстроен нервами...»

И немедленно по приезде в Петербург денежные заботы: «Денег у меня меньше, чем я ожидал. Надо будет занять у Тришиных...» Деньги нужны, чтобы дать задаток за квартиру, которую еще следует найти и снять. «Ах проклятая квартира, еще не видя ее проклинаю», пишет Достоевский, измученный вечной борьбой за существование. Через 2-3 дня, по свидетельству Анны Григорьевны, бросив поиски квартиры, которую трудно было отыскать в такой короткий срок, Достоевский приезжает в Старую Руссу и воссоединяется, наконец, со своей горячо любимой семьей.

Дни в Старой Руссе наполнены ожиданием ребенка (будущего любимца Алеши) и напряженной работой над третьей частью романа «Подросток». Как пишет Анна Григорьевна,

«Всё шло благополучно. Федор Михайлович чувствовал себя поправившимся, дети подросли и поздоровели, да и у меня, с возвращением мужа, почти совсем исчезли мои всегдашние пред родами страхи о возможной смерти. В такой безмятежной жизни прошел месяц, и 10-го августа Бог даровал нам сына, которого мы назвали Алексеем. Оба мы с Федором Михайловичем были до-нельзя счастливы...»²⁵

Из этого свидетельства очевидно, что, несмотря на отрицательное отношение писателя к «этому проклятому Эмсу», где он был осужден на разлуку с любимыми, здоровье его восстановилось и зима 1875-1876 года, проведенная Достоевским в Петербурге, прошла относительно благополучно.

Достоевский интенсивно работает над «Дневником писателя», жена ему помогает — стенографирует и редактирует записи. Улучшение здоровья писателя сказывается и на настроении его жены.

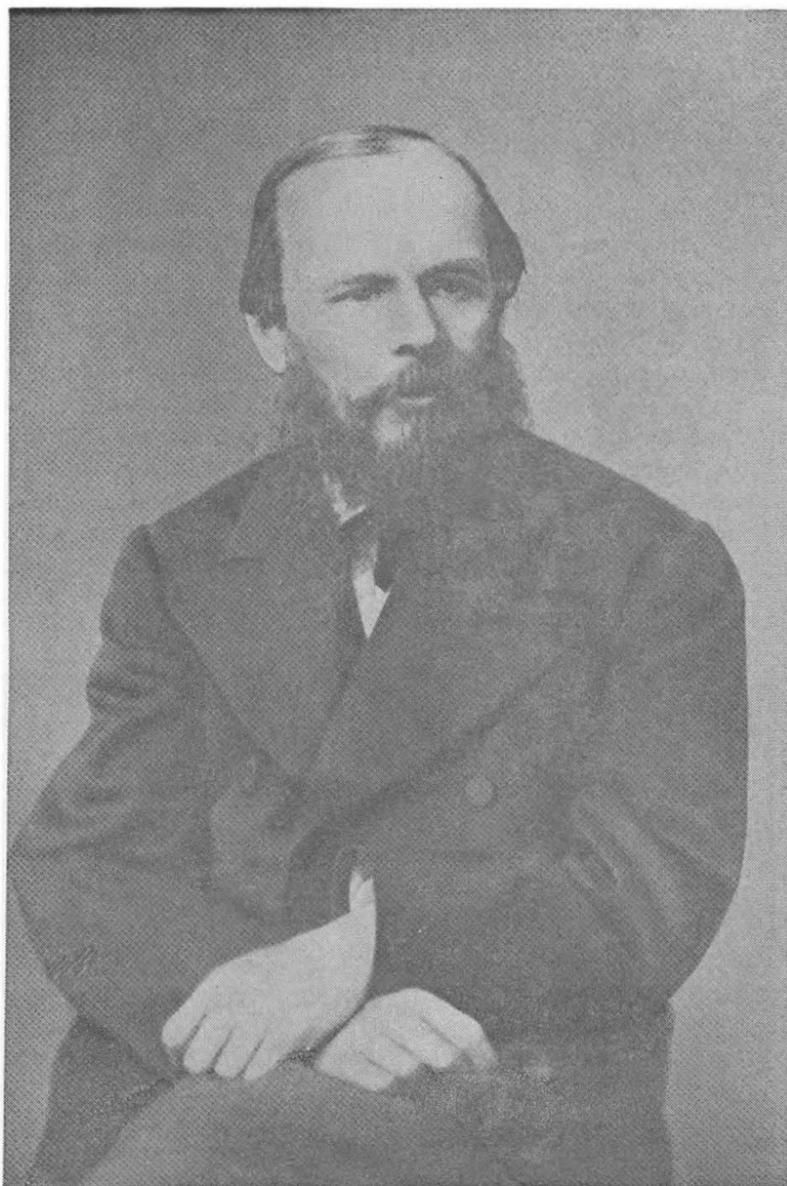
«Я должна сказать, — пишет Анна Григорьевна, — что за последнее время я была в самом благодушном настроении: у мужа давно приступов эпилепсии не было, дети совершенно оправались от болезни, долги наши мало-по-малу уплачивались, а успех «Дневника писателя» шел»²⁶.

В *Воспоминаниях* Анны Григорьевны, состоящих в основном из отрывочных описаний отдельных эпизодов, не упоминается о третьей поездке Достоевского в Эмс, летом 1876 года. А между тем, Достоевский написал ей в этот раз из Эмса 12 писем, одно из которых не дошло до нас, что видно из последующего письма и подтверждается А. Долининым. Достоевский пробыл здесь, в свой третий приезд, с 8-го июля по 7-ое августа, т. е. четыре недели, так как, по его словам, и доктор Орт сказал, что и не надо больше.

2-го июля 1876 года, Достоевский сообщает из Петербурга своему брату, Николаю Михайловичу, что он едет на днях в Эмс и очень занят: «Время теперь у нас очень хлопотливое и мы мечемся туда и сюда». Действительно, последние дни перед отъездом из Петербурга, куда его сопровождает Анна Григорьевна, приехавшая вместе с ним из Старой Руссы, оба они лихорадочно работают над июньским выпуском «Дневника писателя» вплоть до 5-го июля — дня отъезда Федора Михайловича за границу, как он сообщает в письме к Всеволоду Сергеевичу Соловьеву. Рано утром 7-го (19-го) июля 1876 года Достоевский уже приезжает в Берлин и останавливается в «*Britisch-Hotel*», *Unter den Linden*. Вечером того же дня он выезжает в Эмс.

Значение лечения эмскими водами уже не подлежит сомнению: Достоевский знает, что его трудоспособность восстанавливается только здесь, и понимает, как ему необходима эта поездка, хотя ему и жаль тратить большие деньги только на себя. «Жалею эти 500 руб. на Эмс, — пишет он жене из Берлина. — Однако утешаюсь тем что из этих 500 сделаю 5000 если получу здоровья»²⁷.

Прибыв 8-го (20-го) июля в Эмс, который опять встретил его холодным ветром и дождем, Достоевский сначала останавливается в гостинице и сразу же идет к своему врачу, доктору Орту. Получив предписание, он отправляется искать квартиру. Не без удовольствия Достоевский констатирует, что не только доктор Орт тотчас узнал его, но «на почте, да и везде, во всем Эмсе (лавочки, трегеры, бабы продающие фрукты, магазинчики)» — все его узнают и все ему с улыб-

Ф. М. Достоевский
Фотография Н. Досса, Петербург, 1876 г.

кой кланяются. Такой же сердечной была встреча с его прошлогодними хозяевами, так как прежде всего он пошел в отель «Люцерн». Вот что пишет Достоевский жене о своих квартирных поисках:

«Затем пошел искать квартиру: в «Люцерне» всё занято, но встретили меня чуть не с восторгом и рекомендовали мне разом две или три квартиры; но третьегодняяшняя М-me Бах, владельница отеля Ville d'Alger, в котором я жил третьего года, поймала меня на дороге, у своих ворот (она почти рядом с Люцерном) и заманила меня к себе. Я прямо ей объявил, что она очень дорога, хотя мне у ней было очень покойно, но она, поторговавшись, спустила охотно все цены, так что за комнату с спальней превосходно меблированную, и которая третьего года ходила (я помню это) за 14 талеров в неделю, взяла теперь с меня всего десять. Равномерно спустила с завтрака, с чая и с ужина, и даже обед мне будут приносить на дом лишь за 1½ мар-

Вид на оба отеля по Ланштрассе: первый дом справа — отель «Luzern», четвертый дом справа — «Ville d'Alger». Фото автора.

ки, вместо 2-х, как третьего года. Сторговавшись, я тотчас и переехал. Моя комната рядом с той комнатой (точно такой же как моя) в которой я прожил третьего года»²⁸.

Достоевский дает и точный адрес: Bad-Ems, Allemagne, а Mr Th Dost-y poste restante, а в экстренных случаях (телеграммы например) Allemagne, Bad-Ems, Hotel Ville d'Alger.

Всё, казалось бы, устроилось хорошо: и комната удобная, и цена недорогая, и хозяйка милая и вежливая женщина, которая как будто почувствовала, как болен этот человек, так непохожий на обычных курортников. Но вдруг обнаружилась неожиданная неприятность: соседняя комната, которую Достоевский называет «моя третьегодняя», оказалась занятой какими-то дамами — матерью и дочерью, приехавшими, по-видимому, из Греции и говорившими по-гречески и по-французски, но говорившими без умолку, «ни одной секунды перерыва». Достоевский и здесь думает в первую очередь о своей работе и приходит в отчаяние от разговорчивости своих соседок, тем более, что его теперешняя комната отделена от комнаты, занимаемой дамами, лишь запертой дверью. Достоевский жалуется жене на ужасное свойство своих соседок:

«В жизнь мою я не встречал такой неутомимой болтливости, и однако мне надо будет работать, читать, писать — как это делать при такой беспрерывной болтовне?»

Он готов пожертвовать своей удобной квартирой и немедленно просит хозяйку разрешить ему перебраться в верхний этаж, «который дешевле и без балкона, и хуже, но в котором тихо». Через несколько дней, 13-го (25-го) июля, Достоевский сообщает жене, что ему всё же пришлось переменить комнаты:

«Я моих греческих чечеток соседок не вынес (возможности не было) и M-me Бах пустила меня наверх и теперь я занимаю две комнаты несколько пониже и хуже меблированных но дешевле»²⁹.

В 1876 году, в Курортном листке от среды 26-го июля (нов. стиля) находим имя писателя среди жильцов отеля «Алжир».

Тут же Достоевский делится с женой сведениями о госпоже Бах, которые она, по-видимому, сообщила ему сама в разговоре и даже советовалась с Достоевским по поводу предложения, сделанного ей одним эмским землевладельцем. Г-жа Бах, вдова с тремя детьми, оказалась француженкой по происхождению: Достоевский очень обрадовался, что он может теперь говорить с ней по-французски. Объяснилось и происхождение названия, данного госпожой Бах своему пансиону. Будучи уроженкой Алжира, г-жа Бах и после замужества хотела сохранить название, напоминавшее ей её детство и юность*.

И всё же шумная курортная жизнь не благоприятствует работе и беспокоит писателя. Не проходит и нескольких дней, как Достоевский опять жалуется жене на неудобства шумного отеля:

«Что до житья моего, то кормят меня скверно и не скажу, чтоб мне было очень покойно: жильцы ужасно бесцеремонны, стучат по лестницам, хлопают дверьми, кричат громко»³⁰.

Уже в восьмом письме из Эмса, написанном 24-го июля (5-го августа) 1876 года, Достоевский сообщает жене о своем намерении выехать из Эмса 7-го августа (ст. стиля). Он надеется выиграть время и иметь еще девять дней в Старой Руссе, чтобы закончить июльский выпуск «Дневника». Мысль о скором отъезде полностью захватывает писателя: во всех последующих письмах он подтверждает свое решение выехать 7-го августа и рассчитывает уже по дням, когда он может прибыть в Старую Руссу — 12-го или 13-го августа, в слу-

---

* Фотография хозяйки «Ville d'Alger» г-жи Бах была мне любезно предоставлена госпожой доктором Гертрудой Бах, хранительницей Городского Архива Эмса. При нашей встрече в сентябре 1970 года, доктор Г. Бах заинтересовалась моими розысками домов, в которых жил Достоевский в Эмсе, и решила проверить не в родстве ли она с бывшей владелицей отеля «Алжир» или просто однофамилица. Проверка привела к установлению факта родства: в письме от 29-го апреля 1971 года доктор Г. Бах сообщила мне, что она является внучатой племянницей бывшей хозяйки Достоевского.

Г-жа Бах, владелица отеля «Алжир».

чае, если «замешкается» день в Петербурге, и просит уже жену выслать ему лошадей для доставки с парохода в Старую

Руссу. Последнее письмо из Эмса датировано 6-ым (18-ым) августа 1876 года: в нём говорится, что Федор Михайлович выезжает домой 7-го августа, в субботу, в 6:30 утра.

Всё прошло, по-видимому, по заранее намеченному плану: 21-го августа (ст. стиля) Достоевский высылает уже из Старой Руссы наборщику Михаилу Александровичу Александрову начало третьей главы июльско-августовского выпуска «Дневника писателя». Первые две главы были сданы в набор немедленно по возвращении в Петербург.

Так закончилось третье пребывание в Эмсе, явно способствовавшее восстановлению здоровья писателя. Невозможность повторять курс лечения в последующие годы резко отрицательно сказалась на здоровье Достоевского и безусловно приблизила его конец.

В 1877 году Достоевский решил принять приглашение брата Анны Григорьевны, Ивана Григорьевича Сниткина, провести всё лето у него в деревне. Анна Григорьевна сообщает:

«В начале мая мы всей семьей поехали в Курскую губернию, в имение брата «Малый Прикол» близ г. Мирополье»³¹.

Именно в это лето Достоевский посетил Даровое, имение своей покойной матери. Возвращаясь из Петербурга, куда Федору Михайловичу пришлось поехать в конце июня редактировать и выпускать в свет двойной номер «Дневника писателя» за май-июнь, он решил остановиться в Москве и оттуда съездил в Даровое. По свидетельству родственников, Достоевский посетил места в парке и окрестностях, дорогие ему по воспоминаниям детства. Эти освеженные в памяти впечатления получили затем творческое воплощение на страницах романа «Братья Карамазовы».

Анна Григорьевна сообщает, что летом 1877 года Федор Михайлович чувствовал себя вполне здоровым и пишет:

«Лето 1877 прошло для всей нашей семьи весело и благополучно, и мы только жалели, что не могли остаться в деревне и на сентябрь. Но надо было выпускать в свет двойной летний №, июль-август, и к концу августа мы вернулись в Петербург»³².

В 1877 году Достоевский чувствовал себя физически, видимо, настолько хорошо, что 24-го декабря написал в своей записной книжке свое ставшее знаменитым «Memento. На всю жизнь».

1. Написать русского Кандида.
2. Написать книгу об Иисусе Христе.
3. Написать свои воспоминания.
4. Написать поэму Сороковины.

В скобках Достоевский приписывает: (Всё это, кроме последнего романа и предполагаемого издания «Дневника», т. е. минимум на 10 лет деятельности, а мне теперь 56 лет.)

В мае 1878 года семью Достоевских поразило страшное несчастье — скоропостижно скончался их трёхлетний сын Алеша. Общеизвестно, как тяжело переживали родители потерю своего младшего сына. В июне этого года, по настоянию своей жены, Федор Михайлович едет, в сопровождении Владимира Сергеевича Соловьева, в Оптину пустынь. В этот год писатель работает над романом «Братья Карамазовы» и неоднократно выступает на литературных вечерах, читая с эстрады произведения своих любимых авторов, а также свои собственные. Чтения эти встречали неизменно восторженный прием у публики.

Зима была холодная и дождливая, и здоровье писателя после перенесенного потрясения настолько, видимо, ухудшилось, что профессор Кошлаков предписал ему непременно поехать в Эмс. Достоевский едет на деньги (2 тысячи рублей), полученные в июне 1879 года от М. Н. Каткова, издателя журнала «Русский Вестник», как аванс за роман «Братья Карамазовы», который уже начал печататься в этом журнале.

На этот раз Анна Григорьевна довольно обстоятельно говорит о поездке своего мужа и точно указывает дату отъезда:

«Во второй половине июля (18-го) Феодор Михайлович выехал за границу и 24-го был в Эмсе»³³.

Она цитирует некоторые места из писем к ней мужа и выражает беспокойство по поводу его сообщений о состоянии здоровья и о мучительном чувстве одиночества, не покидав-

шем его. Анна Григорьевна пишет: «Письма Феодора Михайловича ко мне были самые грустные». В этот свой последний приезд Достоевский провел в Эмсе пять недель. Анна Григорьевна не сообщает даты его возвращения из-за границы, а пишет лишь, что в начале сентября вся семья вернулась в Петербург из Старой Руссы. Эту дату можно восстановить по письмам Достоевского.

Весной 1879 года, во второй половине апреля, как обычно, семья Достоевских переезжает в Старую Руссу, где они живут теперь в приобретенном в 1876 году в собственность доме, принадлежавшем раньше отставному подполковнику Александру Карловичу Гриббе. Указывая на факт отъезда из Петербурга, Анна Григорьевна не называет точной даты прибытия в Старую Руссу. Она ограничивается лишь кратким замечанием, что с наступившей весной, по обыкновению, стали спешить с отъездом в Старую Руссу, тем более, что Федору Михайловичу хотелось еще до отъезда за границу пожить с семьей на даче и, «если удастся, на свободе поработать». Первое письмо из Старой Руссы, адресованное редактору «Русского Вестника» Николаю Алексеевичу Любимову, датировано 30-ым апреля. Последнее письмо из Старой Руссы, адресованное жене военного генерал-прокурора, Анне Петровне Философовой, помечено датой 11 июля 1879 г. Достоевский извещает Анну Петровну, которую он глубоко уважал и с которой был в дружеских отношениях, о тяжелом состоянии своего здоровья:

«Грудь моя здесь так расстроилась, до того, что я 17-го числа Июля еду в Эмс на шесть недель до Сентября. Ужас что вынесу скуки в уединенном лечении моём»³⁴.

19-го июля вечером Достоевский пишет жене уже из Петербурга, из Знаменской гостиницы и сообщает, что «падает от усталости»:

«Никогда я больше не страдал усталостью и бессилием как в эту минуту. Голова кружится, в глазах рябит. Пишу и не вижу что пишу. — Дорогой хотя и всё почти спал, но ослабел как 5-ти летний ребенок, и что со мною будет до Берлина — не понимаю»³⁵.

Полное изнеможение сказывается и в последней фразе письма: «Кладу перо, если буду ещё писать упаду в обморок». Однако, он находит еще и тут силы послать поцелуй детям — Феде и Лиле.

22-го июля (3 августа) 1879 года Достоевский после полубессонной ночи в вагоне приезжает в Берлин, останавливается в гостинице St Petersburg, комната № 15, на Unter den Linden, и сейчас же садится за письмо жене. Остается в Берлине два дня, которые он проводит с жившим в это время в Берлине редактором «Гражданина» Виктором Феофиловичем Пуцыковичем, который старался развлечь писателя, возил его в Аквариум, в Музей, в Тиргартен. Вместе они ходили по Берлину, пили пиво, но ничто не интересовало Достоевского и он «тосковал с Пуцыковичем».

В понедельник, в 10 часов вечера, покончив дела с портным, у которого он заказал пальто, Достоевский выезжает из Берлина. 24-го июля (5 августа), в 11 часов утра, «после совершенного неспанья всю ночь», Достоевский прибывает в Бад Эмс. Он останавливается сначала в Hotel de France, комната № 21, около железной дороги, принимает ванну, приводит себя в порядок и сразу же спешит на почту, где, к счастью, находит уже первое письмо от жены. Днем того же дня, в ожидании визита к доктору Орту, принимающему больных от 4-х до 6-ти вечера, Достоевский пишет письмо жене, где сообщает и о своих поисках постоянной квартиры:

«Теперь голубчик, о делах. Пошел в Stadt-Alger — хозяйка очень обрадовалась, показала мне комнату и страшно жалела что уже её отдала по почте. Но если сегодня, в 7 часов, наемщик не явится в Эмс, то я, после 7 часов занимаю сегодня же квартиру. Но так-как всё еще это неверно, то зашел в Luzern (рядом). Там очень, очень меня помнит хозяин (жена его умерла, оставив ему милых малолетних деток с Лилю и Федю возрастом). В Luzern'e квартира есть, та самая которую я занимал, но занята теперь, хотя будет свободна через день, через два или через 3. А пока есть у него одна небольшая комната, где я бы мог эти 3 дня переждать. И так квартира мне ассюрирована или в Luzern'e

или в Alger'e сегодня же (ибо сегодня же перееду). Теперь главное в том, что скажет Орт»³⁶.

Достоевский констатирует, что взятые с собою 600 рублей вряд ли хватят на предполагаемые пять недель лечения и понадобится еще не менее 100 рублей, которые он просит жену прислать ему в Эмс. И в отеле «Алжир», и в «Люцерне» ему показали сохранившиеся в книгах счета за его предыдущее содержание. Достоевский подробно приводит все цены: 30 марок в неделю за квартиру, кофе и утренний завтрак — 5 талеров в неделю, табак, лечение и визиты к врачу — 150 марок за пять недель и т. п. Тут же заверяет жену, что будет «экономить изо всех сил», но на всякий случай предупредоляет её о необходимости дополнительных расходов.

Во втором письме из Эмса, написанном на следующий день, то есть 25-го июля (6 августа) 1879 года, Достоевский сообщает жене о переезде в тот отель, где он уже жил два раза:

«Теперь 12 часов дня и я сейчас только переехал в Ville d'Alger, а не в Люцерн. Во I-х невысоко, бель этаж, во-вторых комнаты изящнее, больше и светлее, *цена та же* 30 марок в неделю. Уговорился с обедом, будут приносить как и в прежние разы из соседнего отеля полный обед за 3 марки в день; из этого обеда я намерен откладывать кусочек на ужин. Кофей утром с хлебом 80 пфенигов, чай же вечером мой, но за горячую воду, прибор и проч. хозяйка ничего не берет, а в Люцерне бы взяли, это я знаю»³⁷.

Далее писатель сообщает, что сонливость, которую он чувствует по временам, была принята доктором Ортом «в большой серьез». Доктор прописал ему для восстановления сил обильную и питательную мясную пищу и непременно вино, но только красное. Достоевский и здесь воздаёт должное заботе хозяйки отеля «Алжир» — у неё он может получать вино дешево, тогда как в Люцерне за такое же вино спросят много.

В общем списке курортников, числившихся в Эмсе на субботу 9-го августа 1879 года, вновь находим имя писателя среди жильцов отеля Ville d'Alger.

Bad-Ems.

General-Liste

der anwesenden Kurgäste und Durchgereisten.

Das Anwesenheit in die Kurliste beträgt 0,22. Die einseitige General-Liste kostet 30 ct., die einseitige allgemeine Liste 10 ct.
 Inserionsgebühr für zweispaltige Garnituren oder deren Raum 10 ct.
 Bestellungen nehmen alle Postanstalten an, in Ems die Expedition an den Ober-Schweizer.

№ 72

Samstag, den 9. August

1879

Die Fremden, deren Namen oder Wohnort entweder gar nicht oder unrichtig in die Kurliste eingetragen sind, werden ersucht, solches auf dem Bureau der Kurkassen im Kurort anzuzeigen.
 Es liegt im Interesse der Fremden, nach Ankauf ihre Wohnung bei dem besagten vereinigten Kassations-Bureau Post- und Telegraphen-Amts im Orte Oberstadler Hof anzugeben.

Amtlicher Theil.

Die mit * bezeichneten Namen sind neu hinzugekommene Fremde.

<p>Englische Kurgäste. a. Mittelort. Abena, Hr. u. Fam. a. Barcelona. Nr. 28 29 Aina, Fr. geb. Heine u. Bed. a. Paris. Nr. 84 90 Bagnard, Hr. u. Gem. a. Bremen. Nr. 79 80 Woodely, Hr. u. Bed. a. Paris. Nr. 83 91 a. Oberer Fingelbau. Bays, Hr. u. Fr. Schwester a. Amsterdam. Nr. 105 108 a. Unterer Fingelbau. Finger, Hr. a. Frankfurt. Nr. 74 v. Thunau, Hr. Rittmeister, auf Lamperdorf. Nr. 57 Hirsch, Hr. Asses. a. Sauerbrun. Nr. 73 a. 1. Abtheil. Nr. 58 a. 2. Abtheil. Nr. 59 a. 3. Abtheil. Nr. 60 61, 62 a. 4. Abtheil. Nr. 63</p>	<p>Montz, Fr. a. Cassel. Nr. 313 314 Meyer, Fr. Dr. geb. Voigt a. Berlin. 314 Bajer, Hr. Rechtsanw. a. Aachen. Nr. 316 Danziger, Hr. Kfm. a. Neustadt L. Ob.-Schl. Nr. 325 Eichenberg, Hr. Landger. Präs. a. Trier. 331 *Mihelin, Hr. Propriet. u. Gem. u. Bed. a. Brüssel. Nr. 305 308, 322</p> <p style="text-align: center;">Vier Thürme, Badenau. de Constant-Lippig, Escq. Marie, la Vicomtesse, ancien ambassadeur de France a Berlin u. Bed. a. Paris Obolensky, Mad. la Princesse née Princesse Evski u. Bed. a. Petersburg Dava, Miss u. Bed. a. Edinburgh Cheney, Mr. u. Fam. a. Nordamerika Croissant, Hr. u. Bed. a. Petersburg Kiener, Mr. u. Mad. a. Epinal de Kilian, Mr. le comte et Mad. la comtesse avec deux a. Aachen Behrens, Esq. a. London Capt. u. Bed. a. London a. 1. Abtheil. Nr. 64 a. 2. Abtheil. Nr. 65 a. 3. Abtheil. Nr. 66 a. 4. Abtheil. Nr. 67 a. 5. Abtheil. Nr. 68 a. 6. Abtheil. Nr. 69 a. 7. Abtheil. Nr. 70 a. 8. Abtheil. Nr. 71 a. 9. Abtheil. Nr. 72 a. 10. Abtheil. Nr. 73 a. 11. Abtheil. Nr. 74 a. 12. Abtheil. Nr. 75 a. 13. Abtheil. Nr. 76 a. 14. Abtheil. Nr. 77 a. 15. Abtheil. Nr. 78 a. 16. Abtheil. Nr. 79 a. 17. Abtheil. Nr. 80 a. 18. Abtheil. Nr. 81 a. 19. Abtheil. Nr. 82 a. 20. Abtheil. Nr. 83 a. 21. Abtheil. Nr. 84 a. 22. Abtheil. Nr. 85 a. 23. Abtheil. Nr. 86 a. 24. Abtheil. Nr. 87 a. 25. Abtheil. Nr. 88 a. 26. Abtheil. Nr. 89 a. 27. Abtheil. Nr. 90 a. 28. Abtheil. Nr. 91 a. 29. Abtheil. Nr. 92 a. 30. Abtheil. Nr. 93 a. 31. Abtheil. Nr. 94 a. 32. Abtheil. Nr. 95 a. 33. Abtheil. Nr. 96 a. 34. Abtheil. Nr. 97 a. 35. Abtheil. Nr. 98 a. 36. Abtheil. Nr. 99 a. 37. Abtheil. Nr. 100 a. 38. Abtheil. Nr. 101 a. 39. Abtheil. Nr. 102 a. 40. Abtheil. Nr. 103 a. 41. Abtheil. Nr. 104 a. 42. Abtheil. Nr. 105 a. 43. Abtheil. Nr. 106 a. 44. Abtheil. Nr. 107 a. 45. Abtheil. Nr. 108 a. 46. Abtheil. Nr. 109 a. 47. Abtheil. Nr. 110 a. 48. Abtheil. Nr. 111 a. 49. Abtheil. Nr. 112 a. 50. Abtheil. Nr. 113 a. 51. Abtheil. Nr. 114 a. 52. Abtheil. Nr. 115 a. 53. Abtheil. Nr. 116 a. 54. Abtheil. Nr. 117 a. 55. Abtheil. Nr. 118 a. 56. Abtheil. Nr. 119 a. 57. Abtheil. Nr. 120 a. 58. Abtheil. Nr. 121 a. 59. Abtheil. Nr. 122 a. 60. Abtheil. Nr. 123 a. 61. Abtheil. Nr. 124 a. 62. Abtheil. Nr. 125 a. 63. Abtheil. Nr. 126 a. 64. Abtheil. Nr. 127 a. 65. Abtheil. Nr. 128 a. 66. Abtheil. Nr. 129 a. 67. Abtheil. Nr. 130 a. 68. Abtheil. Nr. 131 a. 69. Abtheil. Nr. 132 a. 70. Abtheil. Nr. 133 a. 71. Abtheil. Nr. 134 a. 72. Abtheil. Nr. 135 a. 73. Abtheil. Nr. 136 a. 74. Abtheil. Nr. 137 a. 75. Abtheil. Nr. 138 a. 76. Abtheil. Nr. 139 a. 77. Abtheil. Nr. 140 a. 78. Abtheil. Nr. 141 a. 79. Abtheil. Nr. 142 a. 80. Abtheil. Nr. 143 a. 81. Abtheil. Nr. 144 a. 82. Abtheil. Nr. 145 a. 83. Abtheil. Nr. 146 a. 84. Abtheil. Nr. 147 a. 85. Abtheil. Nr. 148 a. 86. Abtheil. Nr. 149 a. 87. Abtheil. Nr. 150 a. 88. Abtheil. Nr. 151 a. 89. Abtheil. Nr. 152 a. 90. Abtheil. Nr. 153 a. 91. Abtheil. Nr. 154 a. 92. Abtheil. Nr. 155 a. 93. Abtheil. Nr. 156 a. 94. Abtheil. Nr. 157 a. 95. Abtheil. Nr. 158 a. 96. Abtheil. Nr. 159 a. 97. Abtheil. Nr. 160 a. 98. Abtheil. Nr. 161 a. 99. Abtheil. Nr. 162 a. 100. Abtheil. Nr. 163 a. 101. Abtheil. Nr. 164 a. 102. Abtheil. Nr. 165 a. 103. Abtheil. Nr. 166 a. 104. Abtheil. Nr. 167 a. 105. Abtheil. Nr. 168 a. 106. Abtheil. Nr. 169 a. 107. Abtheil. Nr. 170 a. 108. Abtheil. Nr. 171 a. 109. Abtheil. Nr. 172 a. 110. Abtheil. Nr. 173 a. 111. Abtheil. Nr. 174 a. 112. Abtheil. Nr. 175 a. 113. Abtheil. Nr. 176 a. 114. Abtheil. Nr. 177 a. 115. Abtheil. Nr. 178 a. 116. Abtheil. Nr. 179 a. 117. Abtheil. Nr. 180 a. 118. Abtheil. Nr. 181 a. 119. Abtheil. Nr. 182 a. 120. Abtheil. Nr. 183 a. 121. Abtheil. Nr. 184 a. 122. Abtheil. Nr. 185 a. 123. Abtheil. Nr. 186 a. 124. Abtheil. Nr. 187 a. 125. Abtheil. Nr. 188 a. 126. Abtheil. Nr. 189 a. 127. Abtheil. Nr. 190 a. 128. Abtheil. Nr. 191 a. 129. Abtheil. Nr. 192 a. 130. Abtheil. Nr. 193 a. 131. Abtheil. Nr. 194 a. 132. Abtheil. Nr. 195 a. 133. Abtheil. Nr. 196 a. 134. Abtheil. Nr. 197 a. 135. Abtheil. Nr. 198 a. 136. Abtheil. Nr. 199 a. 137. Abtheil. Nr. 200 a. 138. Abtheil. Nr. 201 a. 139. Abtheil. Nr. 202 a. 140. Abtheil. Nr. 203 a. 141. Abtheil. Nr. 204 a. 142. Abtheil. Nr. 205 a. 143. Abtheil. Nr. 206 a. 144. Abtheil. Nr. 207 a. 145. Abtheil. Nr. 208 a. 146. Abtheil. Nr. 209 a. 147. Abtheil. Nr. 210 a. 148. Abtheil. Nr. 211 a. 149. Abtheil. Nr. 212 a. 150. Abtheil. Nr. 213 a. 151. Abtheil. Nr. 214 a. 152. Abtheil. Nr. 215 a. 153. Abtheil. Nr. 216 a. 154. Abtheil. Nr. 217 a. 155. Abtheil. Nr. 218 a. 156. Abtheil. Nr. 219 a. 157. Abtheil. Nr. 220 a. 158. Abtheil. Nr. 221 a. 159. Abtheil. Nr. 222 a. 160. Abtheil. Nr. 223 a. 161. Abtheil. Nr. 224 a. 162. Abtheil. Nr. 225 a. 163. Abtheil. Nr. 226 a. 164. Abtheil. Nr. 227 a. 165. Abtheil. Nr. 228 a. 166. Abtheil. Nr. 229 a. 167. Abtheil. Nr. 230 a. 168. Abtheil. Nr. 231 a. 169. Abtheil. Nr. 232 a. 170. Abtheil. Nr. 233 a. 171. Abtheil. Nr. 234 a. 172. Abtheil. Nr. 235 a. 173. Abtheil. Nr. 236 a. 174. Abtheil. Nr. 237 a. 175. Abtheil. Nr. 238 a. 176. Abtheil. Nr. 239 a. 177. Abtheil. Nr. 240 a. 178. Abtheil. Nr. 241 a. 179. Abtheil. Nr. 242 a. 180. Abtheil. Nr. 243 a. 181. Abtheil. Nr. 244 a. 182. Abtheil. Nr. 245 a. 183. Abtheil. Nr. 246 a. 184. Abtheil. Nr. 247 a. 185. Abtheil. Nr. 248 a. 186. Abtheil. Nr. 249 a. 187. Abtheil. Nr. 250 a. 188. Abtheil. Nr. 251 a. 189. Abtheil. Nr. 252 a. 190. Abtheil. Nr. 253 a. 191. Abtheil. Nr. 254 a. 192. Abtheil. Nr. 255 a. 193. Abtheil. Nr. 256 a. 194. Abtheil. Nr. 257 a. 195. Abtheil. Nr. 258 a. 196. Abtheil. Nr. 259 a. 197. Abtheil. Nr. 260 a. 198. Abtheil. Nr. 261 a. 199. Abtheil. Nr. 262 a. 200. Abtheil. Nr. 263 a. 201. Abtheil. Nr. 264 a. 202. Abtheil. Nr. 265 a. 203. Abtheil. Nr. 266 a. 204. Abtheil. Nr. 267 a. 205. Abtheil. Nr. 268 a. 206. Abtheil. Nr. 269 a. 207. Abtheil. Nr. 270 a. 208. Abtheil. Nr. 271 a. 209. Abtheil. Nr. 272 a. 210. Abtheil. Nr. 273 a. 211. Abtheil. Nr. 274 a. 212. Abtheil. Nr. 275 a. 213. Abtheil. Nr. 276 a. 214. Abtheil. Nr. 277 a. 215. Abtheil. Nr. 278 a. 216. Abtheil. Nr. 279 a. 217. Abtheil. Nr. 280 a. 218. Abtheil. Nr. 281 a. 219. Abtheil. Nr. 282 a. 220. Abtheil. Nr. 283 a. 221. Abtheil. Nr. 284 a. 222. Abtheil. Nr. 285 a. 223. Abtheil. Nr. 286 a. 224. Abtheil. Nr. 287 a. 225. Abtheil. Nr. 288 a. 226. Abtheil. Nr. 289 a. 227. Abtheil. Nr. 290 a. 228. Abtheil. Nr. 291 a. 229. Abtheil. Nr. 292 a. 230. Abtheil. Nr. 293 a. 231. Abtheil. Nr. 294 a. 232. Abtheil. Nr. 295 a. 233. Abtheil. Nr. 296 a. 234. Abtheil. Nr. 297 a. 235. Abtheil. Nr. 298 a. 236. Abtheil. Nr. 299 a. 237. Abtheil. Nr. 300 a. 238. Abtheil. Nr. 301 a. 239. Abtheil. Nr. 302 a. 240. Abtheil. Nr. 303 a. 241. Abtheil. Nr. 304 a. 242. Abtheil. Nr. 305 a. 243. Abtheil. Nr. 306 a. 244. Abtheil. Nr. 307 a. 245. Abtheil. Nr. 308 a. 246. Abtheil. Nr. 309 a. 247. Abtheil. Nr. 310 a. 248. Abtheil. Nr. 311 a. 249. Abtheil. Nr. 312 a. 250. Abtheil. Nr. 313 a. 251. Abtheil. Nr. 314 a. 252. Abtheil. Nr. 315 a. 253. Abtheil. Nr. 316 a. 254. Abtheil. Nr. 317 a. 255. Abtheil. Nr. 318 a. 256. Abtheil. Nr. 319 a. 257. Abtheil. Nr. 320 a. 258. Abtheil. Nr. 321 a. 259. Abtheil. Nr. 322 a. 260. Abtheil. Nr. 323 a. 261. Abtheil. Nr. 324 a. 262. Abtheil. Nr. 325 a. 263. Abtheil. Nr. 326 a. 264. Abtheil. Nr. 327 a. 265. Abtheil. Nr. 328 a. 266. Abtheil. Nr. 329 a. 267. Abtheil. Nr. 330 a. 268. Abtheil. Nr. 331 a. 269. Abtheil. Nr. 332 a. 270. Abtheil. Nr. 333 a. 271. Abtheil. Nr. 334 a. 272. Abtheil. Nr. 335 a. 273. Abtheil. Nr. 336 a. 274. Abtheil. Nr. 337 a. 275. Abtheil. Nr. 338 a. 276. Abtheil. Nr. 339 a. 277. Abtheil. Nr. 340 a. 278. Abtheil. Nr. 341 a. 279. Abtheil. Nr. 342 a. 280. Abtheil. Nr. 343 a. 281. Abtheil. Nr. 344 a. 282. Abtheil. Nr. 345 a. 283. Abtheil. Nr. 346 a. 284. Abtheil. Nr. 347 a. 285. Abtheil. Nr. 348 a. 286. Abtheil. Nr. 349 a. 287. Abtheil. Nr. 350 a. 288. Abtheil. Nr. 351 a. 289. Abtheil. Nr. 352 a. 290. Abtheil. Nr. 353 a. 291. Abtheil. Nr. 354 a. 292. Abtheil. Nr. 355 a. 293. Abtheil. Nr. 356 a. 294. Abtheil. Nr. 357 a. 295. Abtheil. Nr. 358 a. 296. Abtheil. Nr. 359 a. 297. Abtheil. Nr. 360 a. 298. Abtheil. Nr. 361 a. 299. Abtheil. Nr. 362 a. 300. Abtheil. Nr. 363 a. 301. Abtheil. Nr. 364 a. 302. Abtheil. Nr. 365 a. 303. Abtheil. Nr. 366 a. 304. Abtheil. Nr. 367 a. 305. Abtheil. Nr. 368 a. 306. Abtheil. Nr. 369 a. 307. Abtheil. Nr. 370 a. 308. Abtheil. Nr. 371 a. 309. Abtheil. Nr. 372 a. 310. Abtheil. Nr. 373 a. 311. Abtheil. Nr. 374 a. 312. Abtheil. Nr. 375 a. 313. Abtheil. Nr. 376 a. 314. Abtheil. Nr. 377 a. 315. Abtheil. Nr. 378 a. 316. Abtheil. Nr. 379 a. 317. Abtheil. Nr. 380 a. 318. Abtheil. Nr. 381 a. 319. Abtheil. Nr. 382 a. 320. Abtheil. Nr. 383 a. 321. Abtheil. Nr. 384 a. 322. Abtheil. Nr. 385 a. 323. Abtheil. Nr. 386 a. 324. Abtheil. Nr. 387 a. 325. Abtheil. Nr. 388 a. 326. Abtheil. Nr. 389 a. 327. Abtheil. Nr. 390 a. 328. Abtheil. Nr. 391 a. 329. Abtheil. Nr. 392 a. 330. Abtheil. Nr. 393 a. 331. Abtheil. Nr. 394 a. 332. Abtheil. Nr. 395 a. 333. Abtheil. Nr. 396 a. 334. Abtheil. Nr. 397 a. 335. Abtheil. Nr. 398 a. 336. Abtheil. Nr. 399 a. 337. Abtheil. Nr. 400 a. 338. Abtheil. Nr. 401 a. 339. Abtheil. Nr. 402 a. 340. Abtheil. Nr. 403 a. 341. Abtheil. Nr. 404 a. 342. Abtheil. Nr. 405 a. 343. Abtheil. Nr. 406 a. 344. Abtheil. Nr. 407 a. 345. Abtheil. Nr. 408 a. 346. Abtheil. Nr. 409 a. 347. Abtheil. Nr. 410 a. 348. Abtheil. Nr. 411 a. 349. Abtheil. Nr. 412 a. 350. Abtheil. Nr. 413 a. 351. Abtheil. Nr. 414 a. 352. Abtheil. Nr. 415 a. 353. Abtheil. Nr. 416 a. 354. Abtheil. Nr. 417 a. 355. Abtheil. Nr. 418 a. 356. Abtheil. Nr. 419 a. 357. Abtheil. Nr. 420 a. 358. Abtheil. Nr. 421 a. 359. Abtheil. Nr. 422 a. 360. Abtheil. Nr. 423 a. 361. Abtheil. Nr. 424 a. 362. Abtheil. Nr. 425 a. 363. Abtheil. Nr. 426 a. 364. Abtheil. Nr. 427 a. 365. Abtheil. Nr. 428 a. 366. Abtheil. Nr. 429 a. 367. Abtheil. Nr. 430 a. 368. Abtheil. Nr. 431 a. 369. Abtheil. Nr. 432 a. 370. Abtheil. Nr. 433 a. 371. Abtheil. Nr. 434 a. 372. Abtheil. Nr. 435 a. 373. Abtheil. Nr. 436 a. 374. Abtheil. Nr. 437 a. 375. Abtheil. Nr. 438 a. 376. Abtheil. Nr. 439 a. 377. Abtheil. Nr. 440 a. 378. Abtheil. Nr. 441 a. 379. Abtheil. Nr. 442 a. 380. Abtheil. Nr. 443 a. 381. Abtheil. Nr. 444 a. 382. Abtheil. Nr. 445 a. 383. Abtheil. Nr. 446 a. 384. Abtheil. Nr. 447 a. 385. Abtheil. Nr. 448 a. 386. Abtheil. Nr. 449 a. 387. Abtheil. Nr. 450 a. 388. Abtheil. Nr. 451 a. 389. Abtheil. Nr. 452 a. 390. Abtheil. Nr. 453 a. 391. Abtheil. Nr. 454 a. 392. Abtheil. Nr. 455 a. 393. Abtheil. Nr. 456 a. 394. Abtheil. Nr. 457 a. 395. Abtheil. Nr. 458 a. 396. Abtheil. Nr. 459 a. 397. Abtheil. Nr. 460 a. 398. Abtheil. Nr. 461 a. 399. Abtheil. Nr. 462 a. 400. Abtheil. Nr. 463 a. 401. Abtheil. Nr. 464 a. 402. Abtheil. Nr. 465 a. 403. Abtheil. Nr. 466 a. 404. Abtheil. Nr. 467 a. 405. Abtheil. Nr. 468 a. 406. Abtheil. Nr. 469 a. 407. Abtheil. Nr. 470 a. 408. Abtheil. Nr. 471 a. 409. Abtheil. Nr. 472 a. 410. Abtheil. Nr. 473 a. 411. Abtheil. Nr. 474 a. 412. Abtheil. Nr. 475 a. 413. Abtheil. Nr. 476 a. 414. Abtheil. Nr. 477 a. 415. Abtheil. Nr. 478 a. 416. Abtheil. Nr. 479 a. 417. Abtheil. Nr. 480 a. 418. Abtheil. Nr. 481 a. 419. Abtheil. Nr. 482 a. 420. Abtheil. Nr. 483 a. 421. Abtheil. Nr. 484 a. 422. Abtheil. Nr. 485 a. 423. Abtheil. Nr. 486 a. 424. Abtheil. Nr. 487 a. 425. Abtheil. Nr. 488 a. 426. Abtheil. Nr. 489 a. 427. Abtheil. Nr. 490 a. 428. Abtheil. Nr. 491 a. 429. Abtheil. Nr. 492 a. 430. Abtheil. Nr. 493 a. 431. Abtheil. Nr. 494 a. 432. Abtheil. Nr. 495 a. 433. Abtheil. Nr. 496 a. 434. Abtheil. Nr. 497 a. 435. Abtheil. Nr. 498 a. 436. Abtheil. Nr. 499 a. 437. Abtheil. Nr. 500 a. 438. Abtheil. Nr. 501 a. 439. Abtheil. Nr. 502 a. 440. Abtheil. Nr. 503 a. 441. Abtheil. Nr. 504 a. 442. Abtheil. Nr. 505 a. 443. Abtheil. Nr. 506 a. 444. Abtheil. Nr. 507 a. 445. Abtheil. Nr. 508 a. 446. Abtheil. Nr. 509 a. 447. Abtheil. Nr. 510 a. 448. Abtheil. Nr. 511 a. 449. Abtheil. Nr. 512 a. 450. Abtheil. Nr. 513 a. 451. Abtheil. Nr. 514 a. 452. Abtheil. Nr. 515 a. 453. Abtheil. Nr. 516 a. 454. Abtheil. Nr. 517 a. 455. Abtheil. Nr. 518 a. 456. Abtheil. Nr. 519 a. 457. Abtheil. Nr. 520 a. 458. Abtheil. Nr. 521 a. 459. Abtheil. Nr. 522 a. 460. Abtheil. Nr. 523 a. 461. Abtheil. Nr. 524 a. 462. Abtheil. Nr. 525 a. 463. Abtheil. Nr. 526 a. 464. Abtheil. Nr. 527 a. 465. Abtheil. Nr. 528 a. 466. Abtheil. Nr. 529 a. 467. Abtheil. Nr. 530 a. 468. Abtheil. Nr. 531 a. 469. Abtheil. Nr. 532 a. 470. Abtheil. Nr. 533 a. 471. Abtheil. Nr. 534 a. 472. Abtheil. Nr. 535 a. 473. Abtheil. Nr. 536 a. 474. Abtheil. Nr. 537 a. 475. Abtheil. Nr. 538 a. 476. Abtheil. Nr. 539 a. 477. Abtheil. Nr. 540 a. 478. Abtheil. Nr. 541 a. 479. Abtheil. Nr. 542 a. 480. Abtheil. Nr. 543 a. 481. Abtheil. Nr. 544 a. 482. Abtheil. Nr. 545 a. 483. Abtheil. Nr. 546 a. 484. Abtheil. Nr. 547 a. 485. Abtheil. Nr. 548 a. 486. Abtheil. Nr. 549 a. 487. Abtheil. Nr. 550 a. 488. Abtheil. Nr. 551 a. 489. Abtheil. Nr. 552 a. 490. Abtheil. Nr. 553 a. 491. Abtheil. Nr. 554 a. 492. Abtheil. Nr. 555 a. 493. Abtheil. Nr. 556 a. 494. Abtheil. Nr. 557 a. 495. Abtheil. Nr. 558 a. 496. Abtheil. Nr. 559 a. 497. Abtheil. Nr. 560 a. 498. Abtheil. Nr. 561 a. 499. Abtheil. Nr. 562 a. 500. Abtheil. Nr. 563 a. 501. Abtheil. Nr. 564 a. 502. Abtheil. Nr. 565 a. 503. Abtheil. Nr. 566 a. 504. Abtheil. Nr. 567 a. 505. Abtheil. Nr. 568 a. 506. Abtheil. Nr. 569 a. 507. Abtheil. Nr. 570 a. 508. Abtheil. Nr. 571 a. 509. Abtheil. Nr. 572 a. 510. Abtheil. Nr. 573 a. 511. Abtheil. Nr. 574 a. 512. Abtheil. Nr. 575 a. 513. Abtheil. Nr. 576 a. 514. Abtheil. Nr. 577 a. 515. Abtheil. Nr. 578 a. 516. Abtheil. Nr. 579 a. 517. Abtheil. Nr. 580 a. 518. Abtheil. Nr. 581 a. 519. Abtheil. Nr. 582 a. 520. Abtheil. Nr. 583 a. 521. Abtheil. Nr. 584 a. 522. Abtheil. Nr. 585 a. 523. Abtheil. Nr. 586 a. 524. Abtheil. Nr. 587 a. 525. Abtheil. Nr. 588 a. 526. Abtheil. Nr. 589 a. 527. Abtheil. Nr. 590 a. 528. Abtheil. Nr. 591 a. 529. Abtheil. Nr. 592 a. 530. Abtheil. Nr. 593 a. 5</p>
--	--

ют собою важные документы, содержащие ценнейший авторский комментарий к роману «Братья Карамазовы». Через две недели после приезда Достоевский уже начинает мечтать о возвращении домой и по дням высчитывает оставшийся ему срок лечения: 28-го августа (ст. стиля) будет ровно пять недель лечения. Больше пяти недель он твердо решил не оставаться и располагал возвратиться в Старую Руссу 1-го или 2-го сентября. Спустя неделю эти даты уточняются — после трех недель питья минеральных вод, доктор Орт решил, что лечение обязательно надо продлить еще на две недели, то есть весь курс лечения действительно может быть закончен 28-го августа (ст. стиля). Поэтому Достоевский решает выехать утром 29-го: «В дороге пробуду 5 дней, приеду в Старую Руссу, вероятно 3-го даже может быть и 2-го, но вероятнее что 3-го»³⁸, — пишет он жене 13-го (25-го) августа.

Уединение, вынужденное молчание из-за полного отсутствия на этот раз знакомых делают его снова раздражительным. Он опять жалуется — и хозяйке, и жене в письмах. — что ему мешают спать два жильца, вселившиеся в пустую квартиру над ним; жалуется и на пищу, на скверные обеды, приносимые ему служанкой из отеля Gedeke. Упоминает, что повсюду продаются превосходные фрукты — персики, виноград, груши, но они ему запрещены — их нельзя употреблять в пищу вместе с лечением минеральными водами. Наконец, 27-го августа (8-го сентября) 1879 года Достоевский сообщает, что он уже занят укладыванием чемодана и заканчивает все свои эмские дела: «Кончается наконец скука моя безысходная, наконец-то начну громко говорить, а то 35 дней молчания»³⁹, — пишет он Анне Григорьевне. 29-го августа (10-го сентября), в половине седьмого утра Достоевский навсегда покидает Бад Эмс.

По-видимому он приезжает в Старую Руссу 3-го сентября (ст. стиля). Через несколько дней по возвращении, 8-го сентября Достоевский сообщает Любимову уже из Старой Руссы, что он «так был изломан дорогой, что сел продолжать работу (на Сентябрь. №) только третьего дня», то есть 6-го

сентября. Он сразу погружается в работу, мучаясь, что «сильнейшим образом» опаздывает с присылкой продолжения романа в редакцию «Русского Вестника».

Весна 1880 года была занята подготовкой речи к пушкинским юбилейным торжествам. Анна Григорьевна так вспоминает об этом времени:

«Чтоб иметь возможность в тишине и на свободе обдумать и написать свою речь в память Пушкина, Федор Михайлович пожелал раньше переехать в Старую Руссу, и в самом начале мая мы всей семьей были уже у себя на даче»⁴⁰.

22-го мая 1880 года Федор Михайлович выезжает в Москву на юбилейные торжества. Последующие дни принесли писателю громкую славу. В последний день пушкинских торжеств Достоевскому был поднесен громадный лавровый венок, который, поздней ночью того же дня, Достоевский отвез к только что открытому памятнику Пушкина и сам положил его к подножию памятника своего «великого учителя», как он называл великого русского поэта. Через 22 дня — 13-го июня — Достоевский возвращается к семье в Старую Руссу, по свидетельству Анны Григорьевны, такой довольный и оживленный, каким она его давно не видела.

Крайне нервное напряжение, доводившее писателя во время юбилейных торжеств до полного физического изнеможения, волнение в связи с небывалым успехом у публики, последующее разочарование и обида от нападков журналистов, которые, с восторгом прослушав его знаменитую пушкинскую речь, через десять дней обрушили на Достоевского лавину обвинений, опровержений и клеветы — всё это не прошло даром: один за другим последовали два тяжелых припадка эпилепсии, на целых две недели лишивших писателя возможности работать. А работа, как всегда, не ждала — к октябрю надо было закончить «Братьев Карамазовых», то есть написать всю четвертую часть романа (книги X-XII: «Мальчики», «Брат Иван Федорович», «Судебная ошибка») и Эпилог, всё вместе около двадцати печатных листов.

Всё это, как и частое участие в литературных чтениях, общение с молодежью, засыпавшей писателя вопросами, на которые ему, по выражению Анны Григорьевны, «приходилось отвечать чуть ли не речами», — сильно способствовало ухудшению здоровья Достоевского. Прогноз двоюродного брата Анны Григорьевны, доктора М. Н. Сниткина, оправдался: легкие писателя не выдержали. После краткого подъема в первой половине января 1881 года, когда Достоевский, по словам его жены, чувствовал себя превосходно, бывал у знакомых и даже согласился участвовать в домашнем спектакле у графини Софьи Андреевны Толстой, — 26-го января разразилась катастрофа. Утром этого дня прорвалась легочная артерия и пошла горлом кровь. Врачи фон Бретцель и Кошлаков, шесть лет тому назад впервые пославшие писателя на лечение в Бад Эмс, сразу поняли характер его болезни. В 8 часов 38 минут вечера 28-го января 1881 года сердце Федора Михайловича перестало биться. Бад Эмс больше не увидел своего постоянного пациента, приезжавшего сюда за две с половиной тысячи верст, чтобы его целебными водами поддержать свое угасающее здоровье.

СОСТОЯНИЕ ЗДОРОВЬЯ ДОСТОЕВСКОГО

Почему же врачи так настойчиво посылали Достоевского лечиться эмскими минеральными водами? Достоевский был болен эмфиземой легких; болезнь эта полностью неизлечима и при современном состоянии медицины. Для Достоевского эта болезнь была сопряжена с большими мучениями — затрудненным дыханием, приступами кашля, болью в груди и в горле, раздражением нервов. О раздражительности и болезненном состоянии Достоевского говорят многие, знавшие писателя в последние годы его жизни. Так корректор типографии Варвара Васильевна Тимофеева (О. Починковская), в то время 23-летняя девушка, пишет, что после одного важного разговора, состоявшегося между ними по поводу статьи Достоевского о Пруссии, о Бисмарке и Папе, «Федор Михайлович как-то вдруг замолчал и с каждым разом становился мрачнее и раздражительнее. И мы просиживали теперь рядом или друг против друга целые вечера, не обменявшись ни единым словом»⁴¹.

Всеволод Сергеевич Соловьев, познакомившийся с Достоевским в 1873 году 24-летним юношей, считал, что Достоевский был «по своей натуре болезненный, раздражительный, нервный и крайне обидчивый». В то же время Вс. Соловьев был убежден, что Достоевский был «самым искренним человеком, и потому в словах его, мнениях и суждениях часто встречались большие противоречия...»⁴²

О болезненном состоянии Достоевского не раз говорит Анна Григорьевна, говорят и почти все, кто знал его в это время. Свидетельствует об этом и старорусский друг семьи Достоевских священник Иоанн Румянцев, в доме которого Достоевские жили в лето 1872 года, и который позже, в апреле 1875 года, хлопотал о скорейшей выдаче заграничного паспорта Достоевскому, охарактеризованному им как «больной прекрасный человек». В письме к правителю губернской канцелярии И. И. Андоцкому отец Иоанн просит ускорить

высылку паспорта «во имя любви к ближнему» и пишет, что Достоевский — хороший его приятель и квартирант «человек чрезвычайно болезненный и в первых числах мая непременно должен выехать за границу, но крайне тревожится, что получка паспорта его задержит»⁴³. Также и старорусский уездный исправник Готский в секретном рапорте от 20-го октября 1874 года Новгородскому Губернатору сообщает, что отставной подпоручик Федор Михайлович Достоевский «привез свою семью и поселился совершенно жить в Старой Руссе, ввиду того, что по болезненному состоянию он должен еще несколько лет пользоваться старорусскими Минеральными водами»⁴⁴.

По свидетельству Л. В. Головиной, Достоевский принимал одновременно с ней, в феврале 1875 года, сеансы лечения сгущенным воздухом в пневматической лечебнице Л. Н. Симонова. По словам Головиной, Достоевского мучили сильные приступы кашля, вид у него был очень болезненный; позже, при более близком знакомстве, писатель жаловался ей на то, что «его раздражительность дома доходит до того, что он не может работать»⁴⁵.

Жена писателя вначале, вероятно, не отдавала себе отчета в серьезности заболевания своего мужа и считала, что болезненные явления вызваны временным катарром. Но состояние его было уже настолько тяжелым, что и лечивший его доктор Я. Б. фон Бретцель и известный в те времена специалист по внутренним болезням профессор Петербургской Военно-медицинской академии Д. И. Кошлаков оба рекомендуют пройти курс лечения в Эмсе. То же самое подтверждает и берлинская знаменитость профессор Фрёрликс.

Письма Достоевского из Эмса полны подробными описаниями его состояния. После первого же осмотра, эмсский доктор Орт, рекомендованный еще петербургским врачом Бретцелем, поставил следующий диагноз:

«Он прочел Бретцелеву записку и осмотрел меня очень внимательно и сказал что у меня *временный* катар и более ничего; похожего на чахотку нет ничего, но что болезнь довольно важная, потому что без лечения чем дальше тем

менее будет способности дышать, кроме общего расстрой-ства... нашел что у меня расстроена наиболее задняя часть груди и когда я ему сказал что я не чувствую ничего особенного, стоял на своем, но сказал, что с дороги я должен был непременно расстроиться, но что через несколько дней эта задняя сторона может облегчиться, обещал успех от лечения наверно...»⁴⁶

Это состояние усложнялось припадками эпилепсии, которые, после почти шестимесячного перерыва в 1873 году, возобновились с особой силой. Так с 20-го апреля по 28-ое декабря 1874 года, согласно собственной записи Достоевского, у него было семь припадков. Записные тетради Достоевского с набросками плана романа «Подросток», сделанными им в Эмсе, интересны еще и тем, что тут же он делал заметки о своем здоровье. В этих же тетрадях, в июне-июле 1874 года, велся и «Дневник лечения в Эмсе», где день за днем писатель записывает наблюдения над самим собою, говорит о хрипоте в горле, о трудности дыхания, о боли в груди, о плохом сне, часто полном кошмаров.

В Эмсе Достоевский точно соблюдает предписанное ему лечение, регулярно ходит пить воду из источника Кессельбруннен, но долгое время чувствует себя плохо и сетует на врача. После замены этих вод водами источника Кренхен чувствует себя «капельку лучше». Он замечает, что после трех стаканов минеральной воды ему делается легче, «хрип исчезает, кашель тоже и воздуху для груди точно прибавилось»⁴⁷. Достоевский предполагает, что результаты лечения скажутся позже, как действие вод на весь организм. Несмотря на резкий климат Эмса с его быстрыми переходами от жары к холодным дождям, от которого очень страдал Достоевский, он всё же к концу предписанного курса замечает, что он не так задыхается как раньше, меньше утомляется, стал крепче. Доктор Орт заверяет своего пациента, что тот «выздоровеет совершенно», так как в трех местах грудь зажила совсем, заживет и в двух остальных. Уезжая из Эмса, Достоевский констатирует, что дышать ему стало свободнее и он чувствовал в себе сил гораздо больше, чем

когда приехал туда, он знает, что лечение дало ему большое облегчение, но что болезнь всё же остается. Он мечтает, чтобы «хоть на три годика» хватило его здоровья, чтобы их дела поправились.

По свидетельству Анны Григорьевны, зимой 1874/75 года, «Феодор Михайлович чувствовал себя очень хорошо: результаты эмского лечения оказались благоприятными: кашель уменьшился, дыхание стало значительно глубже»⁴⁸. Он даже бегал и играл с детьми и танцевал кадрили, вальс и мазурку, которую он особенно любил и, по выражению своей жены, исполнял как «завязтый поляк». Однако из воспоминаний современников мы знаем, что уже в феврале 1875 года понадобилось лечение сгущенным воздухом, о котором рассказывает Л. В. Головина.

Зимой 1875 года Достоевский консультировался с известным петербургским профессором и тот, как пишет Анна Григорьевна, «ввиду благоприятных результатов прошлогоднего курса вод, настойчиво советовал ему, чтобы закрепить лечение, вновь поехать весной в Эмс»⁴⁹. После первого же осмотра эмского врача Достоевский пишет жене:

«Был у доктора: он нашел меня несравненно лучше чем в прошлом году. Незажившая болячка увеличилась, но за то три другие, зажившие в прошлом году не возвратились. Он меня раздел всего и тщательнейшим образом осмотрел и выслушал. Телом он нашел меня удивительно поправившимся за зиму (и уж разумеется от того что мы жили не в Петербурге). Он надеется на успех»⁵⁰.

Тем не менее другая фраза из этого же письма — «Если это лечение не поможет и я даром ездил, то я буду слишком несчастен, истратив столько времени (и в такое время) с вами в разлуке, и столько денег» — говорит, что состояние его было далеко не такое блестящее и что в Эмс Достоевский ездил, в почти буквальном смысле слова, как на «фабрику здоровья»: вывезти оттуда себе какой-то запас сил, чтобы быть в состоянии окончить свой роман.

Через неделю по приезде в Эмс, он сообщает, что «сильно кашляет, по вечерам потеет, в груди хрип сильнее, чем зи-

мой»⁵¹. Задержка писем от жены из-за секретного полицейского надзора над ним в Старой Руссе, дождливая погода, которую Достоевский не выносит, скопление народа при отсутствии друзей, беспокойство за близких и настоятельная необходимость работать мешают лечению, увеличивают нетерпение больного писателя. «Ранка» в легких, о которой он упоминает в письме от 10 (22) июня, не заживает, да и не может «зажить» за десять дней лечения. К волнению примешивается и боязнь эпилептического припадка. Достоевский считает дни, ему не терпится вырваться из неприятной ему обстановки:

«...предстоят ещё недели три муки и — работа, работа, ужас! Эта поездка в Эмс была ужасна во всех отношениях и хоть-бы я здоровье-то отсюда вывез»⁵².

Достоевскому кажется, что его неправильно лечат, недостаточно к нему внимательны. Наконец, новое предписание полоскать горло водой Кессельбруннена приносит ему облегчение. Именно в этот момент ему попадается в руки брошюра об Эмсе, изданная в Петербурге в 1874 году. Чтение этой книжки произвело на Достоевского очень большое впечатление, не только потому, что, как он пишет жене, «В книжке этой между прочим высоко ценятся некоторые мнения моего доктора, Орта, об Эмском лечении». В справочнике говорилось также о том, что лечение минеральными водами не называется тотчас же, что часто больные, окончив курс лечения, не только не чувствуют облегчения, но напротив некоторые чувствуют себя даже хуже в сравнении с тем как приехали, и только несколько месяцев спустя, уже зимой, «начинают чувствовать нередко огромное облегчение и благоговяют судьбу, что съездили в Эмс». Достоевский добавляет: «Я могу засвидетельствовать (уже) несомненно, что тоже самое случилось со мною после поездки в Эмс прошлого года. Не будет-ли также и в нынешнем году?» Но самое главное, поразившее его, было другое обстоятельство:

«В этой же книжке я вычитал ужасную вещь: именно — что необходимо вполне изменить свой прежний образ жизни во время лечения, строго соблюдать диету и не преда-

ваться *ни-ка-ким* умственным занятиям, а не то, не только не окажется пользы от лечения, но *непрерывно* происходит вред и болезнь, по многим опытам несомненно ухудшается. *Умственные же занятия*, в диете, поставлены на *первом плане*, в смысле вреда. Каково мне! Это же говорил мне и Орт еще в прошлом году, но я мало обратил внимания...»⁵³.

И всё же, хотя умственные занятия не были прекращены и беспокойство о жене и детях не уменьшилось, лечение принесло ожидаемые результаты. В письме от 23-го июня (5-го июля) Достоевский сообщает, что «грудь в превосходном состоянии, всё зажило. Но осталась хриплость и затруднительность дыхания». И наконец комплимент Эмсу, в котором Достоевский так тосковал, находясь вдали от семьи:

«А я именно никогда не чувствовал себя лучше здоровьем как в этом скверном Эмсе: припадки Бог знает сколько времени не были, груди очевидно лучше, а телом совершенно бодр и свеж»⁵⁴.

Но зимой, в Петербурге, опять наступает ухудшение, опять очевидна необходимость ехать в Эмс за очередной порцией здоровья. В этот третий приезд, в 1876 году, Достоевский отдает должное и своему врачу, доктору Орту. Он пишет, что переменял мнение о докторе Орте:

«Он человек довольно симпатичный и когда очень надо, то вникает, а знание его как врача, здесь не подвержено сомнению и он пользуется даже славой»⁵⁵.

В этот раз точно установлен главный очаг болезни. Достоевский подробно описывает свой визит к доктору Орту:

«Он тотчас узнал меня и осмотрел всего внимательно, раздевши до гола. Результат постукивания и осмотра тот, что в верхних частях груди, справа и слева — *улучшение* (от того и не ноет орган как прежде), но зато место под правым соском, под 5-м ребром, на которое я иногда зимой жаловался что болит, и которое еще одиннадцать лет тому назад указал Боткин, предсказав, что отсюда разовьется болезнь, — это место *ухудшилось* и может быть очень»⁵⁶.

Впервые Достоевский высказывает мысль о смерти, приближение которой он уже чувствует. Доктор Орт пытается его успокоить:

«...на мой усиленный вопрос сказал, что смерть еще далеко, и что я еще долго проживу, но что конечно Петербургский климат, — надобно брать предосторожности и т. д. и т. д. Прописал мне Кренхен, сначала по два стакана утром и по стакану вечером, с молоком, и по стакану гаргаризации горла, утром и вечером, Кессельбруннем»⁵⁷.

Недели через две Достоевский опять обращается к врачу с тем же вопросом, что ему «уже не долго жить». Доктор Орт обещает ему лет 15 жизни, при условии соблюдения осторожности. Достоевский делает заключение, что «болезнь хоть не пройдет, но будет действовать очень медленно разумеется при некоторых мерах всегдашней осторожности», и тут же высказывает надежду, что «мало по малу ведь и это можно устроить»⁵⁸.

И в этот раз Эмс принес облегчение уже через три недели лечения: одышка уменьшилась, нервы успокоились, физической силы стало больше, так что ему теперь нужно вдвое пройти пешком, чем раньше, чтобы почувствовать усталость. Его знакомые Елисеевы находят, что он очень поправился и удивлялись, когда Достоевский сказал им, что ему 54 года — они давали ему 40 лет с небольшим, что, по-видимому, было приятно больному писателю.

В письме от 2-го (14-го) августа 1876 года Достоевский сам подводит итог трижды пройденному курсу лечения эмскими водами. Он пишет:

«Мне страшно помогли воды 3-го года, когда они совсем переродили меня. Тогда я лечился 5 недель и 5 дней. Прошлый же год я лечился всего 4 недели и 5 дней, и уже действие вод было не совсем такое. Еслиб возможно было пробыть и нынешний раз 6 недель, то может быть что-нибудь и вышло-бы в роде 3-го года. Но ведь нет никакой возможности пробыть 6 недель в виду Дневника»⁵⁹.

Из этих слов очевидно, что лечение не закончено, но работа гонит писателя — ему надо выгадать хотя бы десять дней

в Старой Руссе, чтобы закончить в срок очередной выпуск «Дневника писателя». Он успокаивает жену и себя обещанием доктора Орта, сказавшего ему в напутствие: «Vous aurez un bon hiver».

В недавно опубликованном письме писателя из Бад Эмса к Любви Валерьяновне Головиной, своему товарищу по лечению сжатым воздухом, Достоевский, хотя и пытается шутить, но более откровенно говорит о неизлечимости болезни и о своей обреченности. Рассказывая о встрече в Эмсе с их общим знакомым бароном Ганом, страдавшим тем же недугом, Достоевский пишет:

«Я сказал ему (т. е. барону Гану. — Прим. Н. Н.), что и я тоже приговорен и из неизлечимых, и мы несколько даже погоревали над нашей участью, а потом вдруг рассмеялись. И в самом деле, чем больше будем дорожить тем кончиком жизни, который остался, и, право, имея в виду скорый исход, действительно можно улучшить не только жизнь, но даже себя, — ведь так? И все-таки я упорствую и не верю докторам, и хоть они и сказали все, хором, что я неизлечим, но прибавили в утешение, что могу еще довольно долго прожить, но с тем, однако ж, непременно условием, чтоб непрерывно держать диету, избегать всяких излишеств, всего более заботиться о спокойствии нервов, отнюдь не раздражаться, отнюдь не напрягаться умственно, как можно меньше писать (т. е. сочинять) и — Боже упаси — простужаться; 'тогда, о тогда при соблюдении всех этих условий вы можете еще довольно долго прожить'. Это меня, разумеется, совершенно обнадежило»⁶⁰.

И встреча с бароном Ганом, который сообщил Достоевскому, что ездил к Вундерфрау в Мюнхен за помощью, и шуточно перефразированные слова доктора Орта, сказавшего Достоевскому, что он проживет не только 8 лет, но даже 15 «разумеется если климат, если не будете простужаться, если не будете всячески злоупотреблять своими силами, и вообще если не будете нарушать осторожную диету», изложены также и в письмах к жене⁶¹.

Возможно, что под влиянием сознания краткости времени, оставленного ему судьбою для жизни, Достоевский и набрасывает в конце декабря 1877 года в памятной книжке свое ставшее знаменитым «Memento. На всю жизнь» о том, что ему еще хотелось бы написать.

Этим же предчувствием близкой кончины объясняется и его просьба к Анне Григорьевне, высказанная на кладбище Новодевичьего монастыря, во время похорон Некрасова, не хоронить его на Волковом кладбище, на Литераторских Мостах, среди его врагов, от которых он много натерпелся при жизни. Данное Анной Григорьевной в шутку, чтобы отвлечь мужа от его грустных мыслей, обещание похоронить его в Невской Лавре рядом с Жуковским, которого Достоевский очень любил, очень скоро претворилось в жизнь.

Поездка в Эмс в 1879 году принесла некоторое облегчение, но с самого начала доктор Орт нашел нужным сообщить своему пациенту об ухудшении его состояния: искоренить эмфизему невозможно, но побороться с нею еще можно с вероятным успехом. После визита к доктору Орту, Достоевский пишет:

«Нашел что у меня какая-то часть легкого сошла со своего места и переменяла положение, равно как и сердце переменяло свое прежнее положение и находится в другом — всё вследствие анфиземы, хотя, прибавил в утешение, сердце совершенно здорово, а все эти перемены мест тоже не много значат и не грозят особенно. Конечно он как доктор обязан даже говорить утешительные вещи, но если анфизема еще только вначале уже произвела такие эффекты, то что же будет потом?»⁶²

Это место из письма Достоевского Анна Григорьевна полностью цитирует в своих *Воспоминаниях*, сопровождая его следующим комментарием:

«Объяснение доктора Орта меня чрезвычайно смутили и обеспокоили, так как я, видя последние годы мужа бодрым и сильным, не предполагала, что болезнь сделала такие зловещие успехи»⁶³.

Но оба всё же надеются на целебное свойство эмских вод и стараются утешить себя. Фразе Достоевского в письме к жене «Впрочем я сильно надеюсь на воды и уже сегодня начал пить» соответствует аналогичное высказывание Анны Григорьевны: «Но зная, что питье Кренхена всегда приносило мужу большую пользу, я утешала себя мыслью, что улучшение здоровья произойдет и на этот раз».

Между тем болезнь приносит писателю большие мучения. Через четыре дня после приезда в Эмс он сообщает:

«Здоровье мое не совсем хорошо: Страшно раскашлялся, по ночам особенно, грудь разорваться хочет. Общее ослабление, тоска, давление в груди, а ночью мучительнейшие кошмары. Сплю ночь прескверно, по пяти раз просыпаюсь и каждый раз от кошмаров (все разных), каждый раз в поту, так что ночью ровно пять раз передеваю рубашку»⁶⁴.

На этот раз писатель, полностью поглощенный работой над такой важной частью романа «Братья Карамазовы» как Книга 6-ая — «Русский инок» и Книга 7-ая — «Алеша», мало пишет о своем здоровье. Его письма наполнены ценными замечаниями о ходе работы над этими, по его словам, самыми важными главами, а также о его отношении к жене и детям, в которых раскрывается его огромная любовь к ним и забота о них.

Через две недели пребывания в Эмсе Достоевский ограничивается лишь кратким сообщением, что «здесь как бы стал сильнее физически, от лечения конечно. Хожу по 8 верст в день (никак не меньше) и не чувствую усталости, аппетит тоже есть. Но кашель прежний»⁶⁵.

Несмотря на некоторое улучшение, мысль о близкой смерти не покидает Достоевского. 9-го (21-го) августа он пишет Константину Петровичу Победоносцеву:

«Я здесь сижу и непрерывно думаю о том, что уже разумеется я скоро умру, ну через год или через два и что же станет с тремя золотыми для меня головками после меня?»⁶⁶

Через несколько дней он опять возвращается к мысли о смерти и о будущем детей и жены и мечтает купить для них имение на деньги, которые надеется получить по подписке за новое издание «Дневника писателя»⁶⁷.

Хотя в этот, последний, раз лечение, по мнению Достоевского, не принесло ему особенной пользы, все же он стал чувствовать себя бодрее и сильнее, сонливость исчезла, разрывной кашель стих, одышка уменьшилась. В результате эмсского лечения, в зиму 1879/1880 года здоровье Федора Михайловича несколько окрепло и приступы эпилепсии стали значительно реже, чему, по мнению Анны Григорьевны, также способствовал несомненный успех романа «Братья Карамазовы», печатавшегося в это время в журнале «Русский Вестник». В эту зиму Достоевский часто выступает публично, принимая участие в литературных чтениях. Как чтец Достоевский, по отзыву историка русской литературы С. А. Венгерова, «не имеет себе равного». Вершиной его публичных выступлений стала Пушкинская речь.

О мучениях, доставляемых писателю его болезнью легких, о его непрерывной борьбе в последние годы за каплю воздуха, необходимого для поддержания жизни, говорит и Анна Григорьевна в дополнении к своим *Воспоминаниям*:

«...его легкие всё менее и менее могли вбирать в себя необходимый для него воздух, и, даже сидя у себя дома, он иногда до того задыхался, до того неистово кашлял, что, казалось, грудь его не выдержит такого напряжения, и последует катастрофа»⁶⁸.

Еще в конце 1879 года двоюродный брат Анны Григорьевны, доктор М. Н. Сниткин, сообщил ей, на её настойчивые вопросы, правду о здоровье её мужа. Доктор сказал ей, что болезнь сделала злоешие успехи и что в своем теперешнем состоянии эмфизема может угрожать жизни. Он также объяснил Анне Григорьевне, что мелкие сосуды легких стали так тонки и хрупки, что всегда предвидится возможность разрыва их от какого-нибудь физического напряжения и советовал ей оберегать Федора Михайловича от резких движений и от всякого рода волнений.

Анна Григорьевна рассказывает, как трудно было её мужу взбираться по лестницам петербургских домов, как пресекалось его дыхание, как он, совершенно задохнувшись, достигал наконец, через 20-25 минут, третьего или четвертого этажа и долго не мог отдышаться и вступить в разговор. Пишет она также, как несправедливы были критические замечания несведущих людей, обвинявших больного писателя, скрывавшего от всех свой тяжелый недуг, в мрачности, гордости и неразговорчивости.

В свете этих замечаний как самого писателя, так и его жены и врача, становится ясным, какое огромное значение играли поездки в Эмс. Не лишена правдоподобия мысль, что только благодаря помощи целебных эмских источников Достоевский оказался в состоянии осуществить свой величайший творческий замысел и подарить миру такое произведение как «Братья Карамазовы».

БАД ЭМС И ЭМССКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ ДОСТОЕВСКОГО

Что же представляет собою Бад Эмс, сыгравший такую важную роль в жизни одного из величайших русских писателей и вошедший в историю русской литературы? Бад Эмс — один из старейших бальнеологических курортов Германии, в самом центре земли Рейнланд-Пфальц, знаменит своими целебными источниками, расположенными по обе стороны реки Лан, в нескольких километрах от её впадения в Рейн. Воды эмских источников, температура которых достигает 55°C , применяются при лечении астмы, дыхательных органов, аллергии, а также при сердечно-сосудистых заболеваниях и при нарушении нормальной деятельности кровообращения. Красивое местоположение в узкой долине реки Лан, чистый горный воздух и лесистая местность делают Бад Эмс также живописным климатическим курортом, издавна привлекающим круглый год людей, жаждущих покоя и отдыха.

Первые следы поселений на месте сегодняшнего Эмса восходят к 500 году до Р. Х. Римляне, появившиеся на берегах Рейна незадолго до начала нашего летосчисления, нашли смешанное кельто-германское население. Часть укреплений, построенных римлянами в I веке нашей эры для охраны северной границы своей империи, проходила через территорию Эмса. Лишь в конце IV века после Р. Х. римляне были вытеснены из этой области германскими племенами.

Целебные свойства минеральных источников Эмса были известны уже римлянам. Раскопки открыли здесь не только небольшую римскую крепость, но и термы. Согласно легенде, Агриппина, супруга римского полководца Германика, подарила жизнь будущему императору римскому Калигуле после купаний в эмских минеральных водах.

В XI веке покровителем одной из церквей растущего поселения был избран Св. Мартин. Его изображение до сих пор сохраняется на городском гербе Эмса. В 1324 году кайзер Людовик дарует Эмсу права города. Начиная с конца XV века

вблизи горячих минеральных источников возникают величественные лечебные купальни, возведенные графами Нассаускими. Значение Эмса еще более возрастает в XVI и XVII веках. В середине XVII века, в брошюрах с описанием болезней, которые исцеляются водами эмских источников, появляются первые рисунки видов курорта. Многие здания, сохранившиеся и по сей день, как, например, Дом четырех башен, были построены еще в конце XVII века.

Среди первых именитых гостей Бад Эмса следует назвать Иоганна Вольфганга Гёте, побывавшего здесь дважды — в 1772 и 1774 годах — и его друга швейцарского ученого Лафатера. В автобиографической книге «Поэзия и правда из моей жизни» («Dichtung und Wahrheit») Гёте говорит о своих впечатлениях от путешествия по рекам Лан и Рейн, предпринятого им в сопровождении Лафатера и Базедова. Исходным пунктом этого путешествия был Эмс.

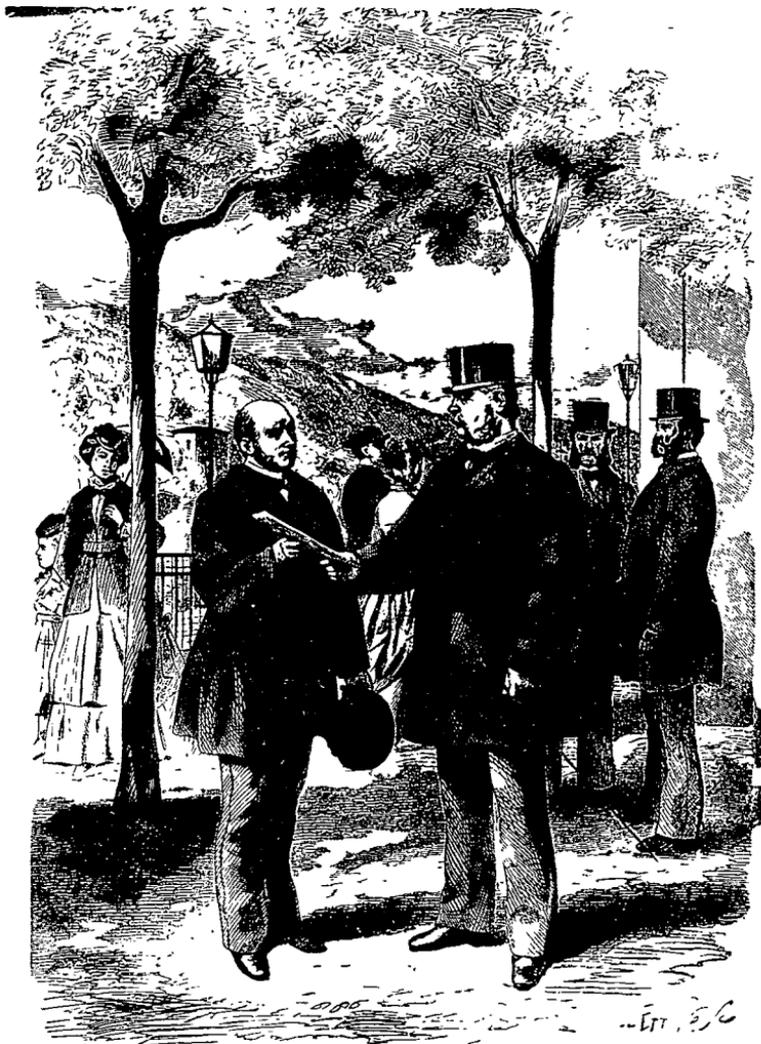
В 1839 году в Эмсе было закончено строительство нового Курзала, в котором поместился широко известный игорный дом. Слава эмского казино особенно возросла после закрытия в 1839 году игорных домов во Франкфурте, запрещенных законом. Так открылась самая блестящая страница истории жизни Эмса. Здесь побывали и Франц Лист, пианистка Клара Шуман, известная певица Генриэтта Зонтаг. В 1858 году правлением казино сюда был приглашен из Парижа на гастроль Жак Оффенбах со своей группой. На протяжении нескольких лет Оффенбах регулярно давал в Эмсе концерты, ставил спектакли. Здесь им была написана оперетта «Орфей в аду». В списках посетителей Эмса, прибывавших сюда на лечение, можно найти такие имена как Карл Мария Вебер, Теодор Фонтане, Арним и Беттина фон Брентано, Рихард Вагнер и Федор Достоевский. «Братья Карамазовы» и «Лоэнгрин» частично были созданы в Эмсе.

Расцвету эмской курортной жизни в 70-х—80-х годах немало способствовало пребывание в нем прусского короля, а с 1871 года кайзера Вильгельма I. Ежегодно — с 1867 по 1887 год император Вильгельм проводил три-четыре недели в своем любимом месте отдыха и жил в восточном крыле

Кургауса. В настоящее время в этих помещениях находится курортное управление Эмса. Бад Эмс стал в те годы местом встречи европейских монархов: здесь неоднократно бывал русский царь Александр II с семьей, а также короли Швеции, Норвегии, Дании, Греции, Бельгии и Сербии, румынская королева, кронпринц Фридрих, ставший позднее кайзером Фридрихом II, и многие другие представители европейской знати. Частым гостем Эмса был и Бисмарк — его именем названа променада над рекой Лан и башня. Происшедшая 13-го июля 1870 года на променаде в Эмсе встреча и состоявшаяся во время этой встречи беседа между королем Вильгельмом и французским послом Бенедетти, изложенная в несколько искаженном виде Бисмарком и известная как шумевшая «Эмсская депеша», послужила предлогом для франко-прусской войны 1870-71 годов.

Годы пребывания Достоевского в Эмсе совпали с блестящим, но шумным периодом истории курорта. В свой первый приезд, в 1874 году, Достоевский впервые встретил императора Вильгельма в парке 15-го (27-го) июня. Вот как он описывает эту встречу жене:

«Вчера вечером, на гулянье, в первый раз встретил императора Вильгельма: высокого роста, важного вида старик. Здесь все встают (и дамы) снимают шляпы и кланяются; он же никому не кланяется, иногда лишь махнет рукой. Наш царь, напротив, всем здесь кланялся и немцы очень это ценили. Мне рассказывали, что и немцы и русские (особенно дамы высшего нашего света) так и норовили чтоб как нибудь попасться на дороге царю и перед ним присесть. Русских было тогда в Эмсе еще больше, теперь же главный русский beau monde уехал. Вильгельм шел разговаривая с одной девицей, а мать ее и отец следовали в двух шагах сзади. Девушка с лица похожа на горничную, крупные молодые чарты, но очень недурна, немка, из grand monde. Одеты великолепно мать и дочь. Дойдя до места император с ними простился а они обе присели важно, по придворному, и гордые и осчастливленные, уехали в великолепной коляске. Сзади в 10 шагах,

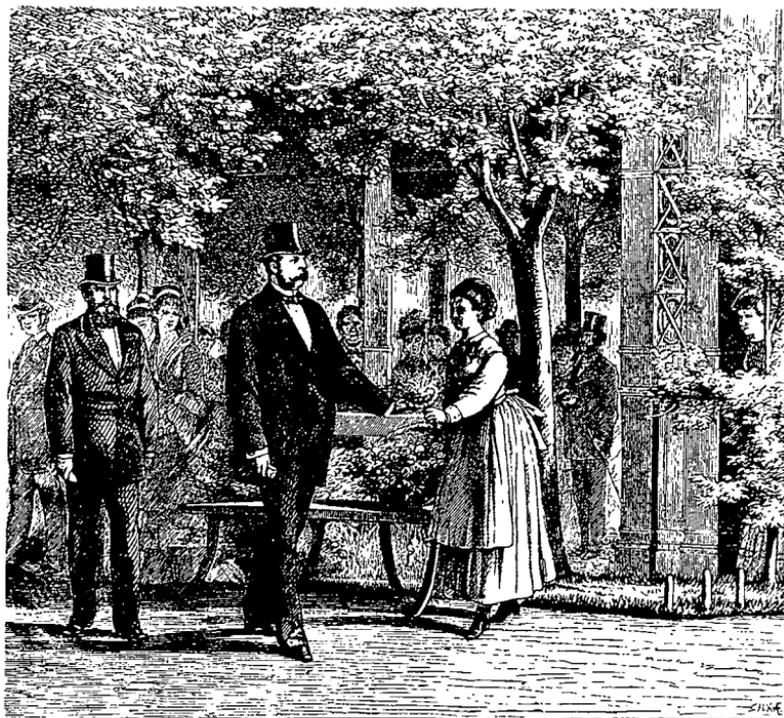

Король Вильгельм и граф Бенедетти на прогулке в Эмсе. С оригинала в. л. н.

Прусский король Вильгельм и французский посол Бенедетти на Променадe в Эмсе 13 июля 1870 года.

пока шел Вильгельм с девицей, валила (буквально) толпа всех здешних дам, иные все в кружевах, как на бале. То-то должно быть завидовали!»⁶⁹

Русского царя, императора Александра II, Достоевский уже не застал. Александр II был частым гостем Эмса. В 1870 году он провел здесь целый месяц, лечась водами, в обществе своего друга и дяди, короля Вильгельма прусского. На следующий год Александр II опять предпринял поездку в Эмс. Изображение встречи царской семьи на вокзале в Эмсе до сих пор хранится в городском архиве. В 1875 году русский император снова прибыл в Эмс для обычного лечения водами. Дядя — император Вильгельм также приехал сюда на-

Император Александр II на Променаде в Эмсе.

вестить племянника. В этот год Достоевский приехал в Эмс накануне отъезда императора Александра II. 29-го мая (10 июня) 1875 года в первом письме из Эмса Достоевский пишет жене:

«Государь сегодня должен отсюда уехать, мне так и не удалось увидеть его. Император Вильгельм приехал. Вчера всё играла музыка под его окнами. В саду публики множество, все нахалы и франты и множество хорошеньких дам, всех национальностей»⁷⁰.

В этот приезд Достоевский часто встречает императора Вильгельма на водах и в парке:

«Он очень прост и мил, красивый старик 80 лет, а кажется не более 60. Одевается по штатски щеголем. В толпе сидела раз дама с стаканом, высокая и худая, лет 30, в

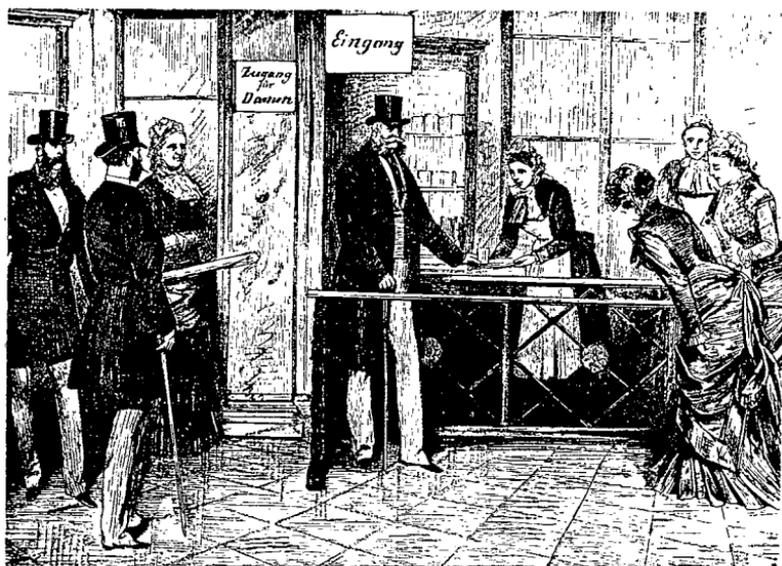

Встреча императора Александра II на вокзале в Эмсе в 1871 году. Встречают императрица Мария Александровна, уже находившаяся в Эмсе с тремя детьми и свитой и проживавшая в «Доме четырех башен», рейхсканцлер Бисмарк, граф Шувалов, граф Сэн-Валлье и барон фон Убриль. Кронпринц Фридрих Вильгельм выходит из вагона. Гравюра на дереве 1871 года.

черной очень измятой шали, и в черном простейшем платье. Вдруг к ней подходит император, как к знакомой, поговорил с ней почти четверть часа, и прощаясь снял ей шляпу и подал руку, которую та пожала как самому простейшему смертному, совершенно без особого этикетного реверанса. Это была какая-то герцогиня, из владетельного прежде роду, и богачка. А между тем казалась в толпе простушкой, и наши русские, светские шлюхи должно быть проходя посматривали на нее с пренебрежением, а тут вдруг все разинули рты»⁷¹.

Последней фразой Достоевский особенно ярко выражает свое неодобрение отношений между людьми, основанных на классовых предрассудках.

Отзывы Достоевского об Эмсе полны крайностей, доходящих иногда до курьезов. Первое впечатление было чрезвычайно сильным. Писатель, по словам его жены, любивший и понимавший природу и первым обративший её внимание на изу-

Кайзер Вильгельм у источника Кренхен.

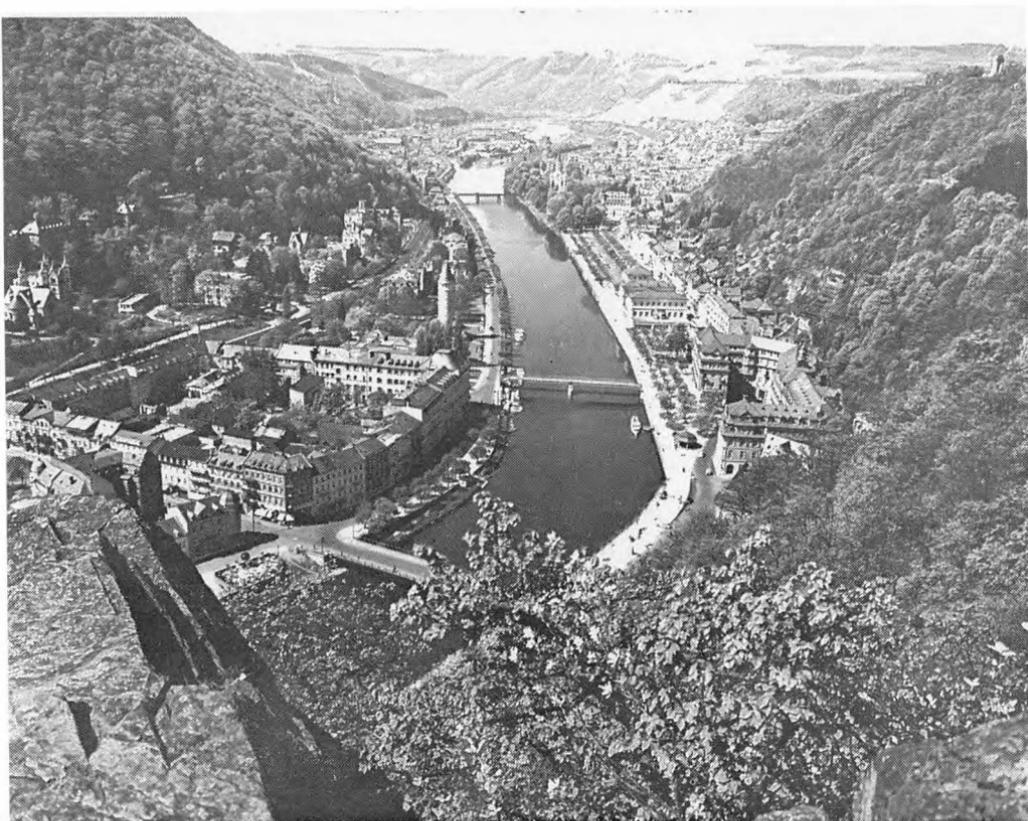
мительный вид Новгорода, открывавшийся с палубы парохода, идущего по Волхову, во время их совместной поездки в Старую Руссу, и здесь сразу почувствовал красоту местности. В первом письме из Эмса, 15-го (27) июня 1874 года, Достоевский восторженно отзываясь о местоположении курорта. Сначала он пишет об отъезде из Берлина: «Наконец отправились в 10 часов вечера в Эмс. Здесь ночи темные как зимой. В эту ночь не спал несколько сидели мы как сельди в боченке, но когда стало рассветать — Аня, милая, ничего я в жизни не видал подобного!» Далее Достоевский дает обстоятельное описание этого изумительного рейнского ландшафта:

«Что Швейцария, что Вартбург (помнишь?) сравнительно с этой последней половиной дороги до Эмса. Всё что представить можно обольстительного, нежного, фантастического в пейзаже, самом очаровательном в мире; холмы, горы, замки, города как Марбург, Лимбург с прелестными башнями в изумительном сочетании гор и долин — ничего еще я не видал в этом роде и так мы ехали до самого Эмса в жаркое, сияющее от солнца утро. Эмс совершенно в ином роде. Вчерашний же день был очарователен. Эмс это городок в глубоком ущельи высоких холмов — этак сажень по двести и более высоты, поросших лесом. К скалам (самым живописным в мире) прислонен городок, состоящий по настоящему из двух только набережных реки, (не широкой) а шире негде и строиться ибо давят горы. Есть променады и сады — и все прелестно. Местоположением я очарован, но говорят что это самое местоположение, в дождь или в хмурое небо, переменяется в мрачное и тоскливое до того что способно в здоровом человеке родит меланхолию»⁷².

Свое мнение о красоте эмсского ландшафта Достоевский не изменит до конца, он умеет видеть эту красоту даже сквозь свою тоску и одиночество, особенно одолевавшие его в последний приезд в Эмс в 1879 году. В это пребывание Достоевский много ходит — по 8 верст в день, но прогулкам мешает плохая погода, часто льет дождь, больного писателя

Общий вид

Бад Эмса

раздражает страшная сырость. Но как только проглядывает солнце — всё меняется: «Ах голубчик мой, — пишет он Анне Григорьевне, — ландшафт здесь восхитительный»⁷³.

Так же восторженно Достоевский описывает и поездку в замок Штольценфельс, стоящий на берегу Рейна напротив устья реки Лан. Пригласила его поехать туда княжна Наталия Петровна Шаликова, сестра жены Каткова, писательница, публиковавшая свои повести под псевдонимом Е. Нарская. В 60-х—70-х годах она была сотрудницей «Русского Вестника». Достоевский встречался с ней у Каткова. Узнав о приезде Достоевского в Эмс, она принялась отыскивать его и наконец застала его дома в субботу 23-го июня (5-го июля).

В воскресенье, в третьем часу дня княжна Шаликова прислала за писателем ехать с её дамской компанией в Штольценфельс. Хотя Достоевский и был «очень дурно настроен», но всё же поехал, так как дал слово. Ехать надо было сначала четверть часа поездом до городка Нидерланштейн, за-

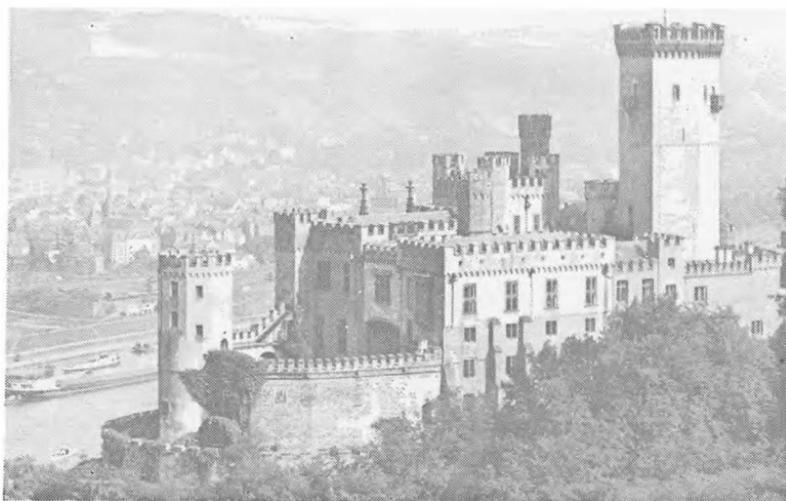
Переправа через Рейн у Нидерланштейна к замку Штольценфельс.

тем паромом на другой берег Рейна. Этот же способ сообщения с замком существует и поныне.

Достоевский приводит и исторические сведения об этом замке, в какой-то мере связывая его и с русской историей. На следующий день после прогулки Достоевский пишет:

«Видь удивительный. Замок по другую сторону Рейна, куда перевоз на лодке. Это старый замок средних веков, но лет 25 тому назад, развалины (хорошо впрочем сохранившиеся) были реставрированы заново для нашей покойной императрицы Александры Федоровны, которая здесь несколько времени прожила. Мы осмотрели весь замок, гуляли, пили кофей — любовались заходящим солнцем на Рейне, который очень хорош»⁷⁴.

В дальнейшем всю внешнюю жизнь — пейзаж, погоду, события, людей и свое к ним отношение — Достоевский будет воспринимать сквозь призму своего внутреннего состояния, обусловленного оторванностью от семьи, вынужденным следованием режиму, противоположному его годами сложив-

Замок Штольценфельс на Рейне.

шейся привычке работать по ночам, и вечными заботами о деньгах и о будущем своих детей.

В только что опубликованных ленинградским библиографом С. Беловым отрывках из до сих пор ненапечатанных страниц Воспоминаний Анны Григорьевны Достоевской за 1881 год, находим объяснение тоски писателя, сказавшейся на всех его впечатлениях от его пребывания в Эмсе в разлуке с семьей. Материальная обеспеченность пришла к семье писателя только после его смерти, в результате предпринятого полного издания его сочинений. Жена писателя скорбит, что её муж при жизни так и не смог воспользоваться плодами своих трудов. Она пишет:

«С сердечной болью вспоминала я тогда, как горевал Федор Михайлович каждое лето, отправляясь в Эмс и не имея средств взять с собою семью, как тосковал он о нас и писал, что ему в каторге было легче, чем жить в Эмсе одному, когда он беспокоится и тоскует обо мне и об детях.

Многое было бы иначе в его и нашей общей с ним жизни, если бы благосостояние пришло на несколько лет ранее, ещё при жизни мужа»⁷⁵.

Эти слова Анны Григорьевны подтверждаются многочисленными высказываниями Федора Михайловича в его письмах из Эмса. Так 10-го (22) июня 1875 года он пишет: «Беспокоюсь ужасно, потому что один. Хоть я и дома, в Руссе, сидел один, но знал, по крайней мере что в другой комнате детки». В письме от 9-го (21-го) июля 1876 года находит выражение подобное же чувство: «Я прожил вчера вечером очень тяжелые минуты. Мне ужасно всегда оставаться одному. Пока в дороге — еще не было так больно, а теперь как уже живу без вас, один, — очень тяжело». Слова из письма от 15-го (27-го) июля 1876 года полностью совпадают с мыслями его жены: лечение «непременно пошло бы на лад, еслиб мы приехали сюда с тобой вместе, т. е. еслиб только это было возможно. Без тебя я не могу оставаться подолгу, это положительно». И наконец 21-го июля (2-го августа) 1876 года Федор Михайлович пишет: «Я, мой ангел, замечаю

что становлюсь как бы больше к вам всем приклеенным и решительно не могу уже теперь, как прежде, выносить с вами разлуки». Шутя, он пишет жене, что она может обратить этот факт в свою пользу и *поработить* его еще более, чем прежде, но чем больше она «поработит» его, тем он будет счастливее. «Je ne demande pas mieux» — заключает писатель, высказывая в этой шуточной фразе чрезвычайно важную истину. Его семья — любящая, преданная жена-друг и помощница и дети — земное воплощение идеала чистоты и невинности, — стала для писателя в мире непрерывного столкновения противоположных сознаний, борьбы интересов, человеческой отчужденности и индифферентизма, островком счастья, любви, взаимопонимания и взаимной преданности, которые он так долго искал и наконец обрел под конец жизни. Боязнь потерять достигнутое счастье, страх за своих любимых, страх перед неведомой силой, могущей в одно мгновение нанести непоправимый удар, доминирует над всеми другими чувствами писателя.

Анна Григорьевна права в своем объяснении тоски, охватывающей Федора Михайловича каждый раз, как только он вынужден был разлучаться с семьей, и его раздражительности, окрашивающей все его впечатления от окружающей жизни. Во время своих предписанных врачом прогулок по эмсскому парку, полному прекрасных цветов, писатель встречал супружеские пары, мирно прогуливавшиеся по променаде часто в сопровождении своих детей. Вероятно, невольно ему приходила на ум мысль: почему же он, известный всей России писатель, не может позволить себе того же — гулять в парке вместе со своей семьей и любоваться на веселые личики своих горячо любимых детей. Почему же именно ему, так много страдавшему и за себя и за других страждущих и обиженных, почему именно ему так несправедливо отказано в таком простом, тихом человеческом удовольствии? Если бы его любимые могли приехать в Эмс с ним, тогда, по всей вероятности, и курсы лечения были бы успешнее, и окружающая жизнь казалась бы более привлекательной, и обеды были бы вкуснее. Не было бы ежедневных тягостных ожиданий момента

открытия почтамта, не было бы излишних волнений, и мысли писателя не отвлекались бы попусту от задуманных произведений, вечная забота о том, что в данный момент происходит с его близкими, не мешала бы ему работать. Для его состояния характерны строки из письма от 21-го июля (2-го августа) 1876 года:

«Голубчик мой, я всё еще не принимался за работу, и клянусь тебе, Аня, отчасти виною ты: все об тебе думаю, мечтаю, жду твоих писем, — и не работается. В такой тоске, в которой я пробыл 19-е можно-ли было работать?»⁷⁶

Всё восприятие прекрасного пейзажа проникнуто глубокой грустью. Во второй приезд, в 1875 году, однажды вечером (6-го/18-го июня) Достоевский «ушел бродить за город, места хорошие, но грустные. Здесь теперь очень много цветов». Обилие цветов не только на клумбах парков и в садах, их продают во множестве прямо на улицах. Но Достоевский их не покупает — ему некому дарить их — его «царица и владычица», которую, как он пишет в 1879 году, он непомерно любит, не с ним, а далеко, в тихой Старой Руссе.

Отсюда повышенная чувствительность писателя, его раздражение против всего, что портит жизнь, выявляет низменные свойства человеческой природы, нарушает гармонию отношений между людьми.

Мнение Достоевского о самом городе, то есть о коммерческих предприятиях и пестрой интернациональной курортной публике — отрицательное. Его раздражает обычай торговцев, характерный для большинства курортов и по сей день, брать за всё втридорога и, пользуясь стечением народа и вынужденной необходимостью, наживать барыши на имущих и на неимущих. Он негодует по самым пустяжным поводам — ему надо было купить помады после ванны и француженка в магазине запросила с него 2 талера. От торговался — она уступила за один талер, что показывает, что продавая и за половину запрошенной цены, она всё же получала свой барыш. Поиски шляпы также приводят к самым резким выводам:

«Магазины подлейшие. Хотел было купить шляпу, нашел только один магазинишка, где товар вроде как у нас на толкучем. И всё это выставлено с гордостью, цены непомерные, а купцы рыло воротят»⁷⁷.

Не нравится ему и превращение всех частных домов в так называемые «приват-отели». Достоевский останавливается на этом факте, объясняя жене, что лет пять тому назад Эмс мало значил, но теперь, когда вдруг его прославили и стали в него съезжаться со всей Европы, всякий домохозяин догадался, что ему надо делать: все дома переладдили и перестроили в отели. Далее он останавливается на отличии этих «приват-отелей» от «настоящих нормальных» отелей, которых в Эмсе всего домов 10. Писатель упускает из виду тот факт, что дело здесь не только в предпринимательской инициативе владельцев частных домов и их желании получить барыш: таким образом тысячам курортников, среди которых было немало тяжело больных людей, была дана возможность провести в Эмсе положенный срок лечения — комнат, по-видимому, хватало на всех. По расчетам самого Достоевского, во время его второго пребывания, в Эмсе было 5 тысяч курортников, в последующее — в 1876 году — он говорит о 6-ти и даже 8-тысячной толпе и, наконец, в 1879 году он называет огромную цифру в 11¹/₂ тысяч человек⁷⁸.

Для всех высказываний Достоевского о его путешествиях и о его пребывании в Эмсе характерна нелюбовь к массовому скоплению людей, к толпе, в которой теряется личность человека, стираются его индивидуальные черты и он превращается в один из «винтиков», в безличное существо, «насекомое» так ненавидимого писателем человеческого муравейника. Резко критикуя толпу, Достоевский однако делит всю эту массу людей на две категории — на больных, ждущих как и он сам, исцеления от эмских вод, и на праздных людей, не знающих, чем им заняться и что им с собою делать. В первом же письме, в 1874 году, Достоевский пишет: «В заключение об Эмсе — здесь давка, публика со всего мира, костюмы и блеск...» Далее, рассказывая жене о своем первом дне питья вод, Достоевский пишет, что погода в это

утро была ужасная, дождь лил как из ведра и ему пришлось занять зонтик у хозяйки, чтобы добежать до источника. О публике, собравшейся у источников, он отзывался очень не-лестно:

«Там уж был весь сброд. Весь Эмс просыпается в 6 часов утра (я тоже) и тысячи 2 пьющих все уже толпятся в половине седьмого у двух источников: Кренхен и Кессельбруннен... Каждый пьющий должен купить себе здесь стакан на весь сезон, на котором черточками обозначено число унций в стакане»⁷⁹.

Его раздражает, что у балюстрады, где разливают воду в стаканы, люди толкаются, теснятся, протягивают свои стаканы из-за спины других и даже кладут свою руку со стаканом на плечо впереди стоящего, «даже хоть на даму». Достоевский даже прочитывал наставления немцам и упрекал их в не деликатности. В седьмом письме, от 5-го (17-го) июля 1874 года, Достоевский сообщает:

«Вид публики для меня несносен. Я до того стал раздражителен, что (особенно рано утром) на каждого в этой беспорядочной толпе, которая теснится у Кренхена, смотрю как на личного врага моего и может быть рад бы был ссоре. Говорят это тоже действие вод (тем более что в другие часы дня я гораздо лучше), но мне то не легче»⁸⁰.

Разъясняется здесь же и смысл его сравнения пребывания на лечении в Эмсе с каторгой: «Веришь ли я иногда мысленно сравниваю: где мне было лучше: здесь или в каторге? И всегда решаю, буквально (и вполне беспристрастно) что в каторге все таки было лучше, *покойнее*: не так я волновался, раздражался, не так был мнителен». Во время лечения в Эмсе Достоевский стал жертвой неразрешимого противоречия — для успешного лечения требовалось жить растительной жизнью, однако замысел нового романа и необходимость писания этого романа побуждали его к непрерывной интенсивной умственной работе. Выхода из этого противоречия не было, что и объясняет повышенную раздражимость писателя.

Как видно из приведенных высказываний, письма Достоевского во время всех четырех сезонов, проведенных им в Эмсе, пестрят порицаниями «толпы», причем в это понятие Достоевский включает людей всех слоев общества — от самых высокопоставленных титулованных лиц до обыкновенных смертных. Все эти «толпы публики» («множество русского говору, но более всего немцев») сосредоточены у источников, в парке и в саду Курзала. Достоевский сурово судит этих людей, считая, что многие из них приехали в Эмс неизвестно для чего «и вообще все эти люди делают неизвестно что, ездят неизвестно зачем»⁸¹. Писателя раздражает говорливость и пустая амбиция людей, их грубость и невнимательность. Достается не только немцам — не щадит он и русских, к которым относится с особой придирчивостью. Именно здесь, в Эмсе, наблюдая русских, Достоевский делает резкое замечание: осудив немецкую публику, он пишет:

«Русских здесь на половину, про них и говорить нечего; всегда грустно смотреть на русских толкающихся за границей; бессодержательность, пустота, праздность и самодовольство во всех возможных отношениях. Не глядел бы на них, но здесь и гулять негде: или толкись на пространстве, весьма тесном для такой публики, или уходи в горы, но дальше, потому что ближайшие тропинки все полны»⁸².

Уйти дальше в горы Достоевский не может, так как его затрудненное дыхание не позволяет ему взбираться по горным тропинкам и он вынужден толочься среди толпы, где «русские может еще хуже немцев»⁸³.

Следует отметить одну характерную черту, свойственную критике Достоевского: часто, критикуя недостатки людей, он обозначает их национальным признаком, что неоднократно подавало повод обвинять Достоевского в неприязни к другим народам. Внимательное чтение его писем показывает однако, что это скорее особая манера обозначения по более типичному, обобщающему признаку, чем отрицательное отношение к народу как таковому. В то же время Достоевский умеет видеть в людях любой национальности положительные черты. Сравнивая манеру вести себя в людном месте русских

дам и немок, Достоевский отдает предпочтение немкам, отмечая отсутствие у них неестественности и желания казаться, за что он особенно критикует русских дам. С чувством благодарности рассказывает Достоевский в своих письмах, как о нем заботились немцы — его попутчики по дороге из Петербурга в Берлин:

«Товарищи — все немцы, народ превежливый и преласковый, все купцы, все об деньгах и о процентах, и не понимаю только чем я им показался, но все просто ухаживали за мной и относились ко мне почти с почтением. Они-то и дали мне поспать, выдвинув для меня подушки вагона и проч.»⁸⁴.

Аналогично и сообщение от июля 1879 года: также во время пути из Петербурга в Берлин, продолжавшегося в те времена почти двое суток, попутчики, видя в нем слабого, больного человека, просто, по-человечески хотели помочь ему и их забота очень трогала Достоевского:

«Когда пересели на немецкую дорогу рекомендовался мне один еврей доктор, из Петербурга, лет 50 (друг Тицнера, служит в Максимилиановской лечебнице едет в Висбаден от ревматизма) — очень меня развлекал дорогою и служил мне переводчиком с немцами. Но особенно заботился об нас один колоссального роста пожилой немец, укладывал меня спать и оберегал от мошенничества кельнеров на станциях»⁸⁵.

Особого упоминания заслуживает уважение, с каким Достоевский говорит об умении немцев работать, его сочувствие к трудящемуся человеку. Выше уже говорилось о симпатии, которую вызвали в нем его хозяева из отеля «Люцерн», всё делавшие сами, а также умение вести хозяйство и забота о нем владелицы отеля «Ажир», госпожи Бах. Еще будучи постояльцем отеля «Фюрст Блюхер», Достоевский также подчеркивал, что хозяйка *сама* стряпает кушанье» а ее 17-летняя дочка, «хорошенькая собой и получившая некоторое воспитание, скромная и невинная носит иногда ко мне обед и чай *сама* и даже прибирает и моет в доме». Здесь Достоевский заметил и тяжелый труд служанки Мины, которая «ра-

ботает как вол и получает жалованья, с Марта по Октябрь, всего 7 талеров, т. е. по талеру в месяц», и главный её заработок — случайный, чаевые от постояльцев. Она так же, как и ее хозяйка, точно и исправно выполняет взятые на себя обязательства.

Умеет Достоевский и заводить знакомства и общаться с людьми. Так в первый приезд знакомых у него был сперва только один молодой немец, с которым он ехал в одном вагоне из Берлина. Писатель, которого тронуло, как нежно молодой человек прощался со своей женой на вокзале в Берлине, говорит о нем с симпатией, встречается с ним и в Эмсе на водах и дружески беседует с ним по-немецки. Более критически отзываясь Достоевский о поэте Константине Константиновиче Случевском, которого коротко обозначает: «литератор, служит в цензуре, редактирует иллюстрацию» (т. е. «Иллюстрированную неделю»): «Это — характер петербургский, светский человек как все цензора, с претензиями на высшее общество, малопонимающий во всем, довольно добродушный и довольно самолюбивый»⁸⁶. В то же время Достоевский ценит порядочные манеры Случевского и беседует с ним при встречах. Случевский показал ему на гулянье и всех «здешних русских», которых в те времена бывало в Эмсе множество. Однажды Случевский, прогуливавшийся с одним русским семейством, пригласил Достоевского совершить с ними прогулку в горы. Характеристика, данная Достоевским главе семейства — «очень собой недурной даме» с зубами «как перлы», — убийственна. Вот как он рассказывает жене в письме об этой прогулке:

«Дама — директриса института в Новочеркасске лет сорока, а кажется 25, с ней дочка-молчанка, лет 15, но очень хорошенькая. При них же родственник или знакомый, довольно оригинальный и несколько смешной человек. Мы сделали прогулку, по сырой дороге, недалеко в горы, до первого ресторана, отдохнули, выпили Maуtrank и ушли назад. Эта барыня навела на меня такую тоску, что я буду теперь решительно бегать от всех русских. Дура, каких свет не производил. Космополитка и атеистка, обожает

царя но презирает отечество... Болтушка и спрощица. Я сказал ей прямо, что она несносна и ничего не понимает, разумеется смеясь и светским образом, но очень серьезно. Расстались мы вежливо, но уже никогда не встречусь с ними. А ночью у меня был даже кошмар»⁸⁷.

В одном из писем Достоевский объясняет жене, почему ему скучно всякое новое знакомство, всякое новое лицо: он не может не чувствовать насколько он выше окружающей среды, насколько его устремления разнятся с интересами обыкновенных людей:

«Что их веселит, то мне скучно, разговоры их, мысли их — для меня бесцветны и мелки, тон их — низок, образование совершенно ничтожное, самостоятельности никакой, за то чванство и грубые выходки»⁸⁸.

В то же время он отдает себе отчет в том, каким его видят другие, порицаемые им люди, собирающиеся у источников. С чувством юмора он пишет Анне Григорьевне: «И вообще я считаюсь (я слышал это) между некоторыми пьющими немцами очень *желчным русским* — и как ты думаешь, главное за то, что не даю обливаться водой и сверх того не даю класть себе сзади, на мое плечо или спину, руку с статуэточкой...» Критикуя особенно своих соотечественников, он тут же добавляет: «Есть впрочем и порядочные русские».

Кроме Случевского, Достоевский встречается в первый приезд с Михаилом Егоровичем Кублицким, писавшим по вопросам театра и музыки и бывшим регулярным посетителем Эмса, с Адрианом Андреевичем Штакеншнейдером, братом Елены Андреевны Штакеншнейдер, друга Достоевского, а также с княжной Шаликовой. Со Штакеншнейдером, бывшим в то время прокурором в харьковском окружном суде, и его молоденькой женой Достоевский часто встречается, советуется с ними по многим вопросам практической жизни и дорожит их мнением. «Он по моему прекрасный и преспростодушный человек»⁸⁹, пишет Достоевский. Мнения этого он не изменил и впоследствии. По свидетельству Анны Григорьевны, с Адрианом Андреевичем, как с талантливым юристом, До-

стоевский советовался, во время работы над романом «Братья Карамазовы», о порядках судебного мира.

«Ему Федор Михайлович обязан тем, что в «Братьях Карамазовых» все подробности процесса Мити Карамазова были до того точны, что самый злостный критик (а таких было немало) не смог бы найти каких-либо упущений или неточностей»⁹⁰.

Редко о ком Достоевский отзывается с такой симпатией и уважением как о княжне Шаликовой. Из первого описания ее наружности явствует, что Достоевский встречал или видел её раньше у Каткова: узнав, что писатель находился в Эмсе, она отыскивала его уже целую неделю:

«Вчера она сама наконец пришла ко мне утром: ужасно постарела и поседела (кажется на вид лет 50), больна, кашляет но добрая и милая девица»⁹¹.

Она тоже видела его когда-то у Каткова, но, по-видимому, боялась ошибиться и не узнать его сразу на улице. Жившая с ней в Эмсе знакомая дама говорила княжне, когда та отыскивала Достоевского в парке во время концерта: «Всматривайтесь, и чуть найдете человека с самым глубоким взглядом, таким какого ни у кого нет, то смело подходите, это он». Достоевский сообщает жене это мнение о нем как забавный анекдот.

Хотя княжне Шаликовой в 1874 году было не более 48 лет, Достоевский всегда называет её старушкой. Он пишет жене:

«Но Княжна-старушка мне решительно нравится: просто-душие, наивность, правдивость и редкая почти детская веселость. Маленькая, седенькая, одетая слишком скромно, но чрезвычайно хорошего тона в высшем смысле слова. Всю то Европу она искрестила, везде была, все первейшие писатели английские и французские с ней знакомы лично. Но главное в ней чувствительность которая даже и намешка и самая ясная веселость»⁹².

Видимо эта симпатия, а также интерес каждого больного человека к своему здоровью, побудили Достоевского внимательно выслушать советы княжны и всей сопровождавшей его в замок Штольценфельс «дамской компании». При встречах

с княжной, он рассказывает ей про свое самое дорогое — про своих деток, он даже читает ей выдержки из писем Анны Григорьевны, как рассказ об мужике и Феде, на что княжна Шаликова «разахалась от восторга». По всему тону писем Достоевского видно, что беседы с княжной доставляли ему удовольствие и утешали его в разлуке с семьей. Он искренне сожалеет, что эта «прелестная, хотя отчасти и комическая старенькая старушка, слишком чувствительная, слишком восторженная, но и истинно добрая» уехала из Эмса через неделю после их встречи. Княжна Шаликова просила писателя познакомить ее зимой в Петербурге с Анной Григорьевной: «Это будет хорошо, потому что она совсем нескучная», комментирует Достоевский эту просьбу.

В третий приезд Достоевский встречается с супругами Елисеями, но не сходится с ними так, как с молодыми Штакеншнейдерами и княжной Шаликовой. Г. З. Елисеева, известного журналиста и обозревателя «внутренних дел» в «Отечественных Записках», Достоевский характеризует как старого «отрицателя», который ничему не верит и на все вопросы и споры смотрит свысока. Не вызывает у писателя симпатии и жена Елисеева, «из разряда новых 'передовых' женщин, отрицательниц»⁹³. Во время второго пребывания Достоевского в Эмсе, там в это время находились: граф Егор Евграфович Комаровский, славянофил и близкий друг Ивана Киреевского, поэт и критик князь Петр Андреевич Вяземский и историк Дмитрий Иванович Иловайский. Достоевский не был с ними лично знаком и не выражал желания познакомиться. В четвертый приезд, в 1879 году, как и раньше, большое скопление людей приводит Достоевского в уныние:

«Мне же здесь до *последней крайности* скучно и противно.

Огромная толпа, пасмурная погода, а сегодня так всю ночь и весь день дождь. Сiju в глубоком уединении»⁹⁴.

Сезон уже кончается, русских мало; Достоевский жалуется жене, что не встретил ни единого знакомого, ему не с кем обменяться словом. В середине августа он пишет:

«Завтра останется ровно 2 недели моему здешнему *молчанию*, ибо это не уединение только, а молчание. Я совсем

разучился говорить, говорю даже сам с собой, как сумасшедший»⁹⁵.

Замечание это интересно своей парадоксальностью: ранее, встречая знакомых, Достоевский в большинстве случаев тяготился общением с ними и зачастую даже избегал встреч и разговоров. Теперь же полное одиночество среди чужих наводит на него еще бóльшую тоску.

Но скука и уныние не мешают Достоевскому видеть жизнь вокруг себя. Как истый старожил города, он замечает, в 1879 году, перемены, происшедшие за три года его отсутствия, и сообщает Анне Григорьевне:

«Кстати в Эмсе много новых построек, выстроили новых 2 моста через Лан»⁹⁶.

Действительно, раньше в Эмсе было только два моста — Курбрюкке (Kurbrücke), построенный в 1854 году и бывший сначала крытым мостом, и Банхофсбрюкке (Вокзальный мост — Bahnhofsbrücke), построенный в 1860 году, ведущий от вокзала в центр курорта. Теперь же появились Ремибрюкке и Кайзербрюкке (Remybrücke u. Kaiserbrücke), этот последний построенный в 1878 году, ведет от Дома четырех башен прямо на левую сторону Лана к аллее имени императора Вильгельма, к русской церкви.

Странно, что в своих письмах 1876 года Достоевский ни словом не упоминает об открытии в Эмсе новой русской церкви, которая до сих пор является одной из достопримечательностей города и представляет неотъемлемую часть общего вида курорта. Возможно, что Достоевский и писал об этой церкви в каком-нибудь неопубликованном или утерянном письме. Эта церковь с её пятью куполами и девятью золотыми крестами была построена в память скончавшейся в 1860 году императрицы Александры Федоровны, супруги императора Николая I, до перехода в православие принцессы Шарлотты, дочери короля прусского Фридриха-Вильгельма и королевы Луизы, — сестры кайзера Вильгельма I.

Большой наплыв русских в Эмс уже давно вызвал необходимость в русской церкви. В 1857 году в Эмсе образовался комитет по постройке русской церкви. Императрица Алексан-

Русская церковь св. великомученицы Александры в Бад Эмсе.

дра Федоровна, за год до смерти вновь посетившая Эмс, взяла комитет под свое покровительство и внесла две тысячи талеров. Однако сбор средств занял более продолжительное время, чем предполагалось. В 1863 году, с помощью королевы Вюртембергской, урожденной великой княжны Ольги, для русских прихожан была устроена православная церковь в одном из залов Каргауса. Частые приезды в Бад Эмс императора Александра II, сына Александры Федоровны, вызвали к жизни, в 1873 году, новый комитет, состоящий преимущественно из русских, которому от имени императора было передано 10 тысяч талеров. Этот дар императора, а также добровольные взносы курортников и средства, поступившие из России, позволили ускорить строительство церкви. Свою скромную лепту внес и Достоевский, так в июне 1875 года он сообщает жене, что пожертвовал 3 талера на русскую церковь и талер на глухонемых. 14-го мая (2-го мая старого стиля) 1876 года состоялось освящение новой церкви, совершенное главою Святейшего Синода Русской Православной Церкви, митрополитом Новгородским и Петербургским Исидором. В центре алтаря находится замечательное изображение Воскресения Христова кисти выдающегося русского живописца Василия Васильевича Верещагина, известного главным образом своими картинами военных сцен. С правой стороны алтаря находится икона с изображением великомученицы Александры. Шесть колоколов для этой церкви были привезены из Москвы.

В своих письмах из Эмса Достоевский неоднократно говорит о своем посещении церковной службы, не упоминая однако места совершения богослужения. Довольно часто говорит он и об эмском священнике. Первое упоминание о священнике содержится в пятом письме из Эмса от 1874 года, через две с половиной недели по приезде. Отзывается о нем Достоевский чрезвычайно нелицезно. Сообщая, что «Сюда приезжает по понедельникам Висбаденский поп Тачалов», Достоевский обвиняет его в хвастовстве, будто бы это он обращает старокатоликов в православную веру, и в том, что он «срамит нашу церковь своим невежеством перед иностранцами»⁹⁷. Здесь

чувствуется огорчение писателя по поводу возможной дискредитации некоторыми её недостойными служителями русской православной церкви, которую Достоевский ставил выше всего, искренне веруя, что именно Русская Церковь как одухотворяемое Божественной силой учреждение призвано объединить людей во взаимной любви и понимании как первого условия их будущего общественного устройства.

Достоевский и в дальнейшем не изменяет своего отрицательного мнения о священнике Тачалове, с которым он, по-видимому, неоднократно встречается и беседует. В одном из писем Достоевский с досадой пишет, что Тачалов напомнил ему о проигранном пари и потребовал, чтобы Достоевский внес 25 талеров в Славянский комитет. Сумма эта была для Достоевского значительной, но он решил непременно внести,

Образ Воскресения Христа в алтаре русской церкви в Эмсе письма В. Верещагина и образ свт. вмц. Александры.

тут же выругав священника. Нужно отметить, что нелестные отзывы об эмсском священнике резко контрастируют с мнением писателя о священнике Старой Руссы отце Иоанне Румянцеве, которому он никогда не забывает посылать поклоны из Эмса. В 1875 году Достоевский сразу же по приезде встречается с Тачаловым. 4-го (16) июня он сообщает, что «был в Духов день в русской церкви, народу много, больше чем я ожидал, но все Бог знает кто»⁹⁸. Писатель очень неодобрительно отзывается о поведении русских, особенно дам, в церкви: дамы «жеманничают, садятся на стульях и падают в обморок», хотя многие из них без труда пропляшут на бале всю ночь. В письме от 21-го июля (2-го августа) 1876 года Достоевский сообщает жене, что пошел к обедне, хотя чувствовал себя очень плохо, у него было сильное головокружение. Эта обедня служилась Тачаловым уже в новой, только что освященной церкви. О разговорах писателя со священником и об участии его в эмсских русских церковных делах свидетельствует рассказ о том, как Елисейев хотел склонить Тачалова отслужить молебен за успех черногорского оружия, так как только что была получена телеграмма о большом сражении и победе черногорцев. Тачалов уклонился от этого под предлогом, что известие о победе еще недостаточно подтвердилось и вместо молебна сделал, как советовал ему Достоевский — предложил всем русским подписаться на славян. При этом он посетил Достоевского в его отеле, написал воззвание, под которым и подписался первым, пожертвовав 15 марок. Вторым подписался Достоевский и тоже дал 15 марок. Достоевский добавляет, что воззвание пойдет теперь, через церковного сторожа, по всем русским. В свой последний приезд Достоевский более не упоминает о Тачалове.

Своим единственным развлечением во время пребывания в Эмсе, помимо чтения, Достоевский называет слушание музыки. Он неоднократно ходил слушать концерты в парке при Курзале. Отзывы его о произведениях, исполняемых во время этих концертов, колеблются между крайне отрицательными и самыми восторженными. С особым восторгом он отзывается о музыке Бетховена. В письме от 18-го (30) июля

1876 года он делится с Анной Григорьевной своими впечатлениями:

«Ангел мой, сегодня утром слышал увертюру из *Фиделио* Бетховена. Выше этого ничего не создавалось! Это в легко-грациозном роде, но с страстью, у Бетховена везде страсть и любовь. Это поэт любви, счастья и тоски любовной!»⁹⁹

Будучи в 1874 году по дороге в Эмс проездом в Берлине, Достоевский очень хотел съездить, по совету одного случайно встреченного в кондитерской молодого человека, в Театр Кроля только потому, что там давали оперу «Фиделио». Но за целый день хождения по Берлину он так устал, что вечером «так и свалился спать». Как свидетельствует Анна Григорьевна, во время пребывания в Дрездене в мае-июне 1867 года, супруги часто ходили на прогулку в парк *Grosser Garten*, где в те времена по вечерам играли духовые и симфонические оркестры. Анна Григорьевна пишет:

«Иногда программа концертов была серьезная. Не будучи знатоком музыки, муж мой очень любил музыкальные произведения Моцарта, Бетховена — «Фиделио», Мендельсона-Бартольди — «*Hochzeitsmarsch*», Россини — «*Air du sabat Mater*» и испытывал искреннее наследие, слушая любимые вещи. Произведений Рих. Вагнера Федор Михайлович совсем не любил»¹⁰⁰.

В 1875 году, жалуясь, что развлечений в Эмсе нет никаких, да если бы и были, он всё равно никуда бы не пошел, так как ему всё кажется, что он время теряет, Достоевский снова подтверждает, что музыка могла бы быть единственным развлечением. Но на этот раз и музыка не доставляет удовольствия: «и та испортилась», оркестр, играющий в саду Кургауса два раза в день, исполнял не то, что Достоевский хотел бы слушать:

«редко-редко играет что-нибудь интересное, а то все какое-нибудь попури, или «Марш немецкой славы» какой-нибудь, Штраус, Оффенбах и наконец даже *Ems-pastillen polka*, так что уж и не слушаешь»¹⁰¹.

Кроме того, слушать музыку мешает и густая, пятитысячная толпа. Когда же, наконец, вновь исполнили произведения его

любимого композитора, Достоевский делает специальную приписку к письму:

«Музыка сегодня исправилась (с погодой должно быть) играли две пьесы Бетховена — верх восхищения!»¹⁰²

И в последний приезд он также ходит слушать концерты в парке на открытом воздухе. Его отзыв о композиторах, исполнившихся летом 1879 года, свидетельствует об устойчивости его музыкальных вкусов:

«Музыка здесь хоть и хороша, но редко Бетховен, Моцарт, а всё Вагнер...»¹⁰³

О Вагнере же он отзывался очень неодобрительно. Другим развлечением Достоевского было чтение. Внимательное наблюдение над всеми явлениями русской жизни и всеми другими событиями, связанными с этой жизнью, объясняет настоятельную необходимость для Достоевского иметь всегда русские газеты. Достоевский был очень удивлен, не найдя в Курзале в первый день своего третьего приезда в Эмс ни одной русской газеты и тут же сообщает, что «прошлого года было 5 или 6 газет. Не знаю чему приписать. Впрочем схожу еще раз»¹⁰⁴. Отсутствие русских газет в этот день оказалось случайностью. Позже Достоевский сообщает, что в Курзале есть четыре русских газеты, но нет «Нового Времени». В письме к Всеволоду Сергеевичу Соловьеву Достоевский пишет, что в Курзале (или, как он иногда пишет «воксале») получают из русских газет «Московские Ведомости», «Инвалид», «Голос» и «Journal de St Petersburg». В четвертый приезд с неудовольствием сообщает, что из русских газет в Эмсе получают только три и что он читает «Московские Ведомости» и «Голос». Его отношение — «все скука».

Кроме газет, Достоевский читает и книги, для чего и подписался в Эмской Библиотеке, которую характеризует как «жалкую»; прежде всего взял читать роман Золя, «потому что ужасно пренебрегал за последние годы европейской литературой», и тут же выносит свое суждение:

«и представь себе: едва могу читать, такая гадость. А у нас кричат про Zola как про знаменитость, светило реализма»¹⁰⁵.

По мнению А. Долинина, Достоевский говорит здесь о третьем романе Золя из цикла Ругон-Макаров — «Чрево Парижа», вышедшем в 1873 году.

В то же время Достоевский по-иному реагирует на чтение произведений, созвучных ему по настроению и родственных по мысли его собственным произведениям, над которыми он в данное время работает. В первый приезд он с восторгом перечитывает Пушкина, во второй читает об Илье и Энохе и сопровождает это чтение комментарием «это прекрасно». Стиль библейского повествования об этих пророках сказался на поучениях странника Макара Долгорукого в романе «Под-росток». Впечатление же от с детства любимой Достоевским Книги Иова, которую он перечитывает в Эмсе, будет через несколько лет повторено старцем Зосимой.

ТВОРЧЕСТВО ДОСТОЕВСКОГО, СВЯЗАННОЕ С ЕГО ПРЕБЫВАНИЕМ В ЭМСЕ

Первое пребывание в Эмсе всецело связано с работой над романом «Подросток». Письма из Эмса к жене помогают проследить работу над планом романа и свидетельствуют, как тщательно Достоевский обдумывал свои произведения, как мучительно искал он подходящей формы для своего творческого замысла. Анализ отзывов самого писателя о его работе над планом и отдельными частями его последних романов дополняют известные нам факты его жизни, ту своеобразную документальную повесть, по выражению Л. М. Розенблюма, «герой которой — сам Достоевский, его страстная мысль, его неумолкающий спор с самим собой в поисках правды о человеке и человечестве, и его труд — каждодневный, подвижнический труд, без которого нет искусства»¹⁰⁶.

Как известно, внешним толчком к написанию романа послужило предложение Некрасова дать новый роман в журнал «Отечественные записки». Еще до этого, в начале 1874 года Достоевский принял решение оставить редактирование «Гражданина», потому что, как пишет Анна Григорьевна,

«Феодора Михайловича вновь потянуло к чисто-художественной работе. Новые идеи и типы зародились в мозгу его, и он чувствовал потребность воплотить их в новом произведении»¹⁰⁷.

Перед отъездом в Эмс Достоевский уведомил Некрасова, что принимает его предложение напечатать свой новый роман в «Отечественных записках» и получил от него аванс. Этот, по словам Анны Григорьевны, «довольно большой аванс» был быстро истрачен частью на уплату неотложных долгов, частью на настоятельно рекомендуемую врачами поездку в Эмс. Естественно, что во время пребывания в Эмсе Достоевский ни минуты не находится в спокойном состоянии духа — его заботит прежде всего план романа. По письмам из Эмса можно восстановить до некоторой степени авторскую историю

написания романа «Подросток», все волнения и мучения писателя в его поисках наиболее точного словесного выражения его идеи.

В первом же, чрезвычайно длинном письме из Эмса от 12/24 июня 1874 года, описывая установленный режим лечения: «Завтра встану в 6 часов и пойду пить воду, ложиться стало быть надо в 10 часов вечера», — Достоевский уже тревожится:

«Когда же писать роман — днем, при таком блеске и солнце, когда манит гулять и шумят улицы. Дай Бог только начать роман и наметать хоть чтонибудь. Начать это уже половина дела. Стало быть придется мне гораздо раньше воротиться к Вам»¹⁰⁸.

Это высказывание говорит о том, какое большое значение Достоевский придавал плану романа, его архитектонике, развитию и проявлению характеров своих героев. Последняя фраза показывает также, что творческие заботы доминируют над соображениями, касающимися здоровья.

Через четыре дня, в следующем письме (от 16/28-го июня 1874 года) Достоевский сообщает:

«до сих пор читал только Пушкина и упивался восторгом, каждый день нахожу чтонибудь новое. Но сам за то не могу еще ничего скомпоновать из романа»¹⁰⁹.

Это высказывание писателя чрезвычайно важно не только для генезиса идеи героя романа Аркадия Долгорукого, но и для методов сравнительного литературоведения. Перечитывание Пушкина в свете собственного нового замысла и фраза «каждый день нахожу чтонибудь новое» показывают, что Достоевский искал подтверждения своей идее и вдохновения на ее наилучшее выражение в произведениях своего любимого автора. Вместе с тем только с другом-женой он делится сомнениями в своей способности писать, навеянными тяжелым физическим состоянием, а также внешними обстоятельствами, крайне неблагоприятными для творческой работы: — «Боюсь не отбила ли у меня падучая не только память, но и воображение. Грустная мысль приходит в голову: Что если я уже не способен больше писать», — добавляет он в том же

письме. Но творческих сил еще так много, что Достоевский как бы бросает вызов судьбе: «А впрочем посмотрим». Через несколько строк, в которых он описывает курортников и свои с ними встречи, Достоевский опять возвращается к главной мучившей его мысли:

«Таким образом у меня тоска чрезвычайная. Не понимаю как проживу здесь месяц. Авось чтонибудь скомпоную и сяду работать»¹¹⁰.

Он действительно садится работать и через семь дней, 23-го июня (5-го июля) пишет, что начал работать, но увы! только еще над планом «да и тот не дается». Мешает «скука житья нестерпимая» и тоска, от которой он не знает куда деваться. На следующий день (24-го июня) опять сообщает о трудностях работы:

«Аня, работа моя туго подвигается и я мучусь над планом. Обилие плана — вот главный недостаток. Когда рассмотрел его в целом, то вижу что в нем соединилось 4 романа. Страхов всегда видел в этом мой недостаток. Но еще время есть. Авось управлюсь. Главное план, а работа самая легче. Аня, голубчик, главная работа моя, разумеется и во всяком случае, будет осенью»¹¹¹.

А. С. Долинин разъясняет в комментариях к *Письмам Достоевского*, что под этими четырьмя романами следует понимать четыре сюжета, которые, по мнению Долинина, и в законченном романе «недостаточно крепко между собою объединены, точно 4 отдельных романа: линия подростка, линия Верилова и две линии обеих сестер подростка»¹¹².

В девятом письме из Эмса, от 14-го (26-го) июля, Достоевский впервые кратко сообщает, что работа пошла успешнее. Он, видно, так захвачен своим замыслом, что даже не хочет говорить об этом, чтобы не нарушить хода своих мыслей:

«Дома же очень работаю над планом, об этом ничего не пишу. Но если выйдет план удачный, то работа пойдет как по маслу. То-то как бы вышел удачный план! А выйдет ли?»¹¹³

Однако и тут примешивается забота — не встретят ли его мнения возражений со стороны радикально настроенной ре-

дакции «Отечественных записок»? Необходимость заниматься в какой-то мере самоцензурой приводит писателя в отчаяние. Он делится с женой своими сомнениями: «Но одна идея что От. Записки не решатся напечатать иных моих мнений, отнимает почти у меня руки». По всей вероятности, эти раздумья связаны с намерением ввести в роман кружок Долгушина, ставшего в окончательном тексте Дергачевым, в значительно более широком значении. Это предположение подтверждается сопоставлением, сделанным А. С. Долининым, некоторых записей Достоевского с датой процесса Долгушина¹¹⁴. Дело долгушинцев слушалось в Сенате с 9-го по 15 июля 1874 года и подробные отчеты печатались во всех крупных газетах, в том числе и в «Московских ведомостях» и в «Голосе», которые получались в Эмсе и которые Достоевский там внимательно читал. Это же подтверждает и его первое письмо, написанное из Старой Руссы по возвращении из Эмса. Письмо, написанное 11-го августа, адресовано В. Ф. Пуцыковичу, с которым Достоевский виделся в Петербурге проездом из Эмса домой. Достоевский напоминает Пуцыковичу о его обещании, данном две недели назад, собрать по газетам материал о процессе Долгушина. Достоевский разъясняет: «№№ эти мне капитально нужны для того литературного дела, которым я теперь занят»¹¹⁵. Это показывает, что проходя по аллеям эмского парка, Достоевский непрерывно думал о деле Долгушина, сопоставляя его с другими явлениями русской общественной жизни, и намеревался высказать о нем свое суждение, учитывая также реакцию различных общественных кругов. Забота о том, как перебороть внешние обстоятельства и донести свою мысль до читателя, доводят Достоевского до припадка эпилепсии, случившегося в следующую же ночь, по его собственному объяснению «может быть отчасти и от беспокойства».

Несмотря на слабость после припадка, Достоевский продолжает работать, хотя «работой» он называет самый процесс писания романа по уже готовому плану, что видно из следующих строк десятого письма:

«Заботы, Аня, лежат впереди! За работу надо садиться, а я всё еще над планом сижу. Стал ужасно на этот счет мнительен. Как бы только удачно начать!»¹¹⁶

Его заботит слабость и понизившаяся, вследствие болезненного состояния, трудоспособность: «голова долго уж выносить не может, как прежде бывало». И всё же он надеется, что падучая оставит его хотя в первые месяцы работы, и он сможет выполнить свое обещание, данное Некрасову, — сдать первую часть романа в срок.

Наконец, вопреки всем трудностям, кое-что достигнуто. В 11-ом, предпоследнем письме из Эмса (от 17/29-го июля 1874 года) сообщается, что «кое что составил в плане, но и сам не знаю доволен или нет»¹¹⁷. Через три дня, в последнем письме — от 20-го июля (1-го августа), подводится итог сделанному в Эмсе:

«Приготовил я здесь 2 плана романов и не знаю на который решиться. Если в Августе вполне устроимся, то в конце Августа примусь писать, и знаешь-ли о чем я думаю: Хватит ли сил и здоровья для таких каторжных занятий, какие я задавал себе до сих пор. А что вышло: романы оканчивал, а здоровье все таки, в целом, расстроил. Если здоровье будет такое-же как в первую половину прошлой зимы, то будет не совсем хорошо для работы»¹¹⁸.

В настоящее время, благодаря опубликованию в 1965 году творческих рукописей писателя в 77-ом томе *Литературного Наследства*, полностью посвященного работе Достоевского над романом «Подросток», можно установить, что же именно было написано в Эмсе, то есть в период между 11-ым июня и 27-ым июля 1874 года. Первые наброски были сделаны еще в Петербурге и в Старой Руссе. Далее разрабатывается мысль о «хищном типе», о его *широкости* и раздвоенности — способности одновременно совершать добрые и злые поступки, быть во власти порочных мыслей и искать очищения. В записи, помеченной словом «Эмс», то есть сделанной в середине июня 1874 года, читаем:

«Думать о *хищном типе*. Как можно более сознания во зле. Знаю, что зло, и раскаиваюсь, но делаю рядом с велики-

ми порывами. Можно так: *две деятельности в одно и то же время...*¹¹⁹

В Эмсе записана важная мысль, дающая представление о характере общей методологии Достоевского и о его концепции претворения впечатлений и мыслей писателя в художественное произведение:

*«Чтобы написать роман, надо запастись прежде всего одним или несколькими сильными впечатлениями, пережитыми сердцем автора действительно. В этом дело поэта. Из этого впечатления развивается тема, план, стройное целое. Тут дело уже художника, хотя художник и поэт помогают друг другу и в том и в другом — в обоих случаях»*¹²⁰.

В Эмсе сделаны также записи о главной идее романа: *«Главное. Во всем идея разложения, ибо все врозь и никаких не остается связей не только в русском семействе, но даже просто между людьми. Даже дети врозь. Разложение — главная видимая мысль романа»*¹²¹.

Некоторые записи точно датированы, например три даты обозначены двумя цифрами — одной нового стиля и второй старого, что явно указывает на то, что эти записи были сделаны вне России. Чрезвычайно важная запись, указывающая на основное содержание романа, помечена датой 23/11 июля: *«ГЕРОЙ не ОН, а МАЛЬЧИК»*¹²². Тут уж появляется и будущее название романа — ПОДРОСТОК. В записи от 24/12 июля развивается «главная идея» подростка — статья Ротшильдом. Причем тут же намечено, что подросток проговорится Ему (т. е. будущему Версилу) о своей идее тогда, «когда он сам начинает несколько в свою идею не верить»¹²³. Третья точно датированная запись — от 18/30 июля. Здесь некоторые фразы прямо могут быть сопоставлены с эпизодами из эмсской жизни писателя, о которой он рассказывает в письмах к жене. Например, фраза, взятая в кавычки: *«Ищите человека с самым глубоким взглядом и смело подходите, — это он»*¹²⁴, слово в слово повторяет совет приятельницы княжны Шаликовой, данный ей, как найти Достоевского в толпе эмсских курортников. Короткая запись: *«Эль-*

пидифорова (Александрова). *Космополитка*. История как она сломала челюсть»¹²⁵, резюмирует историю директрисы института в Новочеркасске, которой действительно дантист в Париже «сломал челюсть», когда она неизвестно почему решила вырвать здоровый зуб. С этой дамой, «космополиткой и атеисткой», Достоевский чуть не поссорился во время совместной прогулки, предложенной поэтом Случевским. Впечатление от этой прогулки рассказано в письме к Анне Григорьевне от 16/28 июня 1874 года.

Непосредственные впечатления от пребывания в Эмсе отразились и в третьем периоде работы над сюжетом, то есть с 29-го октября (ст. стиля) 1874 года по 14-ое января 1875 года. В записях к первой части романа имеется довольно подробное изложение «легенды» о жизни княгини за границей, о её встрече там с Ним и о любовной истории ее падчерицы¹²⁶. Затем в записи от 13-го января 1875 года, под названием «Фабула» последовательно изложена история Лидии, падчерицы княгини. Достоевский помещает Лидию в Эмс, где происходит разрыв князя с ней. В Париже князь открывает княгине тайну своей связи с Лидией. «Княгиня быстро возвращается в Эмс, куда все переехали из (Италии) Швейцарии. Застает молодую особу влюбленной в Версилова. Княгиня противится свадьбе с Версильовым, пишет князю, тот же вдруг увлекся женой Колосова. Не отвечает. Наконец, положили было венчание, но Лидия вдруг родила недоноска двух месяцев и вдруг умерла. Потому не состоялась с Версильовым свадьба, что все вышло нечаянно. Князь воротился; Версильов сказал ему подлеца. Князь вызвал. Версильов не захотел. Князь дал публично пощечину (беспорядок)»¹²⁷.

Более подробно эта же фабула развивается в записи, сделанной на следующий день, вернее в ночь с 13-го по 14-ое января, где название «Эмс» употребляется три раза. Таким образом, рождение ребенка и смерть Лидии, участие Версилова в Лидии, беременной от князя, намерение Версилова жениться на ней, а также сцена с пощечиной, полученной Версильовым от князя, — все эти события происходят в Эмсе. Возможно, что в Эмсе действительно произошла подобная история, о ко-

той Достоевский мог слышать от своих русских знакомых и которую он решил использовать в своем романе.

В окончательном тексте романа сведения о пощечине, данной Версилу молодым князем Сокольским, будут даны уже в самом начале романа, во второй главе I-ой части¹²⁸. Упоминается также о каком-то таинственном происшествии в Эмсе, о котором Аркадий хочет узнать у Крафта, бывшего в Эмсе во время занимавших Аркадия событий. Аркадий говорит:

«Крафт, послушайте. Марья Ивановна, которая, уверяю вас, многое мне открыла, сказала мне, что вы, и только один вы, могли бы передать истину о случившемся в Эмсе, полтора года назад, у Версилова с Ахмаковыми. Я вас ждал, как солнца, которое все у меня осветит. Вы не знаете моего положения, Крафт. Умоляю вас сказать мне всю правду. Я именно хочу знать, какой он человек, а теперь — теперь больше, чем когда-нибудь это надо!»¹²⁹

В окончательном тексте романа рассказ Крафта повторяет, в основном, историю, изложенную в черновых записях. Весь эпизод происходит в Эмсе, где участвующие в нем лица проживают длительное время. Генерал Ахмаков, муж Катерины Ивановны, «в Эмсе проживал для своей дочери, от первого брака», так как она страдала «расстройством груди» и лечилась водами эмских источников. Там же, в Эмсе, произошли и роды; ребенка тайно принимал, по сведениям, данным Стебельковым, врач Гранц, из эмского предместья, по-видимому, не имевший прав на практику. Этого неизвестного врача рекомендовал Версилу Стебельков «для мрака неизвестности», то есть, чтобы дело не было предано огласке. После смерти Лидии, вызванной, по-видимому, отравлением фосфорными спичками, и произошла сцена, помещенная автором в сад эмского курзала:

«Но после похорон девицы молодой князь Сокольский, возвратившийся из Парижа в Эмс, дал Версилу пощечину публично в саду и тот не ответил вызовом; напротив, на другой же день явился на Променаде как ни в чем не бывало. Тут-то все от него и отвернулось, в Петербурге тоже»¹³⁰.

Эта «эмсская пощечина» и была причиной, заставившей Версилова домогаться выигрыша спорного дела о наследстве с князьями Сокольскими. Неотмщенное оскорбление, нанесенное Версилову, не дает покоя Аркадию. В разговоре с сестрой Лизой он вдруг заявляет о своем решении смыть оскорбление, нанесенное его отцу:

«... а все-таки я этого князька на дуэль вызову за пощечину Версилову в Эмсе. Если Версилов был прав с Ахмаковой, так тем паче»¹³¹.

При первой же встрече с князем Сергеем, происшедшей в присутствии старого князя Сокольского, Аркадий тут же сообщает, что он хотел вызвать Сергея Петровича на дуэль за оскорбление, нанесенное Версилову в Эмсе. Аркадий с удивлением слушает сообщение князя Сергея, сказавшего:

«Я именно и к князю приехал, чтоб ему сообщить об одном чрезвычайном обстоятельстве: три часа назад, то есть это ровно в то время, когда они составляли с адвокатом этот акт, явился ко мне уполномоченный Андрея Петровича и передал мне от него вызов... формальный вызов из-за истории в Эмсе...»¹³²

Тут же князь Сергей сообщает, что он тотчас принял вызов, но решил, до встречи на дуэли, послать письмо Версилову, где и изложил свой взгляд на свой поступок и выразил «раскаяние в этой ужасной ошибке», так как всё это была только «несчастливая, роковая ошибка». Аркадий полностью побежден простодушием князя и дружится с ним. Сообщением о начале этой дружбы и душевным разговором с сестрой Лизой, о связи которой с князем Сергеем Аркадий еще не знает, и заканчивается I-ая часть романа, вынашиваемая во время прогулок по аллеям эмсского парка.

Достоевский оказался прав в своих предположениях, высказанных в письме к Анне Григорьевне от 24-го июня 1874 года, что настоящая работа над романом еще впереди: по приезде в Старую Руссу в самом конце июля, он всё свое время посвящает писанию первой части. Работая по ночам, днем — от 2-х до 3-х часов — он диктует окончательный текст жене, иногда, прежде диктовки, прочитывая ей всю главу по руко-

писи; по окончании диктовки он всегда спрашивал мнение Анны Григорьевны о написанном. Эта первая часть и была вскоре напечатана в двух номерах журнала «Отечественные записки». 22-го января 1875 года вышла из печати первая, январская книга журнала с первыми пятью главами романа. 19-го февраля выходит в свет вторая книга журнала за 1875 год с остальными (6-10) главами первой части.

Положительный отзыв Некрасова о первой части романа был очень приятен Достоевскому. Какое значение придавал Достоевский в это время мнению Некрасова особенно хорошо видно из описания его впечатлений от встречи с Некрасовым, данного Анной Григорьевной. Она цитирует подлинные слова Некрасова так, как они были ей переданы Достоевским:

«С чувством сердечного удовлетворения сообщал мне муж в письмах 6-го и 9-го февраля о дружеской встрече с Некрасовым и о том, что тот пришел выразить свой восторг по прочтении конца первой части («Подросток») 'Всю ночь сидел, читал, до того завлекся, а в мои лета и с моим здоровьем не позволил бы этого себе'. 'И какая, батюшка, у вас свежесть'. (Ему всего более понравилась последняя сцена с Лизой.) 'Такой свежести в наши лета уже не бывает и нет ни у одного писателя. У Льва Толстого в последнем романе лишь повторение того, что я и прежде у него читал, только в прежнем лучше'. Сцену самоубийства и рассказ он находит 'верхом совершенства'...»^{1:33}

Продолжение романа «Подросток» печаталось затем в номерах журнала 4, 5, 9, 11 и 12-ом за 1875 год. Это означает, что 2-ая часть романа, писавшаяся зимой, в Старой Руссе, и первые записи к которой датированы 20-ым января 1875 года, увидела свет в апрельской и майской книгах «Отечественных записок». Третья же часть, первые записи к которой датированы 9-ым маем, то есть сделаны еще во время пребывания Достоевского в Старой Руссе и продолжают затем в Эмсе, о чем свидетельствуют специальные пометки, была опубликована уже после возвращения писателя из Эмса и является в значительной мере плодом его эмских размышлений.

Работа над этой частью романа была особенно мучительна. Письма Достоевского из Эмса, написанные в июне 1875 года, полны жалоб на невозможность продолжать работу. В первых письмах он сообщает, что пока только читает, за занятия еще не садился. Его волнует отсутствие его верной помощницы — Анны Григорьевны, которой он привык диктовать, а кроме того, как он сообщает в четвертом письме из Эмса, от 7/19-го июня, он «не готов прямо сесть и писать, не выделил плана в частности»¹³⁴. В то же время он знает, что 22-го или 23-го июня непременно надо начать писать уже начисто и успеть сделать план, иначе он ничего не успеет привезти в «Отечественные записки», и это отразится на материальном положении семьи. Работа же не идет, потому что, по объяснению автора, «план не сладился». Сознание неуспеха работы приводит его в ужас и вызывает боязнь припадка, что еще более усугубляет угнетенное состояние духа. В отчаянии он замечает:

«Нет, не так надо писать художественные произведения, не на заказ из под-палки, а имея время и волю»¹³⁵.

Он опасается, что в этой тоске он может испортить самую идею романа. Кроме того, его угнетают и отрицательные отзывы критиков о второй части: — «От меня, однако, решительно все отвернулись в литературе; я за ними не пойду. Даже *Journal de St Petersburg* похвалил-было Подростка, но вероятно кто нибудь дал приказ ругать, и вот в последнем № прочел что в окончании 2-й части все вяло et «il n'y a rien de saillant». — Мнение уже установлено и автор считает, что его роман уже «пропал»: «его погребут со всеми почестями под всеобщим презрением»¹³⁶.

В восьмом письме, от 18/30 июня, то есть почти через три недели после приезда в Эмс, он кратко сообщает:

«все стоит и не двигается, план только составил уже окончательный, а работа еще не начиналась. — Ни страницы не написано. Что со мною будет — понять не могу»¹³⁷.

Спустя месяц пребывания в Эмсе, Достоевский вынужден был написать письмо Некрасову, прося разрешения печатать третью часть «Подростка» не в августовской, а в сентябрьской

книге журнала. В письме к жене он добавляет, что за это обещал написать хорошо, так как «план вышел восхитительный и не даром я здесь над ним сидел»¹³⁸. Последнее сообщение о ходе работы над романом в десятом письме (от 23-го июня/5-го июля) еще пессимистичнее и показывает, как автор измучен поисками наилучшего воплощения своего замысла:

«...роман мой совсем не двигается и не пишется. Жду покой, когда то будет. А здесь до того тошно, до того тошно жить, что буду долго вспоминать этот адский месяц»¹³⁹.

Однако сопоставление с черновыми записями к роману показывает, что это второе пребывание в Эмсе было более продуктивным, чем казалось бы, судя только по письмам Достоевского оттуда. В первой записи, около которой стоит пометка «Эмс», разрабатывается тема светских успехов Екатерины Николаевны и отношения к ней Версилова. Начинается эта запись суждением подростка о происходящих событиях: «Я делал вид, что не вступаю в дела; но меня потрясли отдаленные известия о Катерине Николаевне»¹⁴⁰. Даты, которыми помечены некоторые дальнейшие записи, опять состоят из двух цифр, обозначающих число по старому и по новому стилю. Так у записи «Последний план» стоит дата 16/28 июня. Затем «Окончательный план» датирован 18/30 июня. Здесь разрабатывается эпизод смерти Макара Ивановича и его значение в формировании мирозерцания Аркадия: «Но главное всего: *воспоминание о Макаре*, колоссальная роль»¹⁴¹.

Здесь же, в Эмсе, Достоевский размышляет и делает записи о «психологическом развитии характера Версилова» и его идее самосовершенствования, об исповеди Версилова и о противоречивости его чувства к «ней». Намечается также содержание его бесед с подростком, например, под заголовком «Главнейшая из главнейших поправок в плане» сказано:

«Говорили же они только об *Илье и Энохе*, коммунизме, христианстве и о Макаре, а это черта. (О подвигах тоже)»¹⁴².

Как было отмечено выше, во время второго пребывания в Эмсе, Достоевский читал библейское повествование о проро-

ках Илье и Энохе, о чем и сообщил своей жене в пятом письме из Эмса, от 10/22-го июня¹⁴³. Это повествование неоднократно упоминается в черновых набросках к третьей части романа. Здесь же часто встречаются записи о благообразии и безобразии людей, понятие так много значившее для поисков Аркадием идеала человека. Возможно также, что грусть вечернего заката, которой пропитаны все размышления Версилова о том, «как будет жить человек без Бога и возможно ли это когданибудь», навеяна не только воспоминанием о любимой картине писателя «Ацис и Галатея» кисти Клода Лоррена, но и непосредственными эмскими впечатлениями Достоевского, вероятно, часто наблюдавшего со своего балкона закат солнца, когда узкая долина Лана, зажатая между гор, преждевременно погружается в полумрак, что придает своеобразную печальную красоту эмскому вечернему ландшафту.

Эмские размышления, многократные изменения в плане, поиски наиболее соответствующего воплощения двух таких противоположных образов, как странник Макар и интеллигент Версиров, получили свое завершение в конце августа 1875 года. В сопроводительном письме к первым трем главам третьей части романа на сентябрьскую книжку «Отечественных записок», Достоевский просит своего старого друга Алексея Николаевича Плещеева помочь ему:

«И вот что главное: нельзя ли какнибудь, чтоб ничего не выкидывали. У меня каждое лицо говорит своим языком и своими понятиями. Притом же «Странник» говорящий «от Писания» у меня говорит чрезвычайно осторожно, я сам держал цензуру каждого слова. Ради Бога, Алексей Николаевич, как можешь, помоги в чемнибудь хоть капельку»¹⁴⁴.

В начале ноября того же года Достоевский договаривается с петербургским издателем Платоном Евгениевичем Кехрибарджи о продаже ему права на первое издание «Подростка». В 1876 году, роман впервые вышел отдельной книгой в издании книгопродавца Кехрибарджи.

Эмское лето 1876 года заполнено подготовкой очередного выпуска «Дневника писателя».

Июньский выпуск «Дневника» заканчивался в большой спешке, в Старой Руссе, перед самым отъездом за границу. Достоевский задерживается на неделю в Петербурге — с 28-го июня до утра 6-го июля, даты его отъезда в Берлин, — чтобы просмотреть рукопись «Дневника» со своим метранпажем Михаилом Александровичем Александровым. В последнем письме из Старой Руссы, от 26-го июня 1876 года, Достоевский просит Александра вставить объявление, что «Следующий выпуск «Дневника писателя» появится 31-го Августа за Июль и за Август вместе, в двойном количестве листов»¹⁴⁵.

В июньском выпуске «Дневника» помещена статья-некролог, посвященная памяти Жорж Занд, скончавшейся 27-го мая (8-го июня) 1976 года. Статья эта — один из замечательных примеров так называемой «субъективной» литературной критики, когда восприятие произведений какого-либо писателя совпадает с мыслями и настроениями определенного периода жизни автора критического очерка. Последняя глава этого выпуска посвящена русской молодежи того времени, ищущей жизненного идеала, а также новой области достойного применения своим свежим силам и своим умственным способностям. Рассказывая о посещении его 18-летней девушкой, желавшей поехать в Сербию, чтобы ухаживать в лазарете за ранеными и больными и ждущей одобрения писателя, Достоевский с восхищением говорит об этой скромной девушке, готовой *на деле* отдать себя служению другим людям. Достоевский пишет по этому поводу:

«Тут потребность жертвы, дела, будто бы от нее именно ожидаемого, и убеждение, что нужно и должно начать самой, первой, и безо всяких отговорок, все то хорошее, чего ждешь и чего требуешь от других людей, — убеждение в высшей степени верное и нравственное, но, увы, всего чаще свойственное лишь отроческой чистоте и невинности»¹⁴⁶.

В этот год материальное благосостояние семьи Достоевских в значительной степени зависело от средств, получаемых по подписке за «Дневник писателя». Поэтому забота о своевременной сдаче в печать очередного выпуска была не только литературной, но и чисто насущной заботой об обеспечении семьи самым необходимым.

Обязав себя таким образом, Достоевский всё время пребывания в Эмсе на лечении находится опять под давлением необходимости писать, как можно скорее. Как обычно бывает в подобных случаях, работа не идет и это чрезвычайно тревожит больного писателя, вредя его лечению. Сетя на вынужденную разлуку с семьей и на свое одиночество, он пишет Анне Григорьевне:

«Многие мысли меня мучат, мучат буквально и ужасно. Главное то, что надо писать Дневник, а у меня и мыслей нет, и когда начну — не знаю, а Орт, когда я его спросил о литературных занятиях, положительно запретил их. Разумеется я его не послушаюсь, но вот уже 5 дней прошло, а я еще ничего не сделал»¹⁴⁷.

От волнения ухудшается здоровье, появляется горловая спазма, писатель начинает чувствовать приближение припадка эпилепсии. Его первая мысль — о том, что припадок лишит его на некоторое время работоспособности, а это отразится на положении семьи:

«Возможность припадка пугает меня, тогда что станет с 'Дневником', за который еще я не принимался? Да и напишу-ли еще что, потому что чувствую себя расстроенным и как то расслабившимся»¹⁴⁸.

Эти мучительные мысли не покидают Достоевского ни одной минуты. Это видно и из письма Достоевского молодому писателю Всеволоду Сергеевичу Соловьеву, его почитателю и биографу. Соловьев написал Достоевскому письмо, в котором с большой похвалой отзывается об июньском выпуске, а затем прислал и две свои статьи, опубликованные в газете «Новый Мир» и частично перепечатанные затем газетой «Новое Время», тоже отозвавшейся с большой похвалой об этом выпуске. Во втором письме Соловьев пишет, что июньский

«Дневник» производит сильнейшее впечатление на читателей и что он слышит со всех сторон хвалебные отзывы. Отвечая Соловьеву из Эмса 16/28-го июля, Достоевский говорит о своих опасениях по поводу следующего выпуска:

«Я обещал августовский Дневник в двойном числе листов, а между тем еще и не начинал, да и скука, апатия такая, что на предстоящее писание смотрю с отвращением, как на предстоящее несчастье. Предчувствую что выдет сквернейший № »¹⁴⁹.

Заботы о семье занимают все мысли писателя и отвлекают его от работы. Прошло уже две недели со дня его приезда, а он всё еще не принимался за работу. К тоске одиночества присоединяется тоска литературная. Приходя в отчаяние от того, что питье вод и предписанный врачом при этом режим — регулярный моцион, сон, прием пищи — почти совершенно не оставляют времени для работы над «Дневником», для которой он не может выкроить более двух часов в день (а написать надо минимум 2½ печатных листа), Достоевский пишет:

«Да и Дневник выходит такой дрянной, такой мизерный, а его, как нарочно, надо бы издать как можно щеголеватее, иначе капут! Одним словом Анька я в тоске, в литературной тоске. Да кроме того тоска об вас: не случилось ли с вами чего?»¹⁵⁰

Только в самые последние дни пребывания в Эмсе Достоевский серьезно садится за работу. 30 июля (11 августа) он пишет жене, что «хоть и тяжело работать, но работа все же сокращает время».

По приезде в Старую Руссу Достоевский опять интенсивно работает, отделявая написанное в Эмсе. 21-го августа он высылает из Старой Руссы М. А. Александрову начало третьей главы выпуска «Дневника» за июль-август, а через неделю, 29-го августа, уже последние страницы рукописи — главу четвертую, параграфы 3-ий, 4-ый и 5-ый. Таким образом, двойной выпуск «Дневника» вышел с опозданием всего на 2-3 дня, судя по цензурной дате — 2-го сентября — вместо обычной 30 или 31-го числа соответствующего

месяца. Именно в этом выпуске Достоевский описывает Бад Эмс, в соответствии со своим намерением, изложенным уже в письме к жене от 18/30-го июля, где он пишет:

«Думаю описать Эмс в 'Дневнике', но Дневник еще только составляю, а все еще не начинал и он ужасно меня беспокоит»¹⁵¹.

Сопоставление писем Достоевского к жене с этим выпуском «Дневника» показывает, что здесь, в несколько иной, журналистической, форме отразились многие впечатления писателя от его поездки, дорожных разговоров, наблюдений, сделанных во время пути и прогулок по аллеям эмсского парка, от бесед с лечащимися, как русскими так и немцами, а также его размышления над всем увиденным и пережитым.

Первый параграф июльско-августовского выпуска «Дневника» — «Выезд за границу. Нечто о русских в вагонах» — во многом дополняет первое письмо Достоевского из Берлина от 7/19-го июля 1876 года, где описываются разговоры в вагоне. В этом письме есть одно интересное замечание: прислушиваясь к разговорам своих попутчиков, Достоевский поражен ничтожеством их исключительно материальных интересов — они говорят только о гешефтах, процентах, да о «веселой жизни», то есть о развлечениях с камелиями. «Ни образования, ни высших каких нибудь интересов — ничего!» — горестно восклицает писатель и тут же выражает удивление по поводу успеха, каким пользуется у русских читателей его «Дневник». Он пишет:

«Я решительно не понимаю кто теперь может что нибудь читать и почему Дневник писателя еще имеет несколько тысяч покупателей?»¹⁵²

Писатель тут же добавляет, что, несмотря на полную погруженность в сферу практических дел и отсутствие каких-либо духовных запросов, «все таки эти немцы народ деликатный и ласковый». Здесь же Достоевский с юмором говорит о некоторых забавных чертах немецкого характера, например об излишней обстоятельности и точности. В третьем параграфе второй главы Достоевский описывает маленькое происшествие, уже рассказанное в письме к жене, как он, выйдя ночью

на одной станции походить по платформе, не мог найти своего вагона и как один пассажир подробно расспрашивал его, что он ищет, не зная, впрочем, где находился нужный Достоевскому вагон. Полностью приводится и аналогичный случай, бывший с Достоевскими в Дрездене девять лет назад при поисках Картинной галереи, о котором писатель только вскользь упоминает в письме к жене. Анна Григорьевна восстанавливает в своих *Воспоминаниях* весь эпизод с Королевской Картинной галереей, которую они никак не могли найти, как пример чрезмерной основательности немецкого ума¹⁵³.

Из «Дневника» узнаем, что переезд из Петербурга в Берлин «длинный, почти в двое суток», узнаем также и о путевых привычках писателя, бравшего с собой брошюры и газеты, чтобы избежать ненужных разговоров, главным образом, со своими же соотечественниками. Отзывы писателя о русских за границей, его замечания об их недоверчивости и заботе о том, что о них скажут или подумают иностранцы, во многом совпадают с описанием русских курортников и их поведения в Эмсе, сделанным в письмах к Анне Григорьевне. Эта довольно резкая критика некоторых типичных свойств русского характера свидетельствует об исключительной наблюдательности Достоевского, его способности проникать в психологию человека, о его склонности к обобщениям, а также об отсутствии у него особого пристрастия к какому-либо одному народу. Замечая неприятные свойства людей других наций, Достоевский, прежде всего, умеет видеть отрицательное в своих же соотечественниках.

Третий параграф второй главы «Дневника» — «Немцы и труд. Непостижимые фокусы. Об остроумии» — полностью посвящен описанию Эмса — «места блестящего и модного», где за лето перебивает до пятнадцати тысяч посетителей со всего света, среди которых «бездна русских». Дается подробное описание самых популярных в то время источников — Кренхен и Кессельбруннен, то есть тех самых, водами которых лечился Достоевский, — так же как и всей процедуры питья вод этих источников.

Следует обратить особое внимание на отзывы Достоевского о немцах в этом выпуске «Дневника». Многие страницы «Дневника», посвященные описанию Эмса, так же, как и письма Достоевского этого периода, разбивают предвзятое мнение о его «германофобии», основанное на поверхностном чтении некоторых высказываний писателя, без учета смысла этих высказываний и связи их с контекстом. Выше уже приводились положительные отзывы Достоевского о многих немцах, с которыми ему приходилось встречаться во время поездок в Эмс. С особой симпатией говорит Достоевский в «Дневнике» о скромных людях, жизнь которых проходит в постоянном труде — о служанках и владельцах небольших отелей, железнодорожных проводников, почтовых чиновниках, девушках, обслуживающих больных у источников. Именно в этом выпуске «Дневника» имеются замечательные высказывания Достоевского о труде, об умении немцев трудиться, их привычке к труду, их *победе над трудом*. Так Достоевский отмечает, что кондуктора на немецких железных дорогах «не только очень распорядительны, но и внимательны и любезны к пассажиру»¹⁵⁴; девушки, стоящие у балюстрады источников Кренхен и Кессельбруннен, — «приветливые, молодые и чисто одетые» — поражали писателя точностью исполнения своих обязанностей: они никогда не забывали сколько унций воды и сколько молока надо налить каждому пациенту и сколько стаканов воды полагается каждому из нескольких тысяч человек, которые в утренние часы перебивают у балюстрады источника. При этом всю работу девушки делают «в порядке, несуетливо, спокойно, методически и вас ни разу не задержат». Именно в работе этих девушек, которая вначале казалась ему непостижимым фокусом, Достоевский видит замечательный пример привычки к труду, усвоение работы с самого раннего детства и победу над трудом. В качестве другого яркого примера такого овладения своим делом и трудом Достоевский описывает работу служанки отеля, девушки девятнадцати лет, и эмских почтовых чиновников. Девушка работала буквально с утра до вечера; перечисляя все ее многочисленные обязан-

ности, Достоевский добавляет: «Заметьте, что в ней нет ничего приниженного, забитого: она весела, смела, здорова, имеет чрезвычайно довольный вид, при ненарушимом спокойствии»¹⁵⁵. Писатель заключает: «у нас так не работают», в Петербурге ни одна служанка не согласилась бы делать такую работу, да и не сделает так, «а сто раз забудет, прольет, не принесет, разобьет, ошибется, рассердится, 'нагрубит', а тут в целый месяц ни за что ровно нельзя было пожаловаться».

Почтамт играл первенствующую роль в жизни Достоевского в Эмсе. Писатель посещал почтамт ежедневно, а иногда и несколько раз в день. Он точнейшим образом высчитывал дни, которые требовалось для доставки писем из Старой Руссы в Эмс, и негодовал по поводу явной задержки писем на старорусском почтамте, еще не зная, что он был под полицейским надзором и переписка его контролировалась. Естественно, что особое внимание писателя привлекали почтовые чиновники, которые тихо и спокойно работали целыми днями, справляясь с огромным количеством клиентов, особенно во время сезона. Достоевский пишет:

«Надобно принять почту, отправить ее, тысяча человек приходит спрашивать *poste restante* или об чем-нибудь справиться. Для каждого-то он пересмотрит целые вороха писем, каждого выслушает, каждому-то выдаст справку, объяснение — и все это терпеливо, ласково, вежливо и в то же время с сохранением достоинства. Он из мелкой букашки человеком становится, а не обращается из человека в букашку»¹⁵⁶.

Как пример такого подлинно человеческого отношения к клиентам и желания как можно лучше выполнить свое дело Достоевский приводит случай, происшедший с ним:

«По приезде в Эмс, я долго не получал нетерпеливо ожидаемого мною письма — и каждый день справлялся в *poste restante*. В одно утро, возвратясь с питья воды, нахожу письмо это у себя на столе. Оно только что пришло, и чиновник, упомнивший мою фамилию, но не знавший, где я живу, нарочно справился о том в печатном листе о

приезжих, в котором обозначаются все прибывшие и где они остановились, и прислал мне письмо экстренно, несмотря на то, что оно адресовано было *poste restante* (до востребования) и все это единственно потому, что, накануне, когда я справлялся, он заметил чрезвычайное мое беспокойство»¹⁵⁷.

Об этом же случае Достоевский рассказывает в письме к Анне Григорьевне от 13/25-го июля 1876 года:

«Должно быть я имел очень отчаянный вид вчера на почте, потому что, представь себе, почтмейстер прислал мне твое письмо сам, на квартиру, узнав где я живу по Кур-листу адресов, в 10 ч. утра, только что пришла почта и когда почтмат был еще заперт для всей остальной публики. Какова любезность!»¹⁵⁸

В обоих случаях Достоевский заключает свой рассказ вопросом: «Ну, кто из наших чиновников так сделает?» Сравнивая работу немецких и русских чиновников и замечая, что русский чиновник «несравненно меньше часов сидит во дню за делом», писатель весьма нелестно отзывается о русских чиновниках, особенно о «сердитых и раздраженных», которые ежедневно имеют дело с клиентами, характеризуя их отношение к делу и публике следующим образом:

«Грубость, невнимательность, пренебрежение, враждебность к публике, потому только, что она публика, и главное — мелочное Юпитерство»¹⁵⁹.

С большим уважением говорит Достоевский и о двух собирателях пожертвований, людях «вида смиренного и терпеливого», которые приходят в отели ко всем приезжающим в Эмс и просят их дать что-нибудь — один на неимущих больных, которых оказывается в Эмсе не так уж мало и которых здесь не только лечат, но поят, кормят и содержат во время лечения на счет собранных средств, а другой — на «*blödige Kinder*». Писатель разъясняет, что эти «*blödige Kinder*» — маленькие идиоты, которых доставляют в Эмс в специальное заведение, — «маленькие несчастные существа, выброски из беднейших семейств»¹⁶⁰, никому не нужные. Но и тут всё же кто-то заботится о них, ходит по курортникам, несмотря

на то, что собирателя пожертвований случается даже и выгоняют некоторые особо блестящие курортники. Достоевский с болью говорит о том, как мало и неохотно дают на этих бедных, брошенных, несчастных маленьких существ иной «блестящий человек» или «великолепная дама», которые вылечиваются и получают здоровье благодаря именно здешним источникам и которым следовало бы «не то что в благодарность к месту, но хоть на память» оставить немного больше чем одну-две марки, обычно жертвуемых ими.

В этом выпуске «Дневника» нашла выражение горячая любовь Достоевского к детям. В параграфе «Детские секреты», в четвертой главе этого выпуска, Достоевский говорит об одном человеке, у которого

«есть одна самая неожиданная странность: он любит детей, любитель детей и именно маленьких, крошек, 'еще в ангельском чине'. Он любит до того, что бегаёт за ними. В Эмсе он даже стал этим известен. Всего более любил он гулять в аллеях, куда выносят или выводят детей. Он знакомился с ними, даже только с годовалыми, и достигал того, что многие из детей узнавали его, ждали его, усмехались ему, протягивали ему ручки. Немку-няньку он спросит непременно, сколько ребенку годков или месяцев, расхвалит его, похвалит косвенно и няньку, чем ей польстит. Одним словом, это в нем вроде страсти»¹⁶¹.

Сопоставив письма Достоевского с этим местом из «Дневника», нетрудно узнать в этом «странном человеке» самого писателя. Все письма Достоевского из Эмса полны выражениями любви к его детям — «ангельчикам Любе и Феде», за которых он безумно боится и о которых он ни минуты не перестает думать, видит их во сне, лихорадочно ждет о них известий от Анны Григорьевны, пишет ей, что известия о детях ему необходимы, умоляет ее сберечь их. Он входит во все подробности жизни детей, беспокоится, когда узнает, что нет возможности часто мыть детей в бане. Он думает не только о физическом благополучии детей — его заботит их душевное состояние, его беспокоит, что в воспитании его детей есть большой недостаток — у них нет своих знакомых,

маленьких подруг и товарищей их возраста. Он обращает внимание даже на то обстоятельство, что у Феди няня своя, а у Любы только *Федина*, боится, чтобы девочка не чувствовала себя обиженной и советует жене: «Наблюдай особенно Любу, так как она в тебе больше нуждается чем Федя»¹⁶². Он просит жену: «Ходи за Лилей и за её душой». О том, как внимательно он следил за духовным развитием своих детей свидетельствует фраза:

«они у нас чувствительные, но не экспансивно, а про себя, (что и дурно и хорошо) и наверно — оба поэты».

И тут же добавляет уже из своего опыта: «Это очень хорошо, если только писать не будут»¹⁶³. Наблюдая характер детей, писатель думал, что Лиля будет похожа на мать: «будет и добрая, и умная, и честная и в то же время *широкая*; а у Феди характер мой, мое простодушие»¹⁶⁴. Писатель думает и об умственном развитии своих детей; его заботит, что Федя, которому в 1879 году минуло восемь лет, еще не умеет читать в том возрасте, в котором сам Федор Михайлович уже читал кое-какие книжки. Думает он и о религиозном воспитании детей, просит жену, чтобы к его приезду дети выучили бы какую-нибудь молитву — «'Верую' например, Лиличка по крайней мере»¹⁶⁵.

В сердце писателя живет не только любовь к своим детям, он переносит ее на всех других детей: «чуть только услышу детский голос и у меня захолохнет на сердце»¹⁶⁶, пишет он жене в июле 1874 года. С трогательной нежностью говорит Достоевский о детях хозяев отеля «Люцерн», где он проживал в свой второй приезд в Эмс, девочке и мальчишке одного возраста с его детьми Лилей и Федей. Интерес к годовалым детям объясняется мыслями о его маленьком сыне Алеше: он пишет жене, что ему как-то особенно жалко этого маленького мальчика. Интуиция и тут не обманывает Достоевского: судьба готовит ему страшный удар — скорую потерю этого ребенка. В письме из Эмса от 18/30-го июля 1876 года Достоевский пишет, что, гуляя, останавливается около детей, любит ими, заговаривает с ними, в каждом годовалом ребенке воображает своего Лешу, беспокоится, узнает ли

мальчик его по возвращении домой. В последний приезд в Эмс, в 1879 году, через год после смерти мальчика, Достоевский пишет:

«Я все об Алеше думаю, здесь очень много таких как он с виду»¹⁶⁷.

Достоевский не может смотреть на детей хладнокровно, детский плач, где бы он его ни слышал, вызывает у него тоску и беспокойство. В черновых записях к роману «Подросток» есть характерная для Достоевского фраза: «Да и можно ли не любить детей»¹⁶⁸, связанная с раздумьями о положении детей в современном обществе. Умение Достоевского проникать во внутренний мир ребенка отмечено и Анной Григорьевной. Она пишет:

«Я ни прежде, ни потом не видала человека, который бы так умел, как мой муж, войти в мирозерцание детей и так их заинтересовать своею беседою»¹⁶⁹.

Также в воспоминаниях, относящихся к жизни семьи Достоевских в 1877 году:

«У мужа было какое-то особое умение разговаривать с детьми, войти в их интересы, приобрести доверие (и это даже с чужими, случайно встречавшимися детьми) и так заинтересовать ребенка, что тот мигом становился весел и послушен. Объясняю это его всегдашнюю любовь к маленьким детям, которая подсказывала ему, как в данных обстоятельствах следует поступать»¹⁷⁰.

Отношение Достоевского к детям лучше всего охарактеризовано им самим в письме к Анне Петровне Философовой: замечая, как хорошо, что у нее есть дети, Достоевский пишет, что дети «очеловечивают существование в высшем смысле. Детки — мука, но необходимы, без них нет цели жизни»¹⁷¹. Глубокой любовью к ребенку и состраданием к нему проникнуты строки о маленьком эмсском школьнике, которого родители не хотят лечить из экономии! В письме от 10/22-го августа 1879 года Достоевский пишет:

«Сегодня встречаю ребенка идущего в школу, в толпе других, 5 лет, идет, закрывает ладонями глаза и плачет. Спрашиваю что с ним и узнаю от прохожих немцев что у него

уже целый месяц воспаление в глазах (сильное мучение), а отец сапожник *не хочет свести его к доктору, чтоб не истратить несколько фенигов на лекарство. Это меня ужас как расстроило...*¹⁷²

Слезы этого мальчика не будут забыты — они вольются в общий поток слез невинных детей, вызвавший бунт Ивана Карамазова против мирового зла и несправедливости.

Наблюдения над эмскими школьниками отразились в «Дневнике писателя», где им уделено много места. Достоевский описывает, как каждое утро в аллеях парка, среди курортной публики, вдруг показывались целыми толпами дети, идущие в школу, одетые, прибранные, с бутербродами в руках и с ранчиками за плечами. Достоевский пишет: «Надо признаться, что действительно, эти толпы детей были хороши, особенно четырех, пяти, шестилетние, то-есть самые маленькие», и приходит к заключению:

«Вот где лучшее, вот где совершенство: эти толпы этих эмских детей, с бутербродами в руках и с ранчиками за плечами, идущих в школы...»¹⁷³

Об этих школьниках Достоевский будет писать своему сыну Феде в письме из Эмса от 7/19-го августа 1879 года:

«Здесь много мальчиков, ходят в школу, каждый день даже встречаю, иным лет по пяти всего, а уж учатся»¹⁷⁴.

Четвертый параграф четвертой главы этого выпуска «Дневника» — «Земля и дети» — посвящен размышлениям о необходимости такого устройства будущего, при котором у каждого фабричного работника будет сад и его дети будут родиться и расти в этом саду, а не в городских трущобах. Достоевский пишет:

«Тяжело деткам в наш век возрастать, сударь! ...Детки — ведь это будущее, а любишь ведь только будущее... Оттого и детей любишь больше всего...»¹⁷⁵

Достоевский развивает мысль, что дети людей должны родиться на земле, где хлеб и деревья растут, под золотым солнцем, а не на мостовой, — тогда не будет ужаса современного общества, когда десятилетние дети работают на фабри-

ках и живут среди грязи, копоты и разврата. Достоевский верит в это счастливое будущее и пишет:

«Одним словом, я не знаю как это все будет, но это сбудется, сад будет. Помяните мое слово хоть через сто лет, и вспомните, что я вам об этом в Эмсе, в искусственном саду и среди искусственных людей, толковал. Человечество обновится в Саду и Садам выправится — вот формула»¹⁷⁶.

Эта же мысль о необходимости близости человека к природе, сада и солнца для детей будет через три года высказана старцем Зосимом в его беседах с братией, в его указаниях на недопустимую жестокость по отношению к детям, с раннего возраста запертым в душных фабриках:

«Видал я на фабриках десятилетних даже детей: хилых, чахлых, согбленных и уже развратных. Душная палата, стучащая машина, весь Божий день работы, развратные слова и вино, вино, а то ли надо душе такого малого еще дитяти? Ему надо солнце, детские игры и всюду светлый пример и хоть каплю любви к нему. Да не будет же сего, иноки, да не будет истязания детей, восстаньте и проповедуйте сие скорее, скорее»¹⁷⁷.

Следует отметить, что над этой шестой книгой — «Русский инок» — Достоевский также работал в Бад Эмсе.

Эмское лето 1879 года целиком заполнено работой над центральными главами романа «Братья Карамазовы». Высказывания писателя о его работе можно разделить на три категории: в письмах к жене он сообщает преимущественно о ходе работы, о самом процессе писания, а также, как и в некоторых письмах к Н. А. Любимову, о порядке написания и публикации отдельных глав и эпизодов романа. В письмах к тому же Любимову, как и в письмах к К. П. Победоносцеву содержатся ценнейшие указания автора на внутреннюю связь и соотношение отдельных глав и книг романа и даются разъяснения важнейшим идеям, получившим воплощение в художественных образах романа.

На этот раз непосредственной связи с Эмсом содержание работы Достоевского не имеет, не так, как это было во время его предыдущих пребываний. Изменился в этот раз и самый

характер работы. Если в первые три пребывания в Эмсе Достоевский раздумывал над общим планом своих произведений и разрабатывал фабулу романа «Подросток» и содержание очередного выпуска «Дневника писателя», то теперь, в августе 1879 года, главная его работа заключается в *писании* важнейших глав романа и в отделивании окончательного текста. Но и в этот раз, как обычно в жизни Достоевского, опять за его плечами, в светлой комнате отеля «Алжир», выходящей своими двумя большими окнами на залитый солнцем Лан, стоит страх опоздать выслать работу к сроку. Фраза из письма, написанного еще в Берлине 22 июля (3-го августа) 1879 года — «Как приеду в Эмс сейчас начну писать Карамазовых, боюсь опоздаю выслать»¹⁷⁸ — определяет внутреннее состояние писателя и весь уклад его жизни в Эмсе.

Достоевский прибывает в Эмс 24 июля (5 августа) и уже на другой день уведомляет Н. А. Любимова о своем намерении выслать ему следующую часть романа так, чтобы редакция «Русского Вестника» получила ее между 10-ым и 12-ым августа (ст. стиля). Через три дня по приезде Достоевский сообщает жене одной фразой, что принял за работу. Насколько интенсивно ведется работа показывает фраза из письма к В. Ф. Пуцыковичу:

«Роман, который пишу теперь (Братья Карамазовы) поглощает пока все мои силы и все мое время. По усилившемуся нездоровью моему, — из за которого сию теперь в Эмсе и пью воды, — я с ним запоздал. А потому все время мое занято...»¹⁷⁹

Опять, как и в прежние разы, раздаются жалобы на недостаток времени — из-за лечебного режима писатель может работать «лишь 2 часа в сутки, да и то днем а не ночью»¹⁸⁰. О сдаче рукописи в срок Достоевский мечтал, как о празднике. Через два дня — в письме от 1/13-го августа — он сообщает Анне Григорьевне, что «пишется пока хорошо»¹⁸¹. Работа идет, по-видимому, так успешно, что спустя три дня — 4/16-го августа — Достоевский уже назначает срок возможного окончания этой книги романа — 7-го августа, то есть

как будто выполняет намеченный им самим план работы. Он пишет жене:

«Пишу и переписываю чтоб поскорее отослать Pater-Segarhicus, кажется отошлю 7-го, Господи еслиб удалось отослать!»¹⁸²

Еще три дня напряженной лихорадочной работы и наконец, в точно назначенный срок, радостное сообщение жене:

«Сегодня, 7-го Августа, отправил наконец толстейший пакет Любимову, т. е. роман на Август месяц 53 полулиста... Что отправил, тем кажется доволен (т. е. работой) выйдет очень хорошая вещь. К тому же не только 3 листа, но даже чуть-ли не больше, рублей этак на 1000. Но более всего доволен тем, что наконец отправил! Долго сидел у меня на шее этот старец, с самого начала лета мучился им»¹⁸³.

Вслед за этим сообщением, в тот же день, Достоевский пишет длинное письмо Любимову с подробными комментариями к только что отосланной в печать 6-ой книге «Русский инок», название, по словам Достоевского, «дерзкое и вызывающее, ибо закричат все нелюбящие нас критики: 'Таков-ли Русский Инок, как сметь ставить его на такой пьедестал?'" Но писателя не страшат возражения и упреки критиков: он высказал свои убеждения:

«Я же считаю что против справедливости не погрешил: Не только как идеал справедливо, но и как действительность справедливо»¹⁸⁴.

Далее следуют разъяснения структурного и стилистического порядка. Знакомство с комментариями, данными в этом письме к Любимову, а также в двух письмах из Эмса к К. П. Победоносцеву — от 9/21-го августа и особенно от 24 августа/5-го сентября — необходимо для верного понимания идейного замысла Достоевского в романе «Братья Карамазовы» и методов его художественного творчества. И в письме к Любимову и в первом письме к Победоносцеву Достоевский указывает, что он рассматривает 6-ую книгу как «кульминационную точку романа»¹⁸⁵. Необходимо отметить, что наряду с этой, 6-ой книгой, вскоре, в письме к Любимову из

Старой Руссы от 16-го сентября того же года, Достоевский назовет и главу «Кана Галилейская» из 7-ой книги «самой существенной во всей книге, а может быть и в романе»¹⁸⁶. Очевидно, что эта глава, вся 6-ая книга, так же как и вся 5-ая книга — с бунтом Ивана Карамазова и его поэмой о Великом Инквизиторе — представляют собою три важнейшие точки романа, три вершины идейных и этических поисков человека, как они мыслились Достоевским и как он изложил свою мысль во втором письме к Победоносцеву из Эмса. Отвечая на письмо Победоносцева от 16-го августа 1879 года, полученное в Эмсе, в котором говорится:

«Буду ждать нетерпеливо выхода августовской книжки Р. В. — Ваш «Великий инквизитор» произвел на меня сильное впечатление. Мало что я читал столь сильное. Только и ждал — откуда будет отпор, возражение и разъяснение — но еще не дождался...»¹⁸⁷

Достоевский пишет:

«...Вы тут же задаете *необходимейший* вопрос: Что ответу на все эти атеистические положения у меня пока не оказалось, а их надо. То-то и есть и в этом-то теперь моя забота и все мое беспокойство. Ибо ответом на всю эту *отрицательную сторону*, я и предположил быть вот этой 6-й книге, *Русский Инок*, которая появится 31 Августа. А потому и трепещу за нее в том смысле: будет ли она *достаточным* ответом. Тем более что ответ-то ведь не прямой, не на положения прежде выраженные (в Великом Инквизиторе и прежде) по пунктам, а лишь косвенный. Тут представляется нечто прямо (и обратно) противоположное выше выраженному мировоззрению, — но представляется опять таки не по пунктам, а так сказать в художественной картине. Вот это меня и беспокоит, т. е. буду ли понятен и достигну-ли хоть каплю цели. А тут в добавок еще обязанности художественности: потребовалось представить фигуру скромную и величественную, между тем жизнь полна комизма и только величественна в внутреннем смысле ее, так что поневоле из за художественных требований, принужден был, в биографии моего инока коснуться и

самых пошловатых сторон, чтоб не повредить художественному реализму. Затем есть несколько поучений инока, на которые прямо закричат, что они абсурдны, ибо слишком восторженны. Конечно они абсурдны в обыденном смысле, но в смысле ином, внутреннем кажется справедливы»¹⁸⁸.

Все эти стройные объяснения и авторские комментарии показывают, что в этот раз Достоевский работает в Эмсе не над первичным, сырым материалом, как это было с романом «Подросток», а с уже давно выношенным и продуманным планом и, частично, с уже почти готовым текстом, который он желает получше отделать и отшлифовать каждое слово. Комментарии, данные в письме к Любимову, в черновике письма к Пуцыковичу и замечания в письмах к Анне Григорьевне, свидетельствуют о том, какое важное значение Достоевский придавал языку и стилю своих произведений, как он переделывал и чистил уже готовый текст, точно выдерживал язык и стиль, свойственные каждому персонажу романа, чтобы создать «художественное лицо», и сколько сил он тратил, чтобы, по его выражению, «ювелирно отделать» вещь¹⁸⁹.

Отослав 7/19-го августа в редакцию «Русского Вестника» 6-ую книгу романа, Достоевский дает себе два дня отдыха. Он пишет письма, гуляет по Эмсу, где все его развлечение было смотреть на детей и заговаривать с ними, и уже думает над 7-ой книгой, которую он обещал Любимову выслать «неуклонно примерно к 10-му Сентября и уже из Старой Руссы»¹⁹⁰. Затем садится за писание 7-ой книги, которой он сначала дает название «Грушенька». 10/22-го августа Достоевский уже сообщает Анне Григорьевне, что он «Начал писать роман далее»¹⁹¹. Этой книге романа Достоевский придает очень большое значение: в письме к Любимову он говорит, что «в этой 7-й Книге два отдельные эпизода, как бы две отдельные повести. За то с окончанием этой 2-й Части, восполнится совершенно дух и смысл романа». В письме к жене он пишет:

«...К приезду моему (3-го или 4-го Сентября) дай Бог чтоб привезти половину на Сентябрьский-то номер, а осталь-

ную половину сяду дописывать на другой же день по приезде, ничего не отдыхая. А между тем работа должна быть чистая, щегольская, ювелирская. Это самые важные главы и должны установить в публике мнение о романе»¹⁹².

По ходу работы кое-что меняется в плане, расширяется тема Алеши. По приезде в Старую Руссу, Достоевский сообщает Любимову, что он несколько запаздывает с присылкой рукописи, так как ему хочется еще поработать над окончательной отделкой текста, «ибо предстоит закончить сцену из капитальнейших в целом романе и хочется сделать сколь возможно лучше»¹⁹³. К 20-му сентября вся 7-ая книга находится в редакцию «Русского Вестника» и выходит в свет в сентябрьском номере журнала. Таким образом, плодом последнего пребывания Достоевского в Эмсе явилась также и 7-ая книга романа, получившая в окончательном тексте название «Алеша». В этой книге писатель говорит о сомнениях, нахлынувших на Алешу после кончины его духовного наставника старца Зосимы, и подробно описывает самый горестный день жизни Алеши — с его разговором с Ракитиным и посещением Грушеньки, рассказавшей ему притчу о луковке, — день, заканчивающийся гимном любви к людям и миру — соприкосновением Алеши с тайной земной и звездной, о чем повествуется в главе «Кана Галилейская».

Больше Достоевский не приезжал в Эмс, но память о нем там сохранилась. 11-го ноября 1921 года литературные круги всего мира отмечали 100-летие со дня рождения великого русского писателя. Имя Федора Михайловича неоднократно упоминалось также и в Эмсе. 18-го ноября 1921 года, по инициативе Эмского Литературного Общества, в Курзале было устроено торжественное собрание, посвященное юбилейной дате, о чем заблаговременно было помещено извещение в газете «Emser Zeitung»¹⁹⁴. Прочсть доклад о писателе был приглашен доктор Карл Мюллер, проживавший в то время в Эмсе и редактировавший газету «Lahnbote». Доктор Мюллер неоднократно с большим успехом выступал с лекциями о Достоевском перед студенческой аудиторией Марбургского университета. Его доклад на торжественном собрании в Эм-

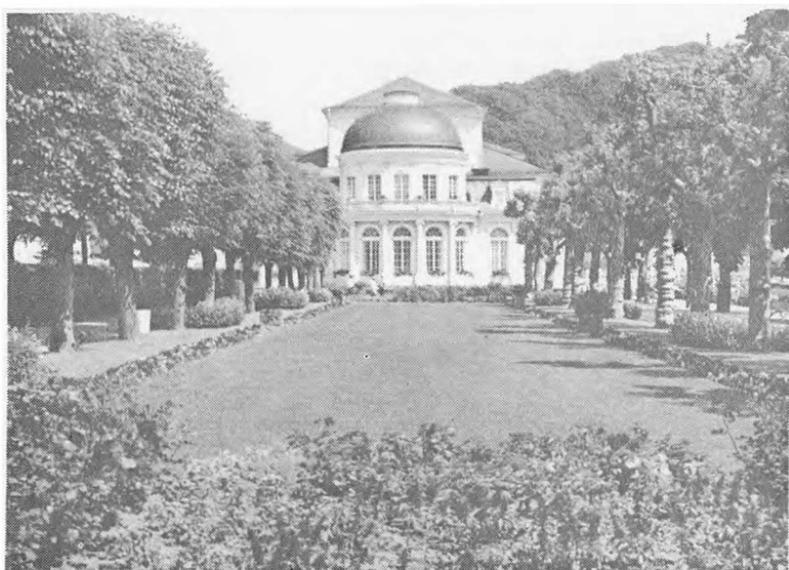
се был в сокращенном виде опубликован в газете «Lahnbote» от 19-го ноября 1921 года. В своем докладе доктор Мюллер сказал:

«Достоевский это душа русского народа; он — поэт, осиянный светом мистической красоты. Значение его творчества возрастает со временем. Только теперь можно объять все безмерное богатство его творческого воображения».

В заключение своего доклада доктор Мюллер заметил, что в Германии Достоевскому создан прекрасный памятник в виде полного собрания его сочинений в издательстве Р. Пипер.

Перед докладом, в помещении Курзала был поставлен портрет Достоевского кисти Перова и икона Казанской Божьей Матери, перед которой русскими посетителями были зажжены свечи. Перед началом второй части доклада в залу вошла дама в сопровождении князя Трубецкого и профессора Кошина. Эта дама была Любовь Федоровна Достоевская. Она поблагодарила доктора Мюллера за чествование памяти её отца и просила продолжать доклад. Окончив доклад, доктор Мюллер сообщил публике о присутствии в зале дочери писателя — все собравшиеся горячо приветствовали Любовь Федоровну. После доклада устроители собрания проводили Любовь Федоровну и бывших с ней лиц в отель «Russischer Hof». На следующий день, в 11 часов утра, Любовь Федоровна встретила с руководителями Эмского Литературного Общества и с представителями газет, прибывшими из Кобленца, Лимбурга, Висбадена, Франкфурта и Кёльна. Однако, по настоянию французских оккупационных властей, сообщение об этой встрече не было опубликовано в газетах. Не было разрешено также упоминать в газетах о факте присутствия дочери писателя на юбилейном собрании. Небольшая деревянная мемориальная доска, установленная на доме № 23 по Ланштрассе — бывшем отеле «Ville d'Alger» — со словами «Здесь жил Достоевский в 1875-1879», была удалена через несколько недель также по приказу оккупационных властей. 50 лет спустя имя Достоевского снова неоднократно упоминалось в Бад Эмсе. Здесь, с 1-го по 5-ое сентября 1971 года,

состоялся Международный Симпозиум, посвященный 150-летию со дня рождения писателя. Городское управление Эмса решило восстановить мемориальную доску на доме, где Достоевский жил в течение трех сезонов и где он продолжал работать над своими произведениями.

Кургаус в Эмсе. Здесь, в первом этаже, в помещении Малого Концертного зала, с 1 по 5 сентября 1971 года, состоялся Международный симпозиум в ознаменование 150-летней годовщины со дня рождения Ф. М. Достоевского.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Достоевский, Ф. М. Собрание сочинений в десяти томах. Москва, Государственное издательство художественной литературы, 1956-1958, том VIII: «Подросток», том IX, X: «Братья Карамазовы». Дневник писателя за 1876 год. Париж, YMCA Press, n. d. Письма, под редакцией А. С. Долинина. Том III — Москва - Ленинград. Издательство Академия, 1934; том IV — Москва. Гос. Изд-во художественной литературы, 1959.
- Достоевская, А. Г. Воспоминания, под редакцией Л. П. Гроссмана. Москва - Ленинград, Государственное издательство, 1925. Из главы «1881. Первое полное собрание сочинений Достоевского». Публикация С. Белова: «Неизвестные страницы», Литературная газета, 14 июля 1971 года.
- Dostojewski, Aimée. Dostojewski geschildert von seiner Tochter. München, Verlag Ernst Reinhardt, 1920.
- Битюгова, И. «Неопубликованное письмо Ф. М. Достоевского», Русская литература, 1961, № 4.
- Гроссман, Леонид. Достоевский. Москва, Издательство «Молодая Гвардия», 1965.
- Долинин, А. С. Последние романы Достоевского. Москва - Ленинград, Советский писатель, 1963.
- Жворонков, А. З. «Полицейское дело о секретном надзоре за Ф. М. Достоевским в Старой Руссе (1872-1876)», Известия Академии Наук СССР. Серия Литературы и Языка. 1965, том XXIV, вып. 4.
- Kötz, Günter. «Besucherzahlen des Emser Bades in 19. und 20. Jahrhundert». Nassauische Annalen, Band 82, 1971. Wiesbaden, Verlag des Vereins für Nassauische Altertumskunde und Geschichtsforschung, 1971.
- Magarshack, David. Dostoevsky. London, Secker & Warburg, 1962.
- Мочульский, Константин. Достоевский. Париж, YMCA Press, 1947.
- Onasch, Konrad. Dostojewski-Biographie. Zürich, EVZ — Verlag, 1960.
- Pascal, Pierre. Dostoievski: l'Homme et l'Oeuvre. Lausanne, Edition L'Age d'Homme, 1970.
- Рейнус, Л. М. Достоевский в Старой Руссе. Ленинград, лениздат, 1969.
- Troyat, Henri. Dostoievsky. Paris, Librairie Arthème Fayard, 1960.
- Yarmolinsky, Avrahm. Dostoevsky: His Life and Art. New Jersey, S. G. Phillips, Inc. 1957 and 1965.
- Сборник «Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников». Москва, Издательство «Художественная Литература», 1964, том. II.
- Литературное наследство, том 77. Москва, Издательство «Наука», 1965.
- Emser Zeitung, 14 November 1921.
- Lahnbote, 19 November 1921.
- Bad Ems und das Rhein-Lahngebiet. Stadt-und Wanderführer, Bad Ems, Heil-Druck, 1965.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Воспоминания А. Г. Достоевской, под редакцией Л. П. Гроссмана. Москва — Ленинград, Государственное Издательство, 1925 г., стр.: 187-190; 199-202, 204; 243-244 и 246.
- ² *Dostojewski geschildert von seiner Tochter A. Dostojewski*. München, Verlag Ernst Reinhardt, 1920, pp. 211-212.
- ³ Ф. М. Достоевский, *Подросток*, (Часть I, глава 4-ая, § 2; глава 6-ая, § 2; глава 9-ая, § 1; глава 10-ая, § 2. Часть II, глава 7-ая, §3.)
- ⁴ Ф. М. Достоевский в работе над романом «Подросток». Творческие рукописи. Литературное Наследство. Том 77. Москва, Издательство «Наука», 1965.
- ⁵ Константин Мочульский. *Достоевский*. Париж, YMCA Press, 1947.
Леонид Гроссман. *Достоевский*. Москва. Издательство «Молодая Гвардия», 1965.
Avraham Yarmolinsky. *Dostoevsky: His Life and Art*. New Jersey, S. G. Phillips, Inc., 1957 and 1965.
David Magarshack. *Dostoevsky*. London, Secker & Warburg, 1962.
Henri Troyat. *Dostoievsky*. Paris, Librairie Arthème Fayard, 1960.
Konrad Onasch. *Dostoiewski-Biographie*. Zürich, EVZ-Verlag, 1960.
Pierre Pascal. *Dostoievski: L'Homme et L'Oeuvre*. Lausanne, Editions L'Age d'Homme, 1970.
- ⁶ В. В. Тимофеева (О. Починковская) «Год работы с знаменитым писателем». В Сборнике Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. Москва, Издательство «Художественная Литература», 1964, том II, стр. 126.
- ⁷ В. В. Тимофеева (О. Починковская), *Op. cit.* стр. 179.
М. А. Александров. «Федор Михайлович Достоевский в воспоминаниях типографского наборщика в 1872-1881 годах» в Сборнике Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников, том II, стр. 232.
В. С. Соловьев «Воспоминания о Ф. М. Достоевском» в том же Сборнике, том II, стр. 198.
- ⁸ М. А. Александров. *Op. cit.* стр. 232.
- ⁹ Ф. М. Достоевский. *Письма*, том III: 1871-1878, Москва — Ленинград, Издательство Академия, 1934. Примечание А. С. Долинина, стр. 101.
- ¹⁰ Л. М. Рейнус. *Достоевский в Старой Руссе*. Ленинград, Лениздат, 1969. Упоминание об Эмсе в тексте: стр. 34, 42 и 63. Даты в приложении: стр. 73, 74 и 75.
- ¹¹ Двойные даты означают: первая дата — старый стиль, вторая дата — новый стиль, по которому писатель жил в Европе.
- ¹² Воспоминания А. Г. Достоевской. Стр. 188.
- ¹³ Ф. М. Достоевский. *Письма*, том. III, стр. 100.
- ¹⁴ Там же.

- ¹⁵ Ф. М. Достоевский. *Письма*, том III, стр. 105.
- ¹⁶ Ф. М. Достоевский. *Письма*, том III, стр. 118.
- ¹⁷ Ф. М. Достоевский. *Письма*, том III, стр. 123.
- ¹⁸ Воспоминания А. Г. Достоевской, стр. 202 и 204.
- ¹⁹ Ф. М. Достоевский. *Письма*, том III, стр. 167.
- ²⁰ Ф. М. Достоевский. *Письма*, том III, стр. 168-169.
- ²¹ Ф. М. Достоевский. *Письма*, том III, стр. 174.
- ²² Ф. М. Достоевский. *Письма*, том III, стр. 178.
- ²³ Ф. М. Достоевский. *Письма*, том III, стр. 185.
- ²⁴ Ф. М. Достоевский. *Письма*, том III, стр. 196.
- ²⁵ Воспоминания А. Г. Достоевской, стр. 204.
- ²⁶ Там же, стр. 210.
- ²⁷ Ф. М. Достоевский. *Письма*, том III, стр. 217.
- ²⁸ Ф. М. Достоевский. *Письма*, том III, стр. 219-220.
- ²⁹ Ф. М. Достоевский, *Письма*, том III, стр. 222.
- ³⁰ Ф. М. Достоевский, *Письма*, том III, стр. 225.
- ³¹ Воспоминания А. Г. Достоевского, стр. 225.
- ³² Воспоминания А. Г. Достоевской, стр. 226.
- ³³ Воспоминания А. Г. Достоевской, стр. 243.
- ³⁴ Ф. М. Достоевский. *Письма*, том IV, Москва, Государственное Издательство Художественной Литературы, 1959, стр. 68.
- ³⁵ Ф. М. Достоевский. *Письма*, том IV стр. 68.
- ³⁶ Ф. М. Достоевский, *Письма*, том IV, стр. 72.
- ³⁷ Ф. М. Достоевский, *Письма*, том IV, стр. 74.
- ³⁸ Ф. М. Достоевский, *Письма*, том IV, стр. 97.
- ³⁹ Ф. М. Достоевский, *Письма*, том IV, стр. 112.
- ⁴⁰ Воспоминания А. Г. Достоевской, стр. 259.
- ⁴¹ По-видимому, дело идет о статье Достоевского «Два слова по поводу мнения Бисмарка о русских немцах» в «Гражданине» от 11-го марта 1874 года. В. В. Тимофеева, «Год работы с знаменитым писателем», Сборник *Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников*, том II, стр. 171.
- ⁴² Вс. С. Соловьев «Воспоминания о Ф. М. Достоевском» в том же Сборнике, том II, стр. 196 и 195.
- ⁴³ Письмо священника Георгиевской церкви И. Румянцева от 25-го апреля 1875 года цитировано по публикации А. З. Жаворонкова: «Полицейское дело о секретном надзоре за Ф. М. Достоевским в Старой Руссе» (1872-1876), *Известия Академии Наук СССР*. Серия литературы и языка. 1965, том XXIV, вып. 4. стр. 337.
- ⁴⁴ Там же, стр. 337.
- ⁴⁵ И. Битюгова, «Неопубликованное письмо Ф. М. Достоевского». *Русская Литература*, 1961, № 4, стр. 144.
- ⁴⁶ Ф. М. Достоевский. *Письма*, том III, стр. 104.
- ⁴⁷ Ф. М. Достоевский. *Письма*, том III, стр. 113.
- ⁴⁸ Воспоминания А. Г. Достоевской, стр. 193.
- ⁴⁹ Там же, стр. 199.

- ⁵⁰ Ф. М. Достоевский. *Письма*, том III, стр. 168.
- ⁵¹ Там же, стр. 174.
- ⁵² Там же, стр. 183.
- ⁵³ Эта «книжка об Эмсе» — «Эмс и его целебные источники» доктора А. Гиршторна, Петербург 1874 г. По свидетельству А. Долинина, экземпляр этой брошюры сохранился в библиотеке Достоевского. Ф. М. Достоевский, *Письма*, том III, стр. 189.
- ⁵⁴ Ф. М. Достоевский, *Письма*, том III, стр. 191 и 194.
- ⁵⁵ Там же, стр. 232.
- ⁵⁶ Ф. М. Достоевский, *Письма*, том III, стр. 219.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Там же, стр. 233.
- ⁵⁹ Ф. М. Достоевский, *Письма*, том III, стр. 241.
- ⁶⁰ Письмо из Эмса от 23-го июля (4 августа) 1876 года. Цитировано по публикации И. Битюговой, «Неопубликованное письмо Ф. М. Достоевского», *Русская Литература*, 1961, № 4, стр. 145.
- ⁶¹ Ф. М. Достоевский, *Письма*, том III, стр. 236 и 233.
- ⁶² Ф. М. Достоевский, *Письма*, том IV, стр. 74.
- ⁶³ *Воспоминания А. Г. Достоевской*, стр. 243.
- ⁶⁴ Ф. М. Достоевский, *Письма*, том IV, стр. 77.
- ⁶⁵ Там же, стр. 89.
- ⁶⁶ Ф. М. Достоевский, *Письма*, том IV, стр. 93.
- ⁶⁷ Там же. Письма к Анне Григорьевне от 13/25 августа и 16/28 августа 1879 г., стр. 98 и 102.
- ⁶⁸ *Воспоминания А. Г. Достоевской*, стр. 293.
- ⁶⁹ Ф. М. Достоевский, *Письма*, том III, стр. 110.
- ⁷⁰ Ф. М. Достоевский, *Письма*, том III, стр. 171.
- ⁷¹ Там же, стр. 181.
- ⁷² Ф. М. Достоевский, *Письма*, том III, стр. 103.
- ⁷³ Ф. М. Достоевский, *Письма*, том IV, стр. 89.
- ⁷⁴ Ф. М. Достоевский, *Письма*, том III, стр. 113.
- ⁷⁵ А. Г. Достоевская, Из главы «1881. Первое полное собрание сочинений Достоевского». Публикация С. Белова: «Неизвестные страницы», *Литературная газета*, 14 июля 1971, стр. 7.
- ⁷⁶ Ф. М. Достоевский, *Письма*, том III, стр. 234.
- ⁷⁷ Ф. М. Достоевский, *Письма*, том III, стр. 105.
- ⁷⁸ Согласно статистическим данным, опубликованным в Нассауской Хронике, в 1874 году, помимо 4 738, приехавших для развлечения, было 9 961 человек лечащихся; из них немцев — 6 017, русских — 1 282, англичан — 542, французов — 251. В 1876 году лечащихся было 8 935, из них: немцев — 5 797, русских — 1 025, англичан — 580, французов — 244. Помимо лечащихся, было зарегистрировано 5 841 человек просто путешествующих. *Nassauische Annalen* Band 82, 1971. Wiesbaden, 1971., стр. 371-372.
- ⁷⁹ Ф. М. Достоевский, *Письма*, том III, стр. 107.
- ⁸⁰ Ф. М. Достоевский, *Письма*, том III, стр. 122.

- ⁸¹ Ф. М. Достоевский, *Письма*, том III, стр. 109.
- ⁸² Там же, стр. 116.
- ⁸³ Там же, стр. 125.
- ⁸⁴ Ф. М. Достоевский, *Письма*, том III, стр. 216.
- ⁸⁵ Ф. М. Достоевский, *Письма*, том IV, стр. 70.
- ⁸⁶ Ф. М. Достоевский, *Письма*, том III, стр. 108.
- ⁸⁷ Ф. М. Достоевский, *Письма*, том III, стр. 108.
- ⁸⁸ Там же, стр. 126.
- ⁸⁹ Ф. М. Достоевский, *Письма*, том III, стр. 130.
- ⁹⁰ *Воспоминания А. Г. Достоевской*, стр. 256.
- ⁹¹ Ф. М. Достоевский, *Письма*, том III, стр. 112.
- ⁹² Ф. М. Достоевский, *Письма*, том III, стр. 113.
- ⁹³ Ф. М. Достоевский, *Письма*, том III, стр. 233.
- ⁹⁴ *Письма*, том IV, стр. 77.
- ⁹⁵ Там же, стр. 99.
- ⁹⁶ Ф. М. Достоевский, *Письма*, том IV, стр. 75.
- ⁹⁷ Ф. М. Достоевский, *Письма*, том III, стр. 116-117.
- ⁹⁸ Там же, стр. 172.
- ⁹⁹ Ф. М. Достоевский, *Письма*, том III, стр. 231.
- ¹⁰⁰ *Воспоминания А. Г. Достоевской*, стр. 102.
- ¹⁰¹ Ф. М. Достоевский, *Письма*, том III, стр. 177.
- ¹⁰² Ф. М. Достоевский, *Письма*, том III, стр. 187.
- ¹⁰³ Ф. М. Достоевский, *Письма*, том IV, стр. 90.
- ¹⁰⁴ Ф. М. Достоевский, *Письма*, том III, стр. 220.
- ¹⁰⁵ Ф. М. Достоевский, *Письма*, том III, стр. 225.
- ¹⁰⁶ Л. М. Розенблюм, автор обширной вступительной статьи к 77-му тому *Литературного наследства «Творческая лаборатория Достоевского-романиста»*, Москва, Изд. «Наука», 1965, стр. 54.
- ¹⁰⁷ *Воспоминания А. Г. Достоевской*, стр. 185.
- ¹⁰⁸ Ф. М. Достоевский, *Письма*, том III, стр. 105-106.
- ¹⁰⁹ Там же, стр. 108.
- ¹¹⁰ Ф. М. Достоевский, *Письма*, том III, стр. 109.
- ¹¹¹ Ф. М. Достоевский, *Письма*, том III, стр. 114.
- ¹¹² Там же, стр. 327.
- ¹¹³ Там же, стр. 131.
- ¹¹⁴ А. С. Долинин, *«Последние романы Достоевского»*, Москва-Ленинград, Изд. Советский писатель, 1963, стр. 84-85.
- ¹¹⁵ Ф. М. Достоевский, *Письма*, том III, стр. 137-138.
- ¹¹⁶ Там же, стр. 133.
- ¹¹⁷ Ф. М. Достоевский, *Письма*, том III, стр. 135.
- ¹¹⁸ Там же, стр. 136.
- ¹¹⁹ *Литературное наследство*, том 77, стр. 62.
- ¹²⁰ Там же, стр. 64.
- ¹²¹ Там же, стр. 69.
- ¹²² Там же, стр. 74.
- ¹²³ *Литературное наследство*, том 77, стр. 80.

- ¹²⁴ Там же, стр. 85. Сравнить *Письма*, том III, стр. 113.
- ¹²⁵ Там же, стр. 86, ср. *Письма*, том III, стр. 108-109.
- ¹²⁶ *Литературное наследство*, стр. 232.
- ¹²⁷ *Литературное наследство*, стр. 274.
- ¹²⁸ Ф. М. Достоевский, *Собрание сочинений* в десяти томах, Москва, Государственное издательство художественной литературы, 1958, том VIII, стр. 41.
- ¹²⁹ Ф. М. Достоевский. *Собрание сочинений*, том VIII, стр. 73 и 163.
- ¹³⁰ Там же, стр. 76.
- ¹³¹ Ф. М. Достоевский, *Собрание сочинений*, том VIII, стр. 179.
- ¹³² Там же, стр. 210.
- ¹³³ *Воспоминания А. Г. Достоевской*, стр. 201. Ср. также *Письма Достоевского*, том III, стр. 147 и 151-152.
- ¹³⁴ Ф. М. Достоевский, *Письма*, том III, стр. 174.
- ¹³⁵ Там же, стр. 180.
- ¹³⁶ Ф. М. Достоевский, *Письма*, том III, стр. 180.
- ¹³⁷ Там же, стр. 186-187.
- ¹³⁸ Там же, стр. 189.
- ¹³⁹ Там же, стр. 192.
- ¹⁴⁰ *Литературное наследство*, том 77, стр. 355.
- ¹⁴¹ Там же, стр. 361.
- ¹⁴² Там же, стр. 369.
- ¹⁴³ Ф. М. Достоевский, *Письма*, том III, стр. 177.
- ¹⁴⁴ Ф. М. Достоевский, *Письма*, том III, стр. 197.
- ¹⁴⁵ Ф. М. Достоевский, *Письма*, том III, стр. 215.
- ¹⁴⁶ Ф. М. Достоевский, «*Дневник писателя за 1876 год*», Париж, YMCA Press, стр. 262.
- ¹⁴⁷ Ф. М. Достоевский, *Письма*, том III, стр. 222.
- ¹⁴⁸ Ф. М. Достоевский, *Письма*, том III, стр. 225.
- ¹⁴⁹ Там же, стр. 228.
- ¹⁵⁰ Ф. М. Достоевский, *Письма*, том III, стр. 236-237.
- ¹⁵¹ Там же, стр. 229.
- ¹⁵² Ф. М. Достоевский, *Письма*, том III, стр. 216.
- ¹⁵³ Ф. М. Достоевский, «*Дневник писателя*» за 1876 год, стр. 294-296; *Письма*, том III, стр. 216-217 и «*Воспоминания А. Г. Достоевской*», стр. 100-101.
- ¹⁵⁴ «*Дневник писателя*» за 1876 год, стр. 286.
- ¹⁵⁵ Там же, стр. 292.
- ¹⁵⁶ Там же, стр. 293-294.
- ¹⁵⁷ Там же, стр. 294.
- ¹⁵⁸ Ф. М. Достоевский, *Письма*, том III, стр. 221.
- ¹⁵⁹ «*Дневник писателя*», стр. 293.
- ¹⁶⁰ Там же, стр. 289-290.
- ¹⁶¹ «*Дневник писателя*», стр. 317-318.
- ¹⁶² Ф. М. Достоевский, *Письма*, том III, стр. 121.
- ¹⁶³ Там же, стр. 123.

- ¹⁶⁴ Там же, стр. 224.
- ¹⁶⁵ *Письма*, том IV, стр. 89.
- ¹⁶⁶ *Письма*, том III, стр. 120.
- ¹⁶⁷ Ф. М. Достоевский, *Письма*, том IV, стр. 97.
- ¹⁶⁸ *Литературное Наследство*, стр. 69.
- ¹⁶⁹ *Воспоминания А. Г. Достоевской*, стр. 193.
- ¹⁷⁰ Там же, стр. 225.
- ¹⁷¹ Ф. М. Достоевский, *Письма*, том IV, стр. 67.
- ¹⁷² Там же, стр. 95.
- ¹⁷³ «*Дневник писателя*», стр. 318.
- ¹⁷⁴ Ф. М. Достоевский, *Письма*, том IV, стр. 91.
- ¹⁷⁵ «*Дневник писателя*», стр. 326.
- ¹⁷⁶ Там же, стр. 322.
- ¹⁷⁷ Ф. М. Достоевский, «*Братья Карамазовы*», в *Собрании сочинений в десяти томах*, Москва, Государственное издательство художественной литературы, 1958 г., том IX, стр. 394.
- ¹⁷⁸ Ф. М. Достоевский, *Письма*, том IV, стр. 71.
- ¹⁷⁹ Там же, стр. 80.
- ¹⁸⁰ Там же, стр. 81.
- ¹⁸¹ Там же, стр. 84.
- ¹⁸² Там же, стр. 86.
- ¹⁸³ Там же, стр. 89.
- ¹⁸⁴ Там же, стр. 91.
- ¹⁸⁵ Там же, стр. 91 и 94.
- ¹⁸⁶ Там же, стр. 114.
- ¹⁸⁷ Письмо Победоносцева цитировано по отрывку, данному А. С. Долининым в *Комментариях к IV-му тому Писем Достоевского*, стр. 398.
- ¹⁸⁸ Ф. М. Достоевский, *Письма*, том IV, стр. 109-110.
- ¹⁸⁹ Там же, стр. 79, 91 и 98.
- ¹⁹⁰ Там же, стр. 92.
- ¹⁹¹ Там же, стр. 96.
- ¹⁹² Там же, стр. 92 и 103.
- ¹⁹³ Там же, стр. 112.
- ¹⁹⁴ «*Emser Zeitung*» от 14 ноября 1921 года.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Пребывание в Эмсе	7
Состояние здоровья Достоевского	38
Бад Эмс и эмские впечатления Достоевского	50
Творчество Достоевского, связанное с его пребыванием в Эмсе	80

